

ISSN 2227-1538

PolitBook

politbook.online

Александр Соколов, Светлана Миронова
ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ В МОЛОДЕЖНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Галина Авцинова, Елена Воронина
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ
В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Алексей Сквиков, Вероника Преждарова, Андрей Шумилов
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ, СЕТЕВИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

Александр Скиперских
ВЛАСТЬ VS МАССА: НОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

1
2023

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ

А.В. Соколов, С.В. Миронова

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ В МОЛОДЁЖНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Г.И. Авцинова, Е.Ю. Воронина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ
В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А.К. Сквиков, В.Г. Преждарова, А.В. Шумилов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ, СЕТЕВИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

А.В. Скиперских

ВЛАСТЬ VS МАССА: НОВЫЕ ФОРМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

Главный редактор ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент Зам. главного редактора СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент Ответственный секретарь НИКИФОРОВА Ирина Владимировна Перевод ОРЛОВА Елена Геннадьевна Учредитель / Издатель НИИ общественных и политических наук	16+ Научная редакция ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев кандидат философских наук, доцент КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник
Председатель Редакколлегии номера СОКОЛОВ Александр Владимирович доктор политических наук Редакционная коллегия АЛЕКСЕЕВ С.В. – кандидат политических наук, доцент (Москва) БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань) БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва) БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно) ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ИЛЬМАРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин) КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва) КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван) КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург) ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер) ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь)	МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы) ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва) ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва) ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага) СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб) СКИПЕРСКИХ А.В. – доктор политических наук, профессор (Елец) СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль) ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва) ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва) ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)

Editor in Chief SHUMILOV Andrei Executive Secretary NIKIFOROVA Irina Translate ORLOVA Elena Design PAVLUNIN Dmitriy	Deputy Editor SKOVIKOV Alexey Editors EFREMOV Oleg ZLATANOV Blagoy KASIMOV Evgeniy ARUTYUNOV Anton Publisher Institute of Social and Political Sciences
Chairman of the Editorial board SKIPERSKIH Aleksander Prof. Editorial Board ALEKSEEV S. Assoc. Prof. (Moscow) BOLSHAKOV A. Prof. (Kazan) BORSHCHEVSKY G. Prof. (Moscow) BRONNIKOV I. Assoc. Prof. (Moscow) VATYL V. Prof. (Grodno) GRISHIN O. Assoc. Prof. (Moscow) ILMJARV M. PhD (Tallinn) HORINA G. Prof. (Moscow) KAPITSYN V. Prof. (Moscow) KERYAN G. Prof. (Yerevan) KURILLA I. Prof. (Saint-Petersburg) LEONTIEVA O. Assoc. Prof. (Tiraspol)	LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow) MINEEVA E. Prof. (Cheboksary) NASIMOVA G. Prof. (Almaty) OMELCHENKO N. Prof. (Moscow) PASTUHOVA L. Assoc. Prof. (Moscow) PROROK V. PhD (Prague) SERGEVNIN V. Prof. (Macomb) SKIPERSKIH A. Prof. (Yelets) SHIROKOV O. Prof. (Cheboksary) SOKOLOV A. Assoc. Prof. (Yaroslavl) TUROVSKY R. Prof. (Moscow) CHERNYSHOV Y. Prof. (Barnaul) YURCHENKO S. Prof. (Simferopol)

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ

А.В. Соколов, С.В. Миронова

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
В МОЛОДЁЖНЫХ СООБЩЕСТВАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

6

Г.И. Авцинова, Е.Ю. Воронина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ
В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

46

А.К. Сквиков, В.Г. Преждарова, А.В. Шумилов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ,
СЕТЕВИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

58

Е.П. Казбан, М.А. Верниченко, А.В. Кирка

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА
СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

70

О.С. Пустошинская

МНОЖЕСТВЕННАЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ
КАК ПРОИЗВОДНАЯ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

87

А.В. Скиперских

ВЛАСТЬ VS МАССА: НОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

107

Н.В. Алексеев, С.В. Алексеев

УЧАСТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

122

СТАТЬИ

П.В. Закрепин

СУБЪЕКТ РФ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

133

К.К. Абдулкеримов

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН:
ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

147

О.А. Нестерчук, Т.А. Нгуен

ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПООЩРЕНИЕ РАВЕНСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ
МЕЖДУ ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ ВО ВЬЕТНАМЕ

159

Е.В. Рябинин

КРОСС-ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН АКТИВИЗАЦИИ ИДЕЙ
ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ УКРАИНЫ

178

Наши авторы

196

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

**А.В. Соколов,
С.В. Миронова**

**A. Sokolov,
S. Mironova**

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В МОЛОДЁЖНЫХ СООБЩЕСТВАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ» *

FEATURES OF BROADCASTING POLITICAL VALUES IN THE YOUTH COMMUNITIES OF THE VKONTAKTE SOCIAL NETWORK

Аннотация

В работе представлен теоретический и прикладной анализ ценностей молодежи, формирующихся и изменяющихся под влиянием социальных медиа. На основе экскурса к научным публикациям делается вывод о том, что термин «ценности» широко распространен как в повседневной жизни, так и в публицистике. В работе за основу берется социальное понимание ценностей, отражающее убеждения людей, которые влияют на их поведение. Статистические данные демонстрируют постоянный рост числа пользователей социальных сетей в последние годы, в частности, связанный с введением ограничительных мер по недопущению распространения COVID-19. Переход гражданской и протестной активности, коммуникации в онлайн-пространство неизбежно влияет на трансформацию ценностей молодежи. С целью выявления особенностей отражения политических ценностей молодежи в сообществах социальных сетей, было проведено исследование методами case-study, event-анализ и контент-анализ. Авторами рассмотрена деятельность групп «ВКонтакте» - представительств молодежных провластных, оппозиционных и нейтральных организаций на

Abstract

The paper presents a theoretical and applied analysis of the values of youth that are formed and changing under the influence of social media. Based on an excursion to scientific publications, it is concluded that the term "values" is widely used both in everyday life and in journalism. The work is based on a social understanding of values that reflects the beliefs of people who influence their behavior. Statistics show a steady increase in the number of users of social networks in recent years, in particular, associated with the introduction of restrictive measures to prevent the spread of COVID-19. The transition of civic and protest activity, communication into the online space inevitably affects the transformation of the values of young people. In order to identify the features of reflecting the political values of young people in social media communities, a study was conducted using case-study, event-analysis and content-analysis methods. The authors consider the activities of VKontakte groups - representative offices of youth pro-government, opposition and neutral organizations in Russia in the period from March to August 2021. As a result, federal districts with low, medium and high activity of

территории России в период с марта по август 2021 года. В результате, были определены федеральные округа с низкой, средней и высокой активностью молодежных сообществ в социальных сетях, выявлена тенденция транслирования 3 основных тем: важность гражданского активизма, сохранения памяти о Великой Отечественной войне, ветеранах, традиций России, сделан вывод, что контент в молодежных сообществах не отражает реальные политические процессы современной России.

youth communities in social networks were identified, a tendency to broadcast 3 main topics was revealed: the importance of civic activism, preserving the memory of the Great Patriotic War, veterans, and traditions of Russia. Opposition communities usually broadcast a wider range of political values, affecting such as Russia's positioning in the international arena, justice, security, fair, competitive elections, legality, and the changeability of power. At the same time, one of the most frequently posted topics was the preservation of historical memory, the development of patriotism. A feature of pro-government communities has become a regular appeal to social values, among which the main ones are support for vulnerable groups, protection of childhood and family, volunteering. Neutral organizations focused on issues of self-realization in politics. The author concludes that the content in youth communities does not reflect the real political processes of modern Russia.

Ключевые слова:

молодежь, ценности молодежи, политические ценности, социальные сети, ценности в социальных сетях, молодежные политические сообщества.

Key words:

youth, youth values, political values, social networks, values in social networks, youth political communities.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №21-011-31366 «Образ будущего России в представлениях учащейся молодежи: факторы формирования и трансформации в условиях перемен и кризисов».

Модернизация, цифровизация и любые изменения в обществе связаны с ценностными ориентациями населения. Они демонстрируют состояние государственной системы, способны быть индикаторами настроений и состояний напряженности граждан. Изучая индивидуальную систему ценностей каждого человека, которые выражаются в установках, поведении и его активности, мы можем судить и о состоянии общества в целом, оценить запросы и социальные нужды, выстроить баланс между потребностями населения и государственными национальными приоритетами. Несомненно, что под влиянием технологического развития, экономических потрясений, культурных трансформаций и иных кризисных или, наоборот, благополучных периодов меняется среда существования человека, его цели и ценности. Следовательно, именно в точках бифуркации важна оценка ценностных ориентаций.

Современный облик России во многом определяет молодое поколение, ориентации которого продиктованы развитием цифровых технологий, технического прогресса, идеями демократии и плюрализма. Всё это создает предпосылки последующего качественного изменения общественного устройства и государственной политики. В то же время, теоретическую актуальность темы составляет сложность определения категории «ценности» в силу его междисциплинарного характера и существованием различных подходов, научных воззрений.

С практической точки зрения важным становится необходимость анализа ценностей, транслируемых в новых информационных каналах, в частности, в социальных сетях, которые становятся основными площадками коммуникации молодёжи. Учитывая, что именно общение и регулярное присутствие в социальных сетях в той или иной степени формирует ценностные ориентации людей, в том числе политические, можем предположить, что анализ публикуемого контента позволит выявить особенности передачи ценностей в цифровом пространстве. Разработка методики анализа политических ценностей молодежи через изучение профильных сообществ в сети интернет, связанных с политической системой, станет основой понимания запроса молодых людей в отношении государственного устройства, также позволит уйти от основного метода анализа ценностных ориентаций – опроса, который в силу психологических особенностей личности может исказить итоговые данные.

Понятие «ценность» - полисеманлично, является предметом изучения различных гуманитарных дисциплин, в связи с чем возникает необходимость формулирования точного понятийно-категориального аппарата работы. Сам термин «ценность» происходит от латинского «valere», и изначально означает «быть достойным» и служит, прежде всего, для описания экономических, стоимостных смыслов.

Многие ученые и исследователи в своих работах обращались к личным и общественным ценностям. Личностные установки лежали в основе рассмотрения вопросов нравственности, сознания. Экскурс к научным воззрениям позволяет сделать вывод, что интерес к феноменам ценностей наблюдался ещё в античное время. Например, одним из первых к феномену ценностей обращался Платон в своём учении о благе. Он подчеркивал значимость социальной природы ценностей, а в качестве важнейших достоинств государства называл мудрость, храбрость, умерен-

ность и справедливость. Аристотель в своих трудах акцентировал, что любая деятельность человека обусловлена стремлением к счастью, для достижения которого необходима моральная или этическая добродетель. В Средневековье сложилась западно-христианская доктрина ценностей: понятия о благе, добре и зле, смысле жизни, счастье, добродетели, в основу которой легли труды Амвросия Медиоланского, Аврелия Августина, Фомы Аквинского. Впервые слово «ценность» употребил Диоген Лаэртский, описывая философские воззрения стоиков, для которых ценностью стали «польза, содействующая жизни, согласной с природой», «меновая цена товара» и «всякое благо», обеспечивающее согласованную жизнь. Однако несмотря на активные попытки понять основы поведения человека, его внутренние движущие факторы, в эпоху античности и средневековья не существовало понятия «ценности» в категориальном смысле, его синонимами становились слова «благо», «идея», «красота», «справедливость», «счастье».

На рубеже XIX–XX вв., в период глобальных социальных изменений, разрушения религиозного западно-христианского мира и культуры, формируется отдельное философское направление о ценностях – аксиология. В научный оборот категорию «ценность» вводит Р.Г. Лотце, обозначая значимость для субъекта. К вопросам разграничения материальных и идеальных ценностей, их функций и влияния на человека и общества оперировали И. Кант, Л.А. Микешина, С.Л. Рубинштейн и др.

Особый интерес представляет дискурс социологов и психологов, которые под ценностями понимают фундаментальные нравственные и этические нормы, выполняющие воспитательную, регулятивную, прогностическую функции, обеспечивающие целостность социальных систем. Например, Н.И. Лапин пишет, что ценности – это социально-одобряемые и разделяемые большинством людей представления о добре, справедливости, патриотизме, любви, дружбе. По мнению ученого, ценности определяют цели, смысл существования каждого человека, общества, государства. Т. Парсонс в рамках структурно-функционального подхода пишет о категории «ценности» как о высших принципах, организующих согласие в малых группах и больших сообществах людей. Э. Гидденс трактует ценности как нечто желаемое, приемлемое, хорошее или плохое. Профессор Леонтьев предлагает разделять все ценности на 3 группы: социальные (семья, коллеги); объективные (СМИ, искусство) и личные (по-

требности, желания, мотивы, идеалы). Помимо этого, в науке выделяют более 10 различных классификаций ценностей: в зависимости от общественной сферы – политические, культурные, экономические, религиозные, гражданские и т.п., по степени значимости – общечеловеческие, национальные, групповые, индивидуальные; по связи с объектом – социальные и духовные.

Таким образом, краткий исторический обзор доказывает междисциплинарность понятия «ценность». Прежде всего, они рассматриваются в философском, социальном и психологическом аспектах, а большинство ученых сходились во мнениях, что ценности лежат в основе функционирования государства и общества, трансформируются под влиянием сильных экономических, социальных потрясений, технологических революций. Обращаясь к лингвистическому анализу, заметим, что термин «ценность» широко используется как в научной литературе, так и в разговорной речи. При этом, во втором случае часто оно употребляется как синоним различных категорий: достоинства, заслуги, стоимость, польза и др. Современные словари содержат определения «ценности» в философском, психологическом, социальном, экономическом значениях, что доказывает многогранность явления. В данной статье в целях раскрытия обозначенной темы, под «ценностями» будем понимать «принцип и убеждение, которые влияют на поведение и образ жизни определенной группы людей или сообществ» [22, с. 607].

Принимая во внимание социально-политический смысл категории «ценность», важным становится изучение вопроса об особенностях их трансформации. В статье фокус, в большей степени, будет направлен на анализ политических ценностей, лежащих в основе государственного и общественного строительства, которые представляют собой устойчивые, присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений. Вклад в изучение ценностных ориентаций внес Р. Инглхарт - известный социолог и политолог, разработавший теорию «Generational Replacement», в которой утверждал, что от поколения к поколению происходит смена ценностей: от материалистических к постматериалистическим. Для молодого поколения всё более важным становятся вопросы прав человека, экологии, нравственности, самореализации.

Также Р. Инглхарт разработал новую версию теории модернизации, в которой отразил, что экономическое развитие, рост благосостояния меняют человеческую мотивацию, оказывающую влияние на сдвиги в гендерных ролях, нормах сексуального поведения, распространении демократии.

Ключевым выводом многочисленных исследований является доказательство взаимосвязи экономического развития, политической стабильности и культуры с человеческими ценностями, их трансформацией. Р. Инглхарт утверждает, что изменения в мировоззрении людей влияют на политическую и общественную жизнь, однако, происходят уже в следующем поколении. Также на формирование ценностей влияет повышение доступности образования, информации. Так, индустриализация обусловила переход от традиционных ценностей к светским, рациональным. А постиндустриальное общество формирует ценности самовыражения [20].

В современном мире ценностные изменения, несомненно, связаны с цифровизацией всех сфер жизни, свободным доступом к информации, всеобщей доступностью Интернета. Информатизация общества становится своеобразной точкой бифуркации, которая оказывает влияние как на личные процессы коммуникации, так и на общественные – переход гражданской активности в онлайн-пространство, документооборота, социальных услуг, отдельных политических процессов. Использование Интернета становится повседневным и всеобъемлющим явлением. Так, по данным ежегодного отчёта о состоянии цифровой сферы «Global Digital 2021», подготовленного агентствами «We are a socially» и «Hootsuite», в мире насчитывается 4,2 млрд пользователей социальных сетей, что составляет 53,6% мирового населения. По данным отчета, в России на одного Интернет-пользователя приходится по 7,2 аккаунта в социальных сетях. По данным ВЦИОМ в 2020 году в цифровую среду были вовлечены 82% россиян. О ежедневном использовании Сети сообщает 71% наших соотечественников, почти каждый десятый использует Интернет несколько раз в неделю. При этом, если говорить о молодежной аудитории, то доля пользователей Интернетом и социальными сетями возрастает до 98% [11].

Глобальная цифровизация, оказывает сильное влияние на трансформацию политических ценностей, культуры. Социальные сети, становящиеся площадкой коммуникации молодежи, формируют и отражают внутренние общественно-политические установки и тренды молодежи, по

которым можно судить о грядущих изменениях, потребностях и запросах граждан.

В зарубежной литературе исследователи обращают внимание на возрастающую роль социальных сетей в повседневной жизни молодежи и отмечают, что данный факт непосредственно влечет изменения в поведенческих установках молодых людей. Например, в публикации Э. Ортисио, Л. Марти и С. Кидда раскрывается феномен восприятия информации под влиянием социальных медиа, формирования личных убеждений и ценностей людей на основе популярной, но не всегда достоверной информации [4, p. 43].

Пандемия COVID-19 актуализировала исследования поведения молодежи в условиях онлайн-жизни. Так, изучение аудитории Германии и Литвы показало возникновение депрессии, стресса, апатичных мыслей молодежи после длительного использования социальных сетей [2]. Влияние социальных сетей на ментальное здоровье молодежи также рассматривается в работе В. Аумада-Ньюхарт, М. Эрнандес [1]. Ряд авторов обеспокоены проблемой деструктивного влияния медиапространства на ценности молодежи, их радикализацию. А. Абальян, А. Биджан в своей работе указывали, что молодые пользователи - наиболее уязвимая часть общества, подвергаемая воздействию радикальных идей через социальные сети [5].

Г.В. Валеева в одной из своих работ писала, что соцсети рассматриваются и как инструмент самореализации, профессионального и социального удовлетворения [8], и как средство общения, подменяющее традиционные ценности, изменяющее смысловое наполнение понятий «общение» и «взаимодействие» [6], ведущее к падению нравственности [10].

Серия работ связана с анализом особенностей процессов трансформации сознания интернет-пользователей, специфики их восприятия политических институтов при переходе к постиндустриальному обществу, формирования клипового мышления [15]. Ценностный аспект изучения политико-коммуникативного поля интернет-пространства рассматривается в различных аспектах. Например, в работе Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской, Р.В. Пырмы, А.А. Азарова и А.В. Синяков говорится о концепции «цифрового гражданства» молодых россиян, которые, с одной стороны, отдалены от политического активизма, с другой стороны, расширяют сетевой протест [2; 3; 7].

Р.И. Зинурова приходит к выводам, что социальные сети благодаря возможности интерактивного общения способствуют интеграции молодых людей в общественную жизнь, обеспечивают молодежные коммуникации и способны активировать мобилизацию и организацию молодежи на социальную активность [13]. А.Н. Гуреева представила результаты прикладного исследования по особенностям медиаактивности российской молодежи в политической жизни [9]. Схожие аспекты изучения роли социальных сетей в общественной жизни молодежи представлены в работах Е.А. Истягиной-Елисеевой [14], Д.И. Каминченко [15] и др. В научном дискурсе широко представлены работы, освещающие вопросы мобилизации населения на протест, трансформации форм протестной активности [26; 17; 16; 3].

О возможностях использования социальных сетей для изучения ценностей современной молодежи писали Л.Д. Забокрицкая, Н.А. Хлебников, Т.А. Орешкина, Е.И. Комоцкий. Коллектив авторов разработал методику изучения ценностей граждан через анализ профиля «ВКонтакте» на примере молодых пользователей Екатеринбурга [12].

В современной научной публицистике исследование молодежных политических ценностей регулярно проводят крупные политологические и социологические школы: МГУ им. Ломоносова [21], исследования СПбГУ под руководством О.В. Поповой [19], работы научной школы МГИМО, а также исследователи С.В. Чуева, Т.К. Ростовская, С.В. Тетерский, А.Н. Тимохович, С.А. Гришаева, А.В. Селезнева и др. [25]. Оценку установок молодежи проводят ВЦИОМ, ФОМ и др. Все реализуемые исследовательские проекты и инициативы по данной теме носят преимущественно социологический характер, где основным методом выступает опрос: они фиксируют структуру ценностей, определяют динамику и дифференциацию по социально-демографическим параметрам, зачастую не рассматривая особенности передачи и проявления политических ценностей в социальных сетях. Это делает актуальной задачу исследования контента социальных сетей на предмет выявления смысловых установок молодых пользователей Интернета, механизмов транслирования политических ценностей в социальных сетях.

Важными трансляторами ценностей в современном обществе становятся площадки социальных сетей, где молодые люди посредством использования различных типов контента выражают политические настроения. Относительно свободные коммуникационные онлайн-платформы, а

также высокое проникновение интернета в молодежной среде, делают особо актуальным изучение политических ценностей через анализ контента в социальных сетях.

До настоящего времени основным методом, призванным раскрыть данную тему, является опрос, интервью молодых людей, что иногда может приводить к искажению данных ввиду психологических особенностей поведения человека, в том числе конформизм, общественно одобряемые ответы и т.п.

С целью определения политических ценностей молодежи, транслируемых ими в социальных сетях, было проведено комплексное исследование, основанное на использовании методов case-study, event-анализ и контент-анализ. Выбранные методы объективно отражают данные реальной действительности, позволяют выработать закономерности и сделать выводы.

В ходе исследования были рассмотрены молодежные сообщества в социальной сети «ВКонтакте», как наиболее популярной среди молодежи России. На начало 2021 года, по статистическим данным, аудитория пользователей ВКонтакте составляет 97 млн человек. Граждане от 25 до 34 лет – основные пользователи данной социальной сети (их доля составляет 30,8% [23]).

В данной статье, под термином молодежь понимается группа, охватывающая пользователей от 18 до 35 лет. Массив эмпирической базы включает в себя сообщества «ВКонтакте», транслирующие деятельность молодежных диалоговых площадок, в частности, молодежных правительств и парламентов; молодежного отделения правящей партии – «МГЕР» (Молодая Гвардия Единой России), а также молодежных крыльев оппозиционных политических партий – КПРФ (Коммунистическая партия Российской Федерации) и ЛДПР (Либерально-демократическая партия России), как наиболее активных во всех регионах Российской Федерации. Политическая партия «Новые люди», электорат которой хотя и составляют преимущественно молодые люди, не имеет молодежного отделения, поэтому не рассматривалась в данном исследовании.

География исследования охватывает территорию всей страны. В каждом федеральном округе авторами было выбрано 3 самых населённых субъекта России, в которых проанализирована деятельность молодежного парламента и правительства, двух оппозиционных партийных организаций

и сообщество «МГЕР». Во внимание не брались города федерального значения, имеющие расширенную сетку общественных молодежных организаций, требующих проведения отдельного анализа. Таким образом, всего было рассмотрено 42 группы нейтральных диалоговых площадок; 42 – оппозиционных и 23 сообщества «Молодой Гвардии». Подобная выборка позволяет выявить особенности транслирования политических ценностей в зависимости от географии, местных традиций, особенностей менталитета, развитости гражданского активизма. Временной период анализа – март – август 2021 года, при этом предполагается его разделение на 2 равных этапа: март – май и предвыборное время с июня по август.

На основе методов case-study и контент-анализа и посредством смыслового анализа постов, а также выделения ключевых слов, описывающих те или иные ценности, авторами был выработан классификатор ценностей. Всего выделено 3 сферы: политическая, социальная и экономическая, в каждой из которых определены конкретные ценности. Среди политических ценностей было выделено 19 тематических категорий убеждений и мыслей, отраженных в постах социальных сетей:

1. Безопасность.
2. Справедливость.
3. Политическое и правовое равенство граждан – гендерное, этническое равенство, отсутствие дискриминации.
4. Позиционирование независимости России на международной арене – публикации о внешней политике России.
5. Открытость и конкурентность политического процесса – к данной категории относились посты, содержащие информацию о предвыборной деятельности партий, общественных организаций, встречах с жителями, лозунги.
6. Свобода СМИ, социальных сетей от цензуры – посты содержащие тезисы с критикой законов об иностранных агентах; ужесточения цензуры, наказаний за отдельные виды неопасной информации.
7. Законность – посты, связанные с вопросами борьбы с коррупцией, злоупотреблением должностным положением, критикой, информированием иных резонансных нарушений законов должностными и уполномоченными лицами.
8. Сменяемость власти – оценка эффективности деятельности высших должных лиц, критика/поддержка новых назначенных на должность

лиц, критика деятельности ключевых государственных, как правило, медийных персон, материалы о несменяемости власти.

9. Историческое наследие России, патриотизм – записи, содержащие исторические справки, военные достижения, историческое, культурное просвещение.

10. Здоровья нации/населения страны – убеждения в необходимости вакцинации от COVID-19, соблюдения защитных мер, масочного режима, информирование об иных опасных заболеваниях и путях их преодоления.

11. Память о Великой Отечественной войне, ветеранах войн - выражение благодарности ветеранам войны, мероприятия, посвященные памятным военным датам, исторические справки о событиях ВОВ, вручение наград ветеранам, федеральные и региональные акции, посвящённое сохранению памяти о войне, в том числе, «диктант Победы», «бессмертный полк» и другие.

12. Самореализация, построение политической карьеры.

13. Конкурентные и честные выборы – публикации о технологических новшествах, внедряемых в избирательный процесс, публикации о легитимности выборов в России.

14. Сохранение экологической безопасности, сохранение природных ресурсов.

15. Здоровый образ жизни – пропаганда развития спорта, создания доступной спортивной инфраструктуры, представляемая как реализация национальных программ, иных стратегических документов.

16. Активная гражданская позиция, важность молодёжных структур – подведение итогов деятельности молодежных общественных структур, участие активистов в конкурсах/акциях, награды, благодарности активистам, организациям.

17. Сохранение и поддержка культуры – законодательные инициативы в области культуры, открытие новых культурных объектов.

18. Цифровизация, внедрение информационных технологий в политико-социальные процессы, повышение доступности интернета.

19. Сохранение традиций страны, регионов России – поздравления с всероссийскими праздниками и национальными праздниками субъектов РФ.

Социальная сфера была представлена классификацией из 8 категорий ценностей:

1. Равенство возможностей, создание безбарьерных условий жизни;
2. Волонтерская деятельность;
3. Детства и семьи - увеличение, учреждение социальных выплат, организация детского досуга, проведение мероприятий, направленных на поддержку детства;
4. Поддержка незащищенных слоев населения – помощь, оказываемая молодежными организациями малообеспеченным гражданам, пенсионерам, законодательные инициативы в области поддержки социально-незащищенных слоев;
5. Доступное жилье, качественные жилищные условия;
6. Безопасность инфраструктуры, качественная городская/сельская инфраструктура;
7. Повышение качества и уровня образования в России – мероприятия по проверке школьного питания, технической оснащенности школ, соблюдения норм законодательства, вопросы, связанные с учебной литературой;

Также в экономической сфере были выделены ценностные ориентации молодежи, среди которых:

1. Увеличение уровня дохода населения, повышение благосостояния граждан, рост реальных доходов.
2. Развитая рыночная экономика, предпринимательство.
3. Экономическая грамотность.
4. Преодоление безработицы, обеспеченность жителей работой.
5. Техническое развитие, импортозамещение.
6. Развитие села, сельского хозяйства.

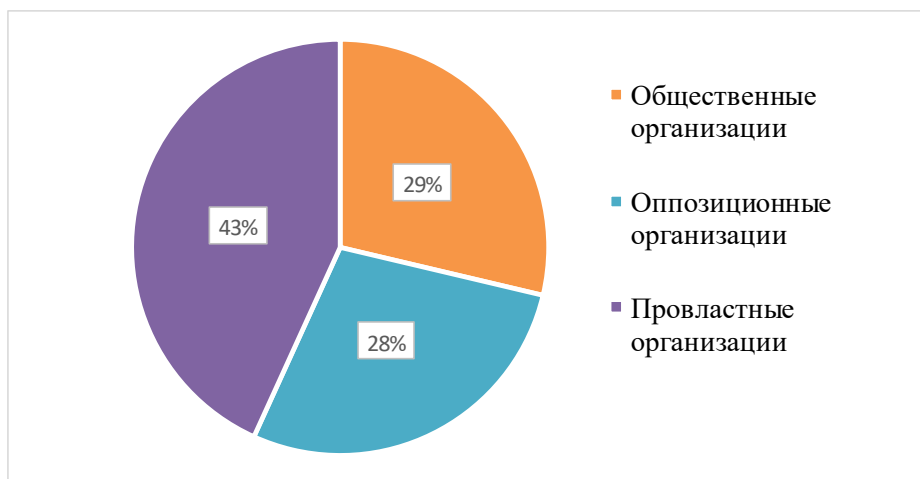
В свою очередь, количественный метод анализа (event-анализ) позволил проследить динамику размещения публикаций, транслирующих конкретные ценности, сравнить количество постов, размещенных нейтральными диалоговыми площадками, оппозиционными партиями и молодежным отделением правящей партии, сделать выводы о ценностной ориентации той или иной молодежной организации. Следует обратить внимание, что нами сделан акцент на период размещения постов, что позволило выявить закономерности размещения информации в сообществах в «обычный» и предвыборный периоды, а также на соцреакции

пользователей, которая может свидетельствовать о популярности и значимости той иной ценности, активности молодежной организации. Социальная реакция включает в себя следующие количественные показатели: «лайки» - специальная отметка на записи, выражающая поддержку/одобрение или важность сообщения; «репосты» - запись на странице пользователя/сообщества, которую он взял у другого пользователя; «комментарии» - пояснение, уточнение, мнение пользователя к посту; и «просмотры».

Предполагается, что наибольшая активность характерна для нейтральных молодежных диалоговых площадок и «Молодой Гвардии», в то время как, оппозиционные молодежные отделения размещают меньше публикаций, имеют меньшую популярность среди населения. Основными ценностями молодежного отделения правящей партии являются социальные, а именно: поддержка незащищенных слоёв, защита семьи и детства, безбарьерная среда. Ценности, связанные отстаиванием интересов России на международной арене, истории и памяти в большей степени транслируют оппозиционные организации.

Среди всех рассмотренных федеральных округов наименьшей активностью и представленностью контента в молодёжных онлайн-площадках обладали Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральные округа.

В Северо-Кавказском федеральном округе были рассмотрены сообщества в группе «ВКонтакте» Республики Дагестан, Ставропольского края и Чеченской Республики. Всего во всех группах за 6 месяцев было опубликовано 324 поста, при этом 43,2% (140) из которых принадлежат отделениям «Молодая Гвардия», 28% (91) - оппозиционным сообществам и 29% (93) - группам молодежных правительственных площадок. С марта по май опубликовано 157 постов, с июня по август – 167. В первый период наибольшее число постов насчитывалось в оппозиционном сообществе, во второй – у организаций «Молодая Гвардия». При этом, необходимо учитывать, что в федеральном округе, ввиду специфики политической повестки, активными были 3 сообщества Молодой гвардии, 4 группы молодежных диалоговых площадок и лишь одно сообщество оппозиции, функционирующее в Ставропольском крае и по своей активности практически равное всем вместе взятым группам нейтральных организаций и МГЕР.

Рисунок 1 – Распределение количества опубликованных постов в зависимости от субъекта

Из данных табл. 1, в сообществе МГЕР в предвыборный период значительно возрастает количество постов и социальных реакций на них. Такие данные могут свидетельствовать о создании искусственного интереса к публикациям МГЕР в предвыборный период, «накрутке голосов». В этот же период резко снижается вовлеченность пользователей к публикациям молодежного парламента и правительства, которое происходит несмотря на рост числа публикаций.

Стабильно высокая соцреакция характерна для постов в сообществе ЛКСМ, где при снижении числа постов в предвыборный период, остаётся высокой вовлеченность и интерес пользователей.

Таблица 1. Активность в социальных сетях молодежных организаций в Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах

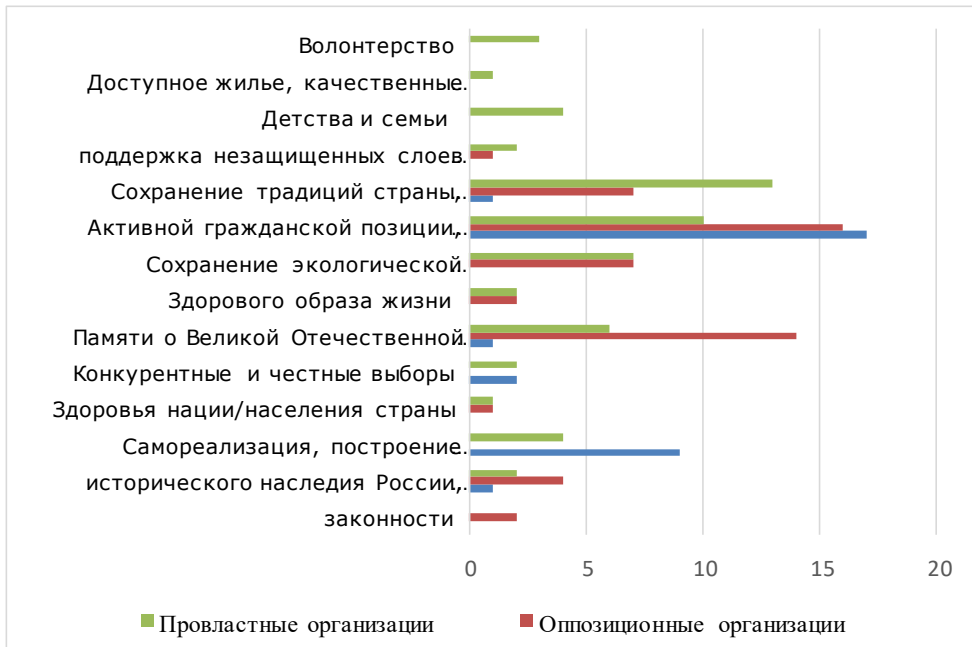
	Количество публикаций с марта по май	Среднее количество реакций с марта по май	Количество публикаций с июня по август	Среднее количество реакций с июня по август
СКФО				
Нейтральные	34	212,5	59	60,7
Оппозиционные	64	536,9	27	669,3
Провластные	59	52,54	81	445,9
ДФО				
Нейтральные	18	80,4	14	144,8
Оппозиционные	78	178,1	17	238,1
Провластные	122	112,2	74	91,8

Важно отметить, что в Чеченской Республике все сообщества были активны только в середине августа, но транслировали инфоповоды, произошедшие в зимне-осенний период. Подобная ситуация имитации активности может быть связана с необходимостью привлечения электората и демонстрации достижений партии власти в регионе.

Рассматривая ценностные акценты, заметим, что доминирующей темой во всех сообществах и во все периоды является гражданский активизм, показывающий важность существования и работы молодёжных структур, их роль в становлении гражданского общества (76 постов - 23% от общего числа постов).

Провластные организации, ведя сообщества в социальных сетях, затрагивают больший спектр тем, отражающих ценностные ориентации. В период с марта по май наибольшее число постов и социальных реакций в сообществе МГЕР было зафиксировано по темам: гражданский активизм – 17% от общего числа постов за первый период; сохранение экологии – 12%, сохранение традиций страны и регионов России – 22%. В нейтральных общественных организациях чаще затрагивались темы важности молодёжного активизма (50%) и самореализации, построении карьеры в политике (26%).

Топ ценностей, отраженных в постах оппозиционных организаций за период с марта по май, помимо молодёжного активизма (25%), составляют: сохранение памяти о ВОВ, ветеранах (22%), традиций страны и Регионов (11%), экологии (11%).

Рисунок 2 – Распределение опубликованных постов по группам ценностных ориентаций в период с марта по май 2021 год

Во втором временном периоде с июня по август было выявлено, что в сообществах МГЕР, молодежного правительства и парламента в предвыборный период расширяется группа ценностей социального характера (волонтерство, поддержка незащищённых слоёв и т.д.).

В то же время, среди политической группы ценностей актуальными в предвыборный период остаются следующие темы: в сообществах молодежных диалоговых площадок: пропаганда здорового образа жизни – 25%; активной гражданской позиции – 22%. В оппозиционных молодежных организациях: активной гражданской позиции – 26%; поддержка и развитие культуры – 15%; сохранение традиций страны, регионов России – 15%. В провластных сообществах: сохранение традиций страны, регио-

нов России – 19%; активной гражданской позиции – 16%; сохранение экологической безопасности – 11%.

Таким образом, оппозиционная организация Северо-Кавказского федерального округа транслирует информацию, направленную на сохранение ценностей исторического наследия, памяти о ВОВ. Эта организации имеет высокую социальную активность в оба временных периода, при этом в предвыборный период отмечается снижение количества публикаций при сохранении высокой социальной реакции. Главной темой нейтральных сообществ стали посты, отражающие ценность самореализации молодежи и гражданского активизма.

В период с июня по август количество постов возрастает, однако количество соцреакций снизилось. Активность диалоговых площадок была самой низкой. В сообществах отделения «Молодой гвардии» число постов в предвыборный период возросло на 20%, что связано с акцентированием внимания на социальных ценностях.

В сообществах Дальневосточного федерального округа всего представлено 323 поста, географически определенных Хабаровским, Приморским и Забайкальским краем. Как и в ранее рассмотренном федеральном округе, можно говорить о неразвитости молодежного онлайн-пространства, так как всего в указанных регионах имеется 6 сообществ, по 2 каждой из организаций, в которых преимущественно отражалась повестка политических ценностей – она была в 88% (286 постов) случаев. Экономическая сфера в постах отражена не была. 67% публикаций размещено в первый период. Как видно из таблицы 2, не демонстрируется увеличение политической повестки в предвыборное время.

Ценностное распределение публикаций, по большей части, совпадает с сообществами СКФО. Главной темой всех групп становится молодежный активизм, демонстрация преимуществ организаций и проводимых мероприятий и встреч, их важности в российском общественно-политическом истеблишменте. Посты, отражающие ценности сохранения традиций страны и регионов, памяти о Великой Отечественной войне и ветеранах, экологии, поддержке незащищенных слоёв и защите семьи и детства – становились тематическими блоками Молодогвардейцев в оба временных периода. Оппозиция же уделяет внимание вопросам сохранения исторической памяти страны и патриотизму.

Итак, наименее активные федеральные округа по активности молодежных социально-политических онлайн-объединений – СКФО и ДФО. На обеих территориях не пользуются популярностью диалоговые площадки – молодежные парламент и правительство, а также в целом не развита система молодёжных представительств - не в каждом регионе есть соответствующие группы. Оппозиция также не задействовала в полной мере инструмента социальных сетей для объединения молодёжи. Главной темой сообществ становилась демонстрация важности сообществ активистов, трансляция достижений организаций. Среди прочего тема сохранения традиций страны и регионов тоже сохраняла лидерство. В СКФО самым поддерживаемым и популярным был контент оппозиционных каналов, в то время как в ДФО – молодогвардейцев.

К федеральным округам со средней активностью молодежных структур в онлайн-пространстве можно отнести СЗФО. 660 постов размещено в группах Ленинградской, Архангельской и Вологодской областях. 76% из них отражают политические ценности, 22% - социальные. Наиболее слабая информационная деятельность свойственна оппозиционным группам, а максимальная вовлеченность пользователей, отражающаяся через высокую соцреакцию, характерна для молодёжных диалоговых площадок (таблица 2). При этом, примерно в равных пропорциях распределились доли публикаций в первый период – с марта по май и во второй – с июня по август – 48% (317) и 52% (343) соответственно.

Таблица 2. Активность в социальных сетях молодежных организаций в СЗФО

	Количество публикаций с марта по май	Среднее количество реакций с марта по май	Количество публикаций с июня по август	Среднее количество реакций с июня по август
СЗФО				
Нейтральные	116	1015	232	504,2
Оппозиционные	28	52,5	20	16,9
Провластные	173	311,7	91	405,7
УРФО				
Нейтральные	238	1060	162	1090,7
Оппозиционные	149	340,2	126	156,8
Провластные	175	1016,4	135	1020,3

С марта по май 2021 года общественные организации – молодежный парламент и правительство - в своих тематических сообществах размещали посты, отражающие такие группы ценностей, как 1) активной гражданской позиции, важности молодежных структур; 2) законности; 3) сохранения традиций страны и региона, 4) реализация себя в политике. Основной темой, транслируемой в постах оппозиционных сообществ в этот период, стала – важность гражданского активизма. Превалирующее число публикаций оппозиционных каналов – 53% от общего числа политических ценностей направлены на обсуждение вопросов гражданского активизма, текущей работы и итогов деятельности организаций.

Самыми активными по представленности в информационном пространстве и по числу постов опубликованных в онлайн группах были отделения Молодой Гвардии. Как и в ранее рассмотренных регионах, большое внимание уделяется продвижению ценностей памяти о Великой Отечественной войне (22% от общего числа политических ценностей), молодежной гражданской активности (18%), сохранению традиций страны и регионов России (17%). В социальной сфере диалоговые площадки и МГЕР в равной степени отражали ценность защиты социально-незащищенных слоев населения (24% и 30% соответственно от числа социальных ценностей в группах диалоговых площадок и МГЕР). В свою очередь, молодоговардейцы также активно продвигали ценность волонтерства (36% от общего числа социальных ценностей в группах МГЕР).

Проведённый анализ демонстрирует (рис. 3), что по представленности в социальной сети лидируют установки, транслируемые нейтральными организациями. Лидерство в период с июня по август, как и в первый период, сохраняли темы, содержащие ценности активной гражданской позиции, сохранения традиций страны, регионов России, здорового образа жизни, честных, конкурентных выборов и экологической безопасности. В этом периоде у групп молодежного правительства и парламента отмечается значительный рост постов социальной направленности, в частности активисты, обращают внимание на ценности защиты детства и семьи (42%); безопасной городской и сельской инфраструктуры (25%); поддержки незащищенных слоёв населения (21%).

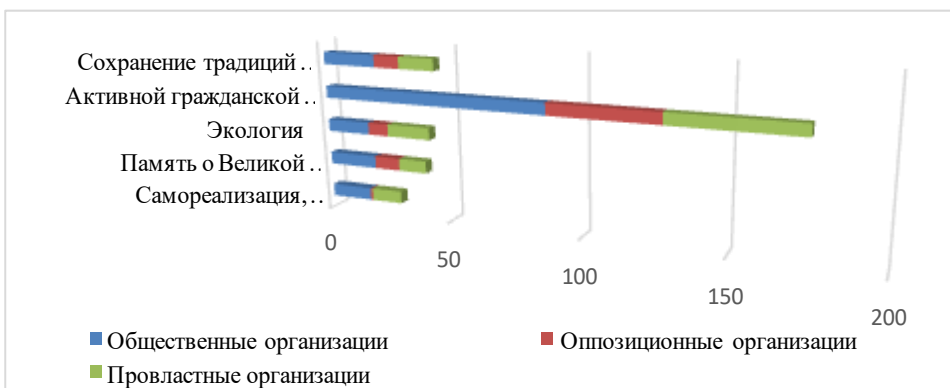
Рисунок 3 – Распределение опубликованных постов по группам политических ценностных ориентаций в период с июня по август 2021 года

В общей сложности, в сообществах политической направленности Северо-Западного федерального округа была зафиксирована средняя активность. Особенностью рассмотренных сообществ стало практически полное отсутствие постов оппозиционных организаций при высокой представленности постов и высокой социальной реакции нейтральных сообществ, неподтвержденность тенденции увеличения количества постов в предвыборный период, а также сохранение актуальности транслирования ценностей гражданской активности, традиций страны и регионов.

К федеральным округам со средней онлайн-активностью молодежных сообществ относится также Уральский Федеральный округ с суммарным числом публикаций 985. В Свердловской, Тюменской и Челябинской областях рассмотренные группы в социальной сети «ВКонтакте» публиковали преимущественно политический контент: их доля составляла 88% от общего числа постов. В первый период было размещено относительно большее число публикаций, чем во второй период – 562 и 423 соответ-

ственно. Данные таблицы 3 демонстрируют, что, как и в СЗФО, онлайн-деятельность более активна и узнаваема у молодежных диалоговых площадок (41%), которые имеют значительное преимущество в значениях средней социальной реакции пользователей – совокупности просмотров, лайков, репостов и комментариев. Отметим, что наравне с молодежным правительством и парламентом функционируют молодогвардейцы, активность в размещении постов, у которых ниже (31%), а соцреакция остаётся на высоком уровне. В то же время оппозиционные сообщества значительно уступают по этому показателю. Тенденция увеличения постов в предвыборный период – не подтверждается.

Основной темой во всех группах социальной сети в первый период (рис. 4) – стал молодежный гражданский активизм, обоснование важности молодежных площадок (37% - в нейтральных, 28% - оппозиционных; 27% в провластных организациях). Также в равной степени популярной была тема сохранения традиций страны, регионов России, памяти о Великой Отечественной войне, ветеранах. Самореализация молодых людей в политике обсуждалась в группах «нейтральных» активистов и Молодой Гвардии. С марта по май у оппозиционных организаций спектр транслируемых тем шире, чем у других сообществ. Помимо названных, молодежные отделения политических партий ЛДПР и КПФР затрагивали ценности законности, поддержки культуры, отстаивания политических прав граждан, открытости политического процесса, безопасности, справедливости, независимости России на международной арене.

Рисунок 4 – Распределение опубликованных в сообществах постов в период с марта по май 2021 года

Во второй период список транслируемых тем не меняется, сохраняется процентное распределение транслируемых ценностей. Актуальными для всех групп оставались обсуждения мероприятий, проведенных активистами, демонстрация итогов их деятельности, важности молодежи в политике. Сохраняли лидерство и темы экологии, сохранения традиций России, самореализации.

Сильная социальная повестка и в первый, и во второй периоды характерна для отделений Молодой Гвардии и сообществ молодежного Правительства и Парламента. В данных группах предлагались к обсуждению посты на темы поддержки незащищенных слоев (54% - у нейтральных сообществ, 38% - у Молодой Гвардии), безопасности городской и сельской инфраструктуры (36% - у нейтральных сообществ) и защите семьи и детства (33% у Молодой Гвардии). Итак, в рассмотренных федеральных округах отмечается ряд характерных черт: нейтральные и провластные сообщества являются наиболее активными по количеству публикаций, в них же отмечается высокая социальная реакция пользователей. Главная транслируемая ценность – гражданский активизм молодежи, как и в ранее рассмотренных сообществах в других Федеральных округах.

Сообщества Южного, Центрального, Поволжского, Сибирского федеральных округов характеризуются высокой активностью по размещению публикаций – в каждом из них выявлено более 1000 постов.

Всего за полгода в онлайн-группах трех регионов ЮФО (в Волгоградской, Ростовской областей и Краснодарского края) размещено 1095 постов, из которых 47% (514) – в 6 оппозиционных каналах, 36% (398) – в 3 отделениях МГЕР и 17% (183) опубликовали в 6 группах молодежных диалоговых площадок. Представленность контента оппозиционных организаций в информационном пространстве была выше в оба периода, однако, по активности ведения сообществ и вовлеченности пользователей лидируют отделения Молодой Гвардии. Из данных таблицы 3, заметим тенденцию возрастания количества размещаемых постов в предвыборный период во всех группах. Всего с июня по август было опубликовано 662 (60%) поста, из которых 75% (497) - отражают политические ценности, а 18% (111) – социальные в то время, как в первый период было размещено 433 публикации – 77% ориентированы на политические ценности; 17% - на социальные. Итак, непосредственно в предвыборный период

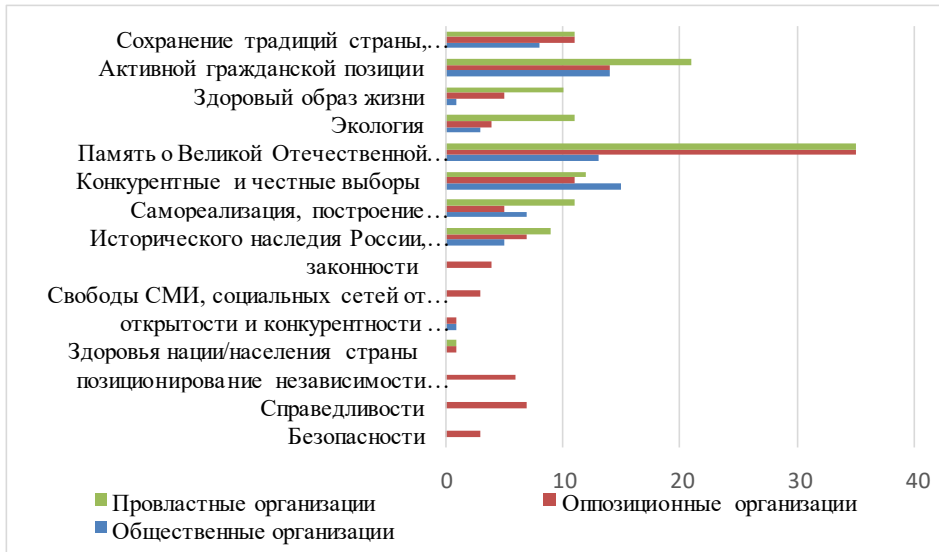
численно возрастает количество публикаций, однако примерно равным остается соотношение политических и социальных ценностей.

Таблица 3. Активность в социальных сетях молодежных организаций в Южного, Центрального, Поволжского, Сибирского федеральных округов

	Количество публикаций с марта по май	Среднее количество реакций с марта по май	Количество публикаций с июня по август	Среднее количество реакций с июня по август
ЮФО				
Нейтральные	88	242,6	95	217,7
Оппозиционные	173	171,2	341	233,03
Провластные	172	251,2	226	317,8
ЦФО				
Нейтральные	182	915,6	118	798,1
Оппозиционные	255	349,1	253	267,4
Провластные	164	782,9	148	467,7
ПФО				
Нейтральные	98	669,8	67	530,5
Оппозиционные	335	343,5	199	302,1
Провластные	180	718,4	223	621,5
СФО				
Нейтральные	292	1119,1	263	1200,1
Оппозиционные	62	447,7	59	462,7
Провластные	181	269,2	220	285,4

В ЮФО распределение публикаций по ценностным ориентациям различается в зависимости от периода. Молодежные организации партии власти и оппозиционные сообщества в своей текущей (с марта по май) деятельности делают акцент на отражении таких политических ценностных ориентаций, как: 1) сохранение памяти о Великой отечественной войне, ветеранах; 2) важность активной гражданской позиции и молодежных структур; 3) конкурентные, честные выборы; 4) самореализация и построение политической карьеры; 5) сохранение традиций страны, отдельных субъектов. В то же время оппозиционные каналы затрагивают большее число тем. Уникальными темами оппозиции стали посты, отражающие ценности: справедливости, позиционирования России на международной арене, защите интересов страны, безопасности, законности, свободы СМИ и социальных сетей от цензуры (рис. 5). Наименьшую ак-

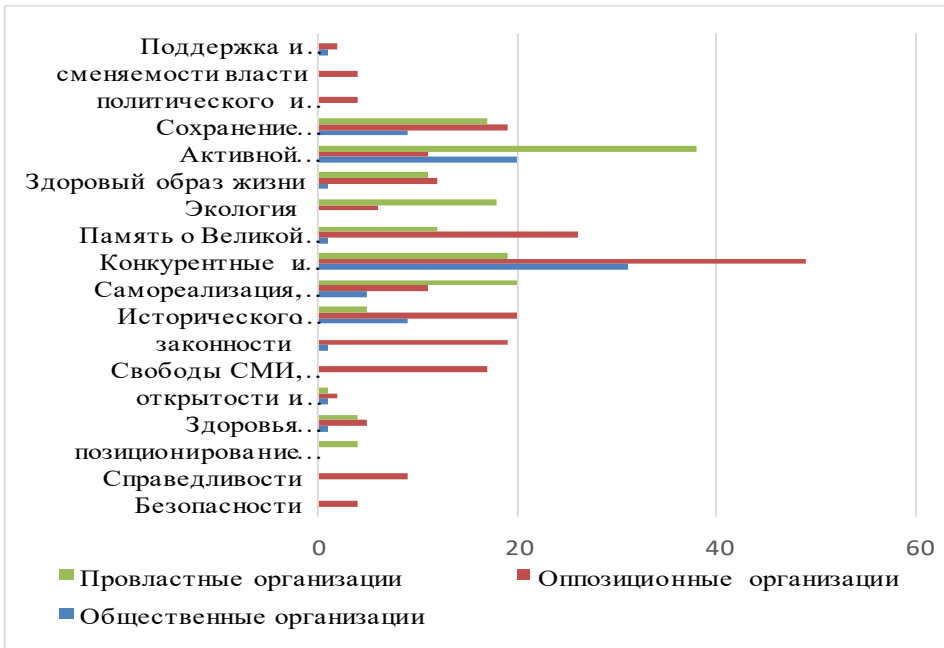
тивность проявили молодежные диалоговые площадки. В рассматриваемый период доля постов, отражающих социальные ориентации, составила 17% (73), из которых более 50% (38) принадлежат сообществам Молодой гвардии и посвящены темам поддержки незащищенных слоев населения (21%) и создания качественной безопасной городской/сельской инфраструктуры (18%).

Рисунок 5 – Распределение опубликованных постов по группами политических ценностных ориентаций в период с марта по май 2021 года

В непосредственно предвыборный период расширяется список тем, поднимаемых организациями в информационном поле, увеличивается численность публикаций как по политическим, так и по социальным темам. Во всех группах возрастает и вовлеченность пользователей в информационную повестку, повышается социальная реакция пользователей. Абсолютным лидером по числу публикаций в оппозиционных сообществах и группах молодежных диалоговых площадок становится ценность конкурентных и честных выборов в России. В то же время, актуальными у оппозиции остаются и вопросы сохранения исторического наследия, сохранения памяти о ВОВ, законности, сохранения традиций страны. В единичных случаях встречался запрос на темы сменяемости власти, политического и правового равенства граждан.

Фокус сообществ Молодой Гвардии в предвыборный период был в большей степени направлен на демонстрацию важности гражданского активизма, самореализацию, построение политической карьеры, сохранение традиций страны, экологии (рис. 6).

Рисунок 6 – Распределение опубликованных постов по группам политических ценностей и ориентаций в период с июня по август 2021 года

В июне – августе в равной степени сообщества оппозиционной направленности и МГЕР уделяют внимание социальной сфере, продолжая размещать посты с темой поддержки социально-незащищенных слоев населения. В наименьшей степени отражают социальные ценности диалоговые площадки, в частности, снижая число подобных постов в предвыборный период.

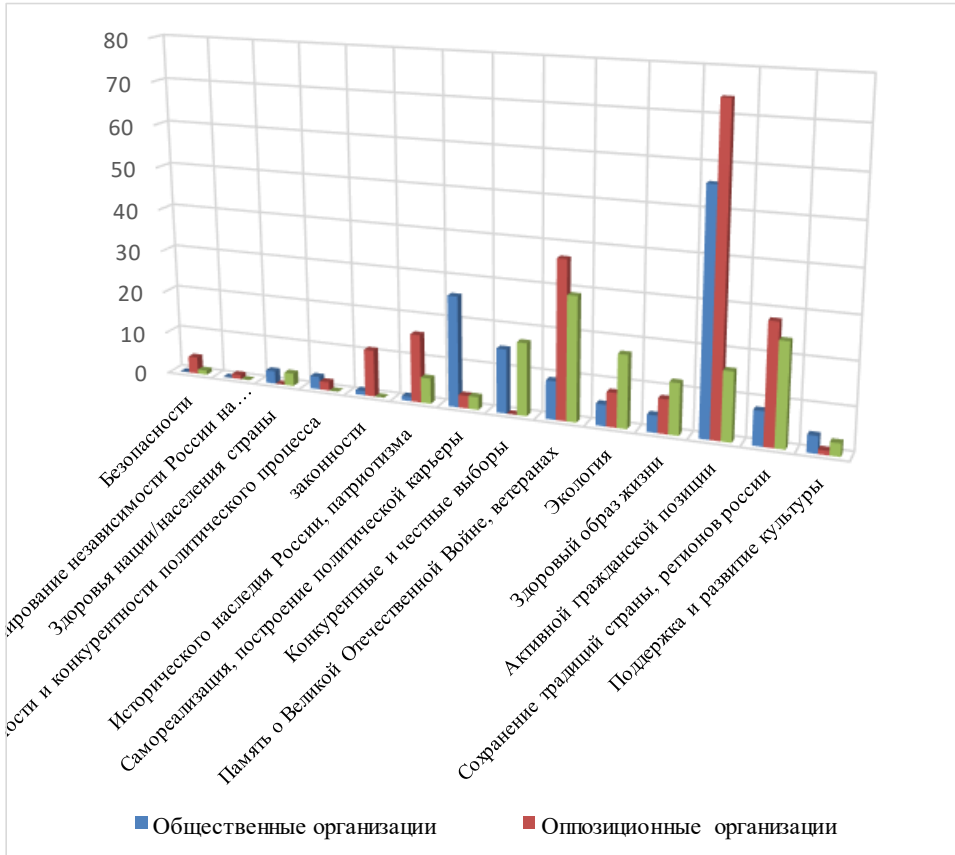
Таким образом, в Южном федеральном округе отмечается средняя активность молодежных политических организаций, явно прослеживается тенденция возрастания количества публикаций в период с июня по август. Также, как и в СКФО, в информационном поле региона высокая представленность оппозиции, однако наибольшая активность сообществ свойственна молодежным отделениям правящей партии. Активность диа-

логовых площадок, как и в СКФО – наименьшая. В сфере политики уделяется значимое внимание темам сохранения памяти о Великой Отечественной Войне, патриотизма, важности гражданского активизма, в том числе молодёжного. Сеть политических тем, поднимаемых оппозиционными организациями, разнообразнее – уделяется внимание вопросам сменяемости власти, справедливости, позиционирования России на международной арене, свободы СМИ и социальных сетей от цензуры, здоровью нации в связи с пандемией. Всё это более реально отражает современную политическую картину страны. В непосредственно предвыборный период молодёжная оппозиция и диалоговые площадки фокусировали внимание пользователей на ценностях конкурентных и честных выборах, в то время как, провластные сообщества уделяли значимое внимание гражданскому активизму и самореализации в политической сфере, что может быть связано с высокой вовлечённостью членов Молодой Гвардии в выборный процесс, личное участие в избирательных кампаниях.

Также высокая активность по размещению публикаций и вовлечённости пользователей в онлайн-деятельность характерна для Центрального федерального округа. Всего за 6 месяцев опубликовано 1120 постов в Московской, Белгородской и Воронежской областях, из них 45% (508) – принадлежат оппозиционным сообществам, 27% (300) – диалоговым площадкам и 28% (312) – молодогвардейцам. Несмотря на преобладание оппозиционных постов в информационном пространстве, они пользуются наименьшей популярностью среди пользователей, что демонстрирует низкая социальная реакция. В то время, как группы Молодой Гвардии и диалоговых площадок обладают высокой вовлечённостью. Особенностью ЦФО можно назвать абсолютное превалирование публикаций, отражающих политические ценности, доля таковых – 85% (955), а также отсутствие тенденции увеличения численного преимущества публикаций в предвыборный период.

Оппозиционные группы с марта по май 2021 года стали наиболее активными и акцентировали внимание на ценностях: 1) гражданского активизма (29%); 2) сохранения памяти о ВОВ, ветеранах (15%) и 3) сохранения традиций страны, отдельных субъектов РФ (11%).

Рисунок 7 – Распределение опубликованных постов по группам политических ценностных ориентаций в период с марта по май 2021 года

Ценности гражданского активизма (31%), самореализации в политической системе (14%) стали ключевыми в публикациях молодежных диалоговых площадок. МГЕР также уделяла значимое внимание вопросам сохранения исторической памяти, памяти о ВОВ и ветеранах, традиций России. Интерес всех сообществ к вопросам, связанным с Великой Отечественной войной, обосновывается празднованиями, посвященными Дню Победы (рис. 7).

В период с июня по август в информационном пространстве наибольшее число публикаций размещается также от оппозиционных сообществ, при этом, низким остается интерес пользователей к контенту. Самыми популярными стали обсуждения по поводу таких ценностей, как: гражданский активизм; честные, конкурентные выборы, сохранение традиций страны и регионов РФ.

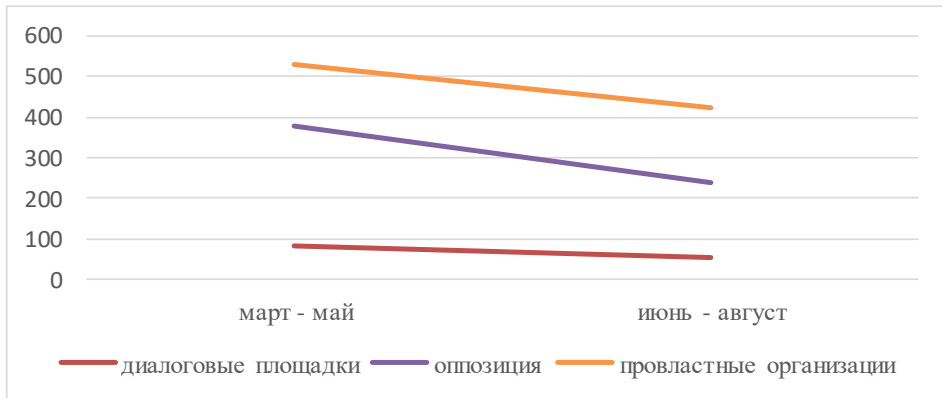
Высокие показатели по вовлеченности пользователей в деятельность сообщества были характерны для Молодой Гвардии, однако топ тем в первый и второй периоды полностью совпадал, демонстрируя важность исторического наследия (20%) и гражданского активизма (13%). Уделялось внимание и вопросам экологии, здорового образа жизни (11%), здоровья нации (8%). Важность молодежных структур (21%) и самореализация в политике (13%) – были ключевыми ценностями, отражаемыми диалоговыми площадками с июня по август. В социальной сфере основными темами всех сообществ в оба рассматриваемых периода стали – защита незащищенных слоев населения, защита семьи и детства. В большей степени, внимание социальным ценностям уделялось оппозиционными каналами.

Итак, Центральный федеральный округ отличается активностью сообществ в размещении публикаций, отражающих политические ценности, а также высокой и стабильной вовлеченностью пользователей в деятельность онлайн-площадок МГЕР и нейтральных организаций.

Было выявлено, что третьим регионом с высоким уровнем активности сообществ молодежных структур является Приволжский федеральный округ, где общее число размещенных публикаций составляет 1102. Всего было проанализировано 6 оппозиционных, 6 нейтральных диалоговых площадок и 3 группы МГЕР в Республиках Башкортостан, Татарстан и Нижегородской области. Большая часть публикаций (86%) посвящена политической тематике. При этом, как видно из рис. 8, нет существенной численной разницы между первым и вторым периодом в размещении постов сообществами.

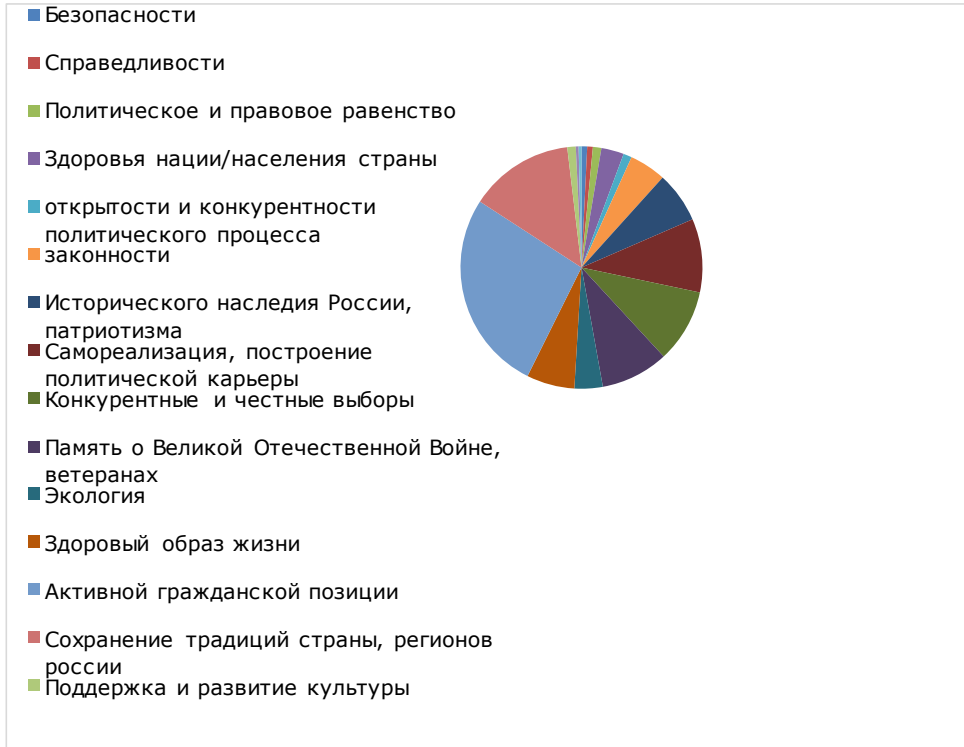
Исследования демонстрируют, что в федеральном округе, также, как и в ранее рассмотренном по числу размещенного контента лидируют сообщества оппозиции, однако в этих же группах отмечается наименьшая социальная активность пользователей. Нейтральные организации при высокой соцреакции пользователей публикуют наименьшее число постов. Группы Молодой Гвардии, традиционно, активны. Не подтверждается ги-

потеза об увеличении публикаций в непосредственно предвыборный период (рис. 8).

Рисунок 8 – Распределение количества постов, отражающих политические ценности, в двух периодах

При анализе контента сообществ было выявлено, что в период с марта по май 2021 года самой популярной темой всех групп стал гражданский активизм – демонстрирование проводимых молодежными отделениями мероприятий, награждение активистов за работу в организациях, подведение иных итогов деятельности. В описываемый период наибольшее число постов опубликовали оппозиционные организации – 55% (355) от общего числа публикаций первого периода. Как можно заметить на рисунке 9, помимо уже ранее названной темы, актуальными становились посты с ориентациями на ценности: 1) сохранение традиций России (12,4%); 2) самореализация в политической сфере (9%); 3) честные, конкурентные выборы (10%); 4) память о Великой Отечественной войне (8%). В социальной сфере по числу публикаций также лидируют оппозиционные группы, которые транслировали ценности поддержки незащищенных слоев населения, защиты семьи и детства. В группах молодогвардейцев популярными также были ценности честных, конкурентных выборов (14%); сохранения традиций страны (10%), памяти о ВОВ (9%), ветеранах и здоровья населения (7%) в аспекте борьбы с пандемией COVID-19, важности вакцинации.

Рисунок 9 – Распределение постов, размещенных оппозиционными организациями в период с марта по май 2021 года

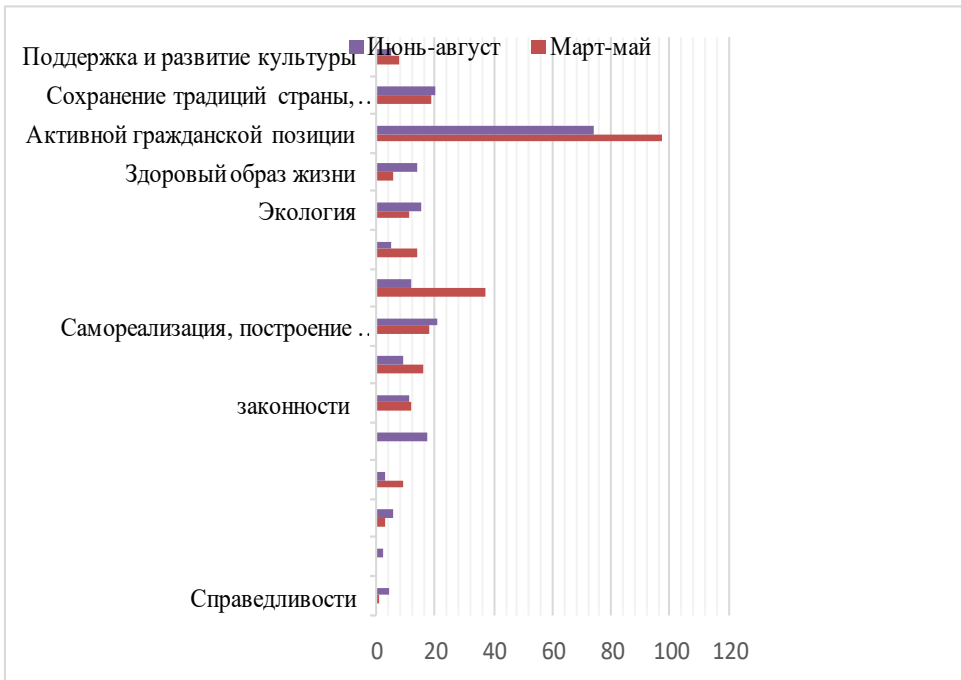
Во второй временной период большую активность проявляли сообщества Молодой Гвардии, а распределение топа постов по ценностным ориентациям во всех сообществах не изменилось по сравнению с весной. Так, широко транслируемыми оставались ценности молодёжного гражданского активизма, что может быть следствием рассмотрения профильных, узко ориентированных сообществ в социальной сети. А также темы экологии, честных выборов, сохранения традиций страны размещались наиболее интенсивно.

Таким образом, Приволжский федеральный округ частично отражает ранее выявленные закономерности публикации информации, содержащей те или иные ценностные ориентации. Например, как и во многих регионах сохраняет актуальность тема молодёжного гражданского активизма, что обуславливается анализом профильных сообществ молодых активистов. Не менее важной стала и тема сохранения традиций региона,

отдельных субъектов РФ, что можно объяснить присутствием в ПФО республик с богатым культурным наследием, существованием национальных обычаев, традиций. По представленности контента в социальных сетях лидируют оппозиционные организации, однако большую поддержку пользователей получают молодогвардейцы.

В Сибирском Федеральном округе (Красноярском крае, Кемеровской и Новосибирской областях) всего за полгода опубликовано 1077 записей. В социальных сетях отмечается явное преобладание политической повестки. В данном ключе размещено 84% (901) публикаций, наименьшее внимание уделялось вопросам экономики – 1% или 16 публикаций, все остальные посты содержат выраженную социальную направленность. В федеральном округе – слабая информационная деятельность оппозиционных групп, общая численность их постов – 11% (121), при этом наибольшая активность была характерна для молодежных диалоговых площадок – 52% принадлежат их сообществам, соответственно, среднюю активность показывали группы Молодой Гвардии (401 пост – 37%). Как и в ПФО, не было существенной разницы в численности размещенных постов в зависимости от временного периода, а в процентном соотношении и вовсе равные показатели по 50% – 535 в первый период и 542 во второй.

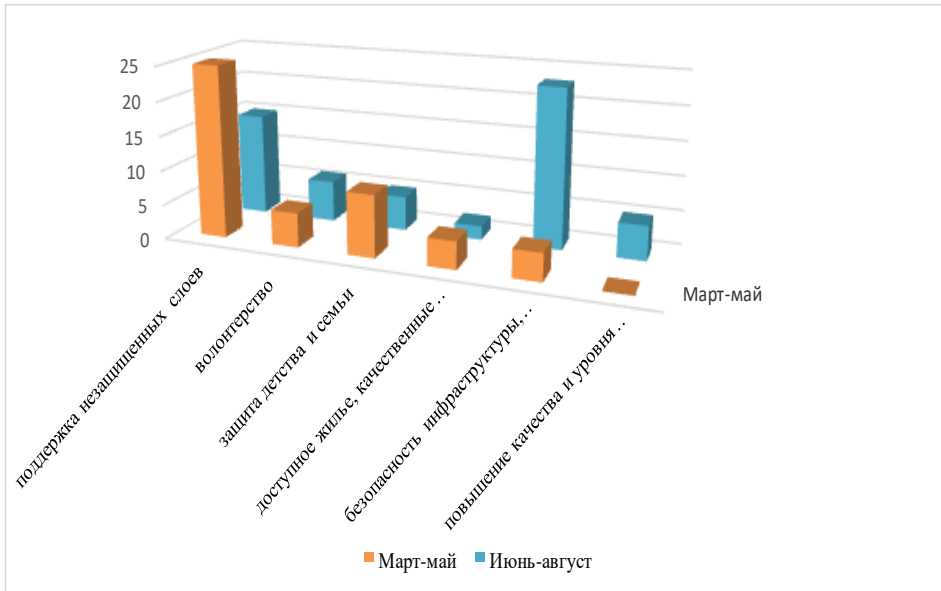
Политические ценности имели количественное превосходство и большую популярность среди пользователей в группах молодёжного правительства и парламента. Главной темой (рис. 10), как и во многих регионах, в оба периода была тема, отражающая ценности активной гражданской позиции, важности молодёжных политически активных организаций. Их доля от общего числа постов в сообществах диалоговых площадок – 17% (92) и 13% (74) в первый и во второй периоды соответственно. Также с марта по май продвигались ценности честных, конкурентных выборов, самореализации в политической сфере, сохранения традиций страны и регионов. В рассматриваемых группах отмечалась средняя активность по социальной повестке, с тенденцией увеличения количества постов в предвыборный период. Ценности семьи и детства и поддержки незащищённых слоёв населения публиковались наиболее часто.

Рисунок 10 – Распределение постов, содержащих политические ценности и опубликованных молодежными диалоговыми площадками

Молодая Гвардия, в большей степени обращала внимание на формирование таких ценностных ориентаций, как сохранение традиций страны, экология, память о Великой Отечественной войне и ветеранах, активной гражданской позиции – в первый период. С июня по август топ тем сохраняется, однако лидером по числу публикаций становилась ценность молодежного активизма. При этом, следует отметить, что сообщества МГЕР больше остальных уделяли внимание социальной сфере в оба периода, с преимуществом с июня по август.

Анализ постов демонстрирует (рис. 11), что наибольший интерес представляет тема поддержки незащищённых слоёв, которая публиковалась в оба периода наиболее активно. Непосредственно в предвыборный период лидерами становились публикации, демонстрирующие ценности безопасной городской/сельской инфраструктуры, поддержка незащищённых слоёв.

Рисунок 11 – Распределение постов, отражающих социальные ценности, опубликованных сообществами Молодой Гвардии

Подводя итоги рассмотрения контента сообществ Сибирского Федерального округа, заметим, что, как и в ЦФО, наиболее активны в регионах молодежные диалоговые площадки и группы Молодой Гвардии при низкой представленности оппозиции. При этом подтверждается тенденция всех проанализированных онлайн-площадок, согласно которой в выбранных молодежных организациях контент направлен на формирование политических ценностей в большей степени, нежели социальных. Особенностью групп Молодогвардейцев в СФО является низкая социальная реакция пользователей при среднем количестве публикуемых постов, при том, что информация оппозиции вызывает больший интерес пользователей. Основными темами стали популярные во многих федеральных округах темы важности гражданского активизма, сохранения исторической памяти, самореализации в политике. Экономическая сфера была представлена во всех группах Федеральных округов с высокой активностью, однако их число невелико – примерно 1% от общего числа публикаций. Основная транслируемая экономическая ценность – тема рыночной экономики, включающей в себя мероприя-

тия мониторинга цен, важности поддержки предпринимательства; развитие сельских территорий, сельского хозяйства; обеспеченность трудом, в том числе, важность трудоустройства молодёжи.

Обзор научных работ, современных исследований доказывает важность изучения ценностных ориентаций граждан. Их знание и отслеживание трансформаций позволит понимать настроения людей, готовность к реформам, отношение к власти, иные потребности и запросы для формирования комфортной социально-политической ситуации в стране. Ценности – категория, являющаяся основной в философском направлении – аксиологии; термин, выражающий материальную значимость вещей, а также широко используемое слово в повседневной жизни. Его многозначность и популярность – свидетельство о важности и необходимости исследования. В данной статье принимается значение «ценностей» в социально-политическом аспекте, как принцип и убеждение, которые влияют на поведение и образ жизни определенной группы людей или сообществ.

Многие ученые отмечали, что в период крупных трансформаций, экономических и политических кризисов, технического прогресса происходит резкое и существенное изменение ценностных ориентаций граждан. В последнее время такой точкой бифуркации становится цифровизация, влияющая на потребности граждан, восприятие действительности, прежде всего, молодёжи, живущих в эпоху цифровых технологий и коммуникации в социальных сетях.

Крупные социологические компании и научные социально-политические школы регулярно проводят измерения ценностей молодёжи, исследуют их в динамике и с учетом изменений, происходящих в стране. Однако основным методом их изучения являются опросы, которые не учитывают особенности современной коммуникации. Большая часть молодых людей регулярно проводит время в социальных сетях, где в публикациях транслируются те или иные ценности, где граждане сами могут диктовать желаемые установки. С целью преодоления недостатков опросных методов, а также определения политических ценностей молодежи, транслируемых ими в социальных сетях, было проведено комплексное исследование, основанное на использовании политического инструментария, в частности методов case-study, event-анализ и контент-анализ. Была проанализирована деятельность 107 онлайн-платформ за 6 месяцев во всех федеральных округах России, из которых 42 группы нейтральных диалоговых площадок (молодежное правительство и

парламент); 42 – оппозиционных (молодежные отделения политических партий ЛДПР и КПРФ) и 23 сообщества «Молодой Гвардии». Выбранные методы, хронологические и географические рамки объективно позволили выявить закономерности и сделать следующие выводы:

1. Были выявлены федеральные округа с низкой, средней и высокой активностью молодежных сообществ в социальных сетях. Федеральным округам с низкой активностью (СКФО и ДФО) свойственно наличие сильной оппозиции, которая характеризуется максимальной вовлеченностью пользователей. Оппозиционные организации транслировали информацию, направленную на сохранение ценностей исторического наследия, памяти о ВОВ. Отделения Молодой Гвардии акцентировали внимание на темы гражданского активизма, сохранение экологии, сохранение традиций страны и регионов России. В то же время молодежные диалоговые площадки в обоих федеральных округах – наиболее неразвиты и непопулярны.

К округам со средней активностью относятся Уральский и Северо-Западный. В группах на данных территориях, наоборот, слабая оппозиционная деятельность онлайн-групп, но в то же время, высокая активность сообществ нейтральных представителей, групп Молодой Гвардии. Фиксируется наибольшая средняя социальная реакция пользователей на размещаемые посты. Главная транслируемая ценность – гражданский активизм молодежи, историческая память и традиции России и субъектов РФ.

Регионы с высокой активностью в интернет-пространстве находятся в Центральном, Сибирском, Южном и Приволжском федеральных округах. Обычно наименьшая социальная активность – у оппозиционных сообществ в то время, как диалоговые площадки и МГЕР отличаются получением максимальной вовлеченности. В рассмотренных регионах, в отличие от ранее описанных, присутствуют посты, отражающие экономические ценности, в частности, рыночной экономики. Молодогвардейцы, зачастую, в большей степени, были социально-ориентированными.

Таким образом, во всех рассмотренных группах подтверждается тенденция транслирования 3 основных тем: важность гражданского активизма, сохранения памяти о Великой Отечественной войне, ветеранах, традиций России. Не подтверждается и гипотеза об увеличении количества публикуемых постов, изменении ценностных установок в предвыборный период.

2. Рассмотрение информационного поля показало, что обычно оппозиционные сообщества транслировали больший спектр политических ценно-

стей, затрагивая такие, как позиционирование России на международной арене, справедливость, безопасность, честные, конкурентные выборы, законность, сменяемость власти. При этом одной из часто размещаемых была тема сохранения исторической памяти, развитие патриотизма.

Сообщества молодого поколения регулярно обращались к социальным ценностям, среди которых основными стали – поддержка незащищенных слоёв, защита детства и семьи, волонтерства. Диалоговые площадки фокусировались на вопросах самореализации в политике.

3. Как видно из проанализированных данных, контент в молодежных сообществах не отражает реальные политические процессы современной России, тенденции развития страны, не фиксируются законодательные изменения, популярные, неоднозначные темы (усиление цензуры в социальных сетях, санкционная политика и др.). Практически отсутствует фокусирование на региональной политической привязке. Все посты носят абстрактный, информационный характер.

Таким образом несмотря на то, что анализировался контент сообществ, связанных с социально-политической сферой, была выявлена незаинтересованность молодых людей политическими вопросами. Интерес к сообществам и активность в них поддерживается лишь публикациями о работе самих организаций, отсылками к истории России и национальным праздникам страны и отдельных регионов. В целом, полученные данные совпадают с тенденциями, отражаемыми в социологических данных, согласно которым, современная молодежь – аполитична, предпочитает просмотр неполитического контента, отчуждена от власти [24].

Литература

1. Абрадова Е.С., Кисловская Е. В. Молодежь в социальных сетях // Власть. 2018. Т. 26. №3. С. 150-153.

2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А., Синяков А.В. «Цифровая гражданственность» в оценках российской молодежи // ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. №3. С. 326-344.

3. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С., Парма Р.В. Взаимосвязь конформного поведения и протестных установок современной молодежи // Человеческий капитал. 2021. №10(154). С. 95-101.

4. Гуреева А.Н. Роль медиаактивности российской молодежи в процессе медиатизации политики // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 325-334.
5. Данькин М.А. Влияние социальных сетей на нравственные ценности молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. №5(61). С. 36-39.
6. Доля пользователей интернета в России среди молодежи приблизилась к 100%. URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения 20.10.2022).
7. Забокрицкая Л.Д., Хлебников Н.А., Орешкина Т.А., Комоцкий Е.И. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №2(156). С. 148-167.
8. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Институционализация новых коммуникационных и деятельностных цифровых форматов в работе с молодежью // Управление устойчивым развитием. 2021. №3(34). С. 56-62.
9. Истягина-Елисеева Е.А., Бариеникова Е.Е., Болдырева А.В. Включенность российской студенческой молодежи в интернет-коммуникации как фактор формирования моделей их социально-политической активности // Цифровая социология/Digital Sociology. 2020. Т. 3. №3. С. 12-20.
10. Каминченко Д.И., Шмелева О.Ю. Социальные медиа как инструмент формирования политической картины мира современной молодежи (на материалах Нижегородского региона) // Известия Саратовского университета. 2020. Т. 20. №2. С. 212-218.
11. Комарова А.А. Политические лидеры и молодежь: взаимодействие в социальных сетях. Цифровая социология/Digital Sociology. 2021. №4(1) С. 42-49.
12. Марин Е.Б. Представление о социальном протесте у молодежи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. №1. С. 62–92.
13. Платон. Государство. Перевод с древнегреческого А.Н. Егунова Москва: Академический проект, 2015. 398 с.
14. Попова О.В. Особенности политического сознания современной российской молодежи // Политическая наука. 2017. №1. С. 138-162.

15. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С.Л. Лопатиной. Москва: Мысль, 2018. 347 с.

16. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. №3. С. 20–32.

17. Словарь современной экономической теории Макмиллана / Общ. ред. Дэвида У. Пирса. Москва: ИНФРА-М. 2003. 607 с.

18. Социальные сети в России: цифры и тренды. URL: <https://vc.ru/social/182436-socialnye-seti-v-rossii-cifry-i-trendy> (дата обращения 20.10.2021).

19. Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoy-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (дата обращения 20.10.2022)

20. Чуев С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. Т. 25. №11. С. 54-60.

21. Щепланова В.В., Логинова Л.В., Зайцев Д.В., Суркова И.Ю. Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 595-610.

22. Abalian A.I., Bijan A. Youth as an object of online extremist propaganda: The case of the IS // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 78–96.

23. Ahumada-Newhart V., Hernandez M. An assets-based design approach to promote digital health equity for Latino youth and their communities. UC Davis. 2020. 8 p. URL: <https://escholarship.org/uc/item/7dd3q8ww> (дата обращения 05.12.2022).

24. Brailovskaia J., Truskauskaitė-Kuneviciene I., Margraf J., Kazlauskas E. Coronavirus (COVID-19) outbreak: Addictive social media use, depression, anxiety and stress in quarantine – an exploratory study in Germany and Lithuania. Journal of Affective Disorders. 2021. №5. 6 p. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8214329/pdf/main.pdf> (дата обращения 05.12.2021).

25. Ferrer L.S. A New Tool for Mobilization? The Effects of Social Media Use on Youth Voter Turnout. UC Riverside: University Honors. 2021. Retrieved from. URL: <https://escholarship.org/uc/item/2vz0m7k8> (дата обращения 17.12.2022).

26. Orticio E., Marti L., Kidd C. Beliefs are most swayed by social prevalence under uncertainty. Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. 2021. Vol. 43. pp. 2822-2828.

References

1. Abradova E.S., Kislovskaya E. V. Molodezh' v sotsial'nykh setyakh // Vlast'. 2018. T. 26. №3. S. 150-153.

2. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A., Sinyakov A.V. «Tsifrovaya grazhdanstvennost'» v otsenkakh rossiiskoi molodezhi // POLITEKS. 2019. T. 15. №3. S. 326-344.

3. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.YU., Likhacheva E.V., Nikolayeva L.P., Ognev A.S., Parma R.V. Vzaimosvyaz' konformnogo povedeniya i protestnykh ustanovok sovremennoy molodezhi // Chelovecheskiy kapital. 2021. №10(154). S. 95-101.

4. Gureeva A.N. Rol' mediaaktivnosti rossiiskoi molodezhi v protsesse mediatizatsii politiki // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2020. T. 9. № 2. S. 325-334.

5. Dan'kin M.A. Vliyanie sotsial'nykh setei na nravstvennye tsennosti molodezhi // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2019. №5(61). S. 36-39.

6. Dolya pol'zovatelei interneta v Rossii sredi molodezhi priblizilas' k 100%. URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/technology_and_media/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (data obrashcheniya 20.10.2022).

7. Zabokritskaya L.D., Khlebnikov N.A., Oreshkina T.A., Komotskii E.I. Vozmozhnosti izucheniya tsennostei molodezhi cherez profil' sotsial'noi seti «Vkontakte» // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2020. №2(156). S. 148-167.

8. Zinurova R.I., Tuzikov A.R. Institutsonalizatsiya novykh kommunikatsionnykh i deyatelnostnykh tsifrovykh formatov v rabote s molodezh'yu // Upravlenie ustoichivym razvitiem. 2021. №3(34). S. 56-62.

9. Istyagina-Eliseeva E.A., Barienikova E.E., Boldyreva A.V. Vkluchennost' rossiiskoi studencheskoi molodezhi v internet-kommunikatsii kak faktor formirovaniya modelei ikh sotsial'no-politicheskoi aktivnosti // Tsifrovaya sotsiologiya/Digital Sociology. 2020. T. 3. №3. S. 12-20.

10. Kaminchenko D.I., Shmeleva O.Yu. Sotsial'nye media kak instrument formirovaniya politicheskoi kartiny mira sovremennoi molodezhi (na materialakh Nizhegorodskogo regiona) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2020. T. 20. №2. S. 212-218.

11. Komarova A.A. Politicheskie lidery i molodezh': vzaimodeistvie v sotsial'nykh setyakh. Tsifrovaya sotsiologiya/Digital Sociology. 2021. №4(1) S. 42-49.

12. Marin E.B. Predstavlenie o sotsial'nom proteste u molodezhi rossiiskogo Dal'nego Vostoka // Vestnik Instituta sotsiologii. 2021. Tom 12. №1. С. 62–92.
13. Platon. Gosudarstvo. Perevod s drevnegrecheskogo A.N. Egunova Moskva: Akademicheskii proekt, 2015. 398 s.
14. Popova O.V. Osobennosti politicheskogo soznaniya sovremennoi rossiiskoi molodezhi // Politicheskaya nauka. 2017. №1. S. 138-162.
15. Ronal'd Ingkharth: kak motivatsii i tsennosti lyudei menyayut mir. URL: <https://econs.online/articles/opinions/ronald-ingkharth-kak-motivatsii-i-tsenosti-menyayut-mir/> (data obrashcheniya 20.10.2022).
16. Selezneva A.V. Politicheskie tsennosti rossiiskoi molodezhi: sotsiokul'turnye osobennosti i identifikatsionnyi potentsial // Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie. 2020. T. 11. №3. S. 20–32.
17. Slovar' sovremennoi ekonomicheskoi teorii Makmillana / Obshch. red. Devida U. Pirs. Moskva: INFRA-M. 2003. 607 s.
18. Sotsial'nye seti v Rossii: tsifry i trendy. URL: <https://vc.ru/social/182436-socialnye-seti-v-rossii-cifry-i-trendy> (data obrashcheniya 20.10.2021).
19. Tsennosti, orientatsii i uchastie v politicheskoi zhizni rossiiskogo molodogo pokoleniya URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoi-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/> (data obrashcheniya 20.10.2022)
20. Chuev S.V., Timokhovich A.N., Grishaeva S.A. Politicheskie tsennosti rossiiskoi molodezhi: materialy issledovaniya // Vlast'. 2017. T. 25. №11. S. 54-60.
21. Shcheblanova V.V., Loginova L.V., Zaitsev D.V., Surkova I.Yu. Grazhdanskii aktivizm studentov: risk destruktivnykh proyavlenii v Povolzhskom regione // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2020. T. 20. № 3. S. 595-610.
22. Abalian A.I., Bijan A. Youth as an object of online extremist propaganda: The case of the IS // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya. 2021. T. 23. № 1. S. 78–96.
23. Ahumada-Newhart V., Hernandez M. An assets-based design approach to promote digital health equity for Latino youth and their communities. UC Davis. 2020. 8 p. URL: <https://escholarship.org/uc/item/7dd3q8ww> (data obrashcheniya 05.12.2022).
24. Brailovskaia J., Truskauskaite-Kuneviciene I., Margraf J., Kazlauskas E. Coronavirus (COVID-19) outbreak: Addictive social media use, depression, anxiety and stress in quarantine – an exploratory study in Germany and Lithuania. Journal of Affective Disorders. 2021. №5. 6 p. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8214329/pdf/main.pdf> (data obrashcheniya 05.12.2021).
25. Ferrer L.S. A New Tool for Mobilization? The Effects of Social Media Use on Youth Voter Turnout. UC Riverside: University Honors. 2021. Retrieved from. URL: <https://escholarship.org/uc/item/2vz0m7k8> (data obrashcheniya 17.12.2022).
26. Orticio E., Marti L., Kidd C. Beliefs are most swayed by social prevalence under uncertainty. Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. 2021. Vol. 43. pp. 2822-2828.

**Г.И. Авцинова,
Е.Ю. Воронина**

**G. Avtsinova,
E. Voronina**

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

TRANSFORMATION OF VALUES IN THE GLOBAL WORLD IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Аннотация

В современном мире, связанным с информационными технологиями, происходит изменение в концептуализации ценностей. Этот процесс трансформации вызван различными факторами, включая изменения в социальной, экономической и технологической сферах. В работе уделено особое внимание трендам трансформации ценностей в глобальном мире в эпоху цифровизации. Первый тренд свидетельствует о том, что информационное общество расширяет пространство индивидов, а экономическая глобализация благоприятствует культурной глобализации, т.е. ведет к возникновению мировой культуры, стандартизирующей национальные культуры, чтобы затем создать единое информационное общество. Второй тренд касается того, что на ценности могут оказывать влияние технологические изменения, например интернет. Третий тренд характеризует тот факт, что трансформация ценностей вызвана введением экономических и политических изменений, оказывающих непосредственное влияние на жизнь людей. Существует и четвертый тренд, где цифровая трансформация является стратегическим вопросом с точки зрения безопасности. Пятый тренд связан с тем, что в культурном плане массовое внедрение цифровых инструментов нарушает многие ориентиры и ценности: социальные связи, совместное проживание, приверженность универсальности, признание других, лояльность, семью, дружбу, демократию, общие интересы, роль государства, свобода, уважение к личной жизни и т.д. Мы пришли к выводу, что трансформация ценностей в глобальном мире, вы-

Abstract

In the modern world associated with information technology, there is a change in the conceptualization of values. This process of transformation can be triggered by various factors, including changes in the social, economic and technological spheres.

In the modern world associated with information technology, there is a change in the conceptualization of values. This process of transformation can be triggered by various factors, including changes in the social, economic and technological spheres.

The paper pays special attention to the trends in the transformation of values in the global world in the era of digitalization. The first trend indicates that the information society expands the space of individuals, and economic globalization favors cultural globalization, i.e. leads to the emergence of a world culture that standardizes national cultures in order to then create a single information society. The second trend is that values can be influenced by technological changes, such as the Internet. The third trend characterizes the fact that the transformation of values is caused by the introduction of economic and political changes that have a direct impact on people's lives. There is a fourth trend, where digital transformation is a strategic issue in terms of security. The fifth trend is related to the fact that, culturally, the massive introduction of digital tools violates many guidelines and values: social ties, living together, commitment to universality, recognition of others, loyalty, family, friendship, democracy, common interests, the role of the state, freedom, respect for personal life, etc.

званная цифровизацией – это сложная и многообразная проблема. Тем не менее, процесс не заканчивается и находится в постоянном движении, что требует пристального изучения, чтобы лучше понимать его влияние на быстроменяющийся мир.

We came to the conclusion that the transformation of values in the global world caused by digitalization is a complex and diverse problem. However, the process does not end and is in constant motion, which requires close study in order to better understand its impact on a rapidly changing world.

Ключевые слова:

духовно-нравственные ценности, трансформация, глобализация, информационное общество, цифровизация.

Key words:

spiritual and moral values, transformation, globalization, information society, digitalization, transhumanism.

В современном глобализированном мире, пронизанном цифровизацией, происходит не только общественный, но и культурный сдвиг в понимании ценностей. Этот процесс трансформации ценностей может быть вызван множеством факторов, включая социальные, экономические и технологические преобразования. Такие изменения приводят к тому, что перед культурой и обществом появляются новые вызовы и задачи. Их изучение стало одной из ключевых проблем в области социологии, политологии и культурологии.

Под влиянием цифровизации и развития информационного общества происходят социокультурные изменения, затрагивающие традиционные устои социума, общественные институты, формируются новые ценности, что способствует развитию поликультурности и размытию идентичности. По мнению Е.И. Замараевой, «формируется новая социокультурная модель: трансмодерная идентичность, кочевник цифрового мира» [4, с. 47]. Трансмодерн можно понимать как движение, желающее выйти за пределы современности, предлагая новую модель общества, которую можно охарактеризовать как устойчивую. Речь идет о выходе за пределы современности, чтобы получить доступ к другому уровню сознания и политического интеллекта и преодолеть ограничения существующей системы. Логика сложности лежит в основе этого подхода к решению вопросов, практик и проблем, которые необходимо решать инновационными способами [15]. Подчеркнем, что с недавнего времени данная динамика уже укоренилась в истории наших обществ, но начала проявляться как сформировавшееся движение только в начале XXI века.

Е.В. Бестаева полагает, что социокультурные трансформации затрагивают и область личной идентичности. Цифровая реальность в определенной мере вытесняет наши языки, культуры, идентичность [1, с. 83].

В целом после постмодерна, позволившего открыть культурные коды в обширном релятивистском движении, мы наблюдаем стремление переосмыслить межкультурные связи и обмены, чтобы способствовать появлению транскультурных практик, которые соединяют в себе традиционное и современное.

Теоретики трансмодерна Х.-Й. Люзербинк [19, с. 13-16] и В. Вельш [23] заложили основу для размышлений об этом движении, которое пересматривает связи между культурами, их смешении и циркуляции. Таким образом, инновации, движутся в сторону трансверсальных символов между культурами в стремлении выйти за пределы их автономии, что ведет к распространению культурного полицентризма.

За последние десятилетия внедрение и распространение информационно-коммуникационных технологий трансформировали экономику и общество. В настоящее время многие люди живут в странах, испытывающих материальные и социальные трудности, которые заставили их изменить свои ценности и убеждения.

На сегодняшний день в науке не существует единого определения, которое четко объясняло бы, что такое цифровизация. Из-за большого разнообразия областей, которые уникальны, данную концепцию принято считать расплывчатой [18; 20]. Иными словами, использование терминов «цифровизация» и «цифровая трансформация» для всех изменений, происходящих в результате развития цифровых технологий во всех социальных и экономических аспектах, является неточным и в определенной степени коммерческим [14]. Интересно, что в научной литературе существует много статей о цифровой трансформации, но мало о ценностях в эпоху цифровизации.

В настоящее время осуществляется переход в фазу ускорения, более заметную для общества из-за воздействия на время и пространство. Переплетение данных, собранных NBIC (нанотехнологиями, биологией, информатикой и когнитивными науками), дает представление о масштабах изменений, которые произойдут во многих областях человеческой деятельности. Если последствия выявлены, то с изменениями, с которыми в настоящее время сталкивается общество, дело обстоит сложнее. Данные трансформации связаны с потрясениями в мире, властью, экономикой, методами управления, социокультурными противостояниями, ценностями и т.д.

Выделим тренды трансформации ценностей в глобальном мире в эпоху цифровизации. Первый тренд свидетельствует о том, что информационное общество расширяет пространство индивидов. Свободная торговля, свободное движение капитала и международная миграция, с одной стороны, и технический прогресс в области телекоммуникаций и транспорта, с другой, способствуют контакту между культурами. Таким образом, экономическая глобализация благоприятствует культурной глобализации, т.е. ведет к возникновению мировой культуры, стандартизирующей национальные культуры, чтобы затем создать единое информационное общество [12, с.205-209].

Второй тренд касается того, что на ценности могут оказывать влияние технологические изменения, например интернет. Развитие интерактивных платформ ведет индустрию к массовой дематериализации. Инвазивный маркетинг (спам, анализ данных и т.д.) – одно из самых раздражающих проявлений этого, но с другой стороны, навигация GPS и онлайн-бронирование билетов, отелей, онлайн-покупка товаров – это прогресс. Эти изменения побуждают общество к трансверсальному пониманию последствий на разных уровнях экосистем, виртуальному общению [17]. Один из ярких примеров трансформации ценностей связан с эмоциональными и психологическими аспектами в онлайн-жизни. Социальные сети и мессенджеры стали наиболее популярными способами общения в мире, особенно в молодежной среде. Люди могут проявлять свои эмоции, выражая их через интернет, а это может привести к тому, что эти эмоциональные переживания станут более важными, чем физический контакт или реальное общение.

Третий тренд характеризует тот факт, что трансформация ценностей вызвана введением экономических и политических изменений, оказывающих непосредственное влияние на жизнь людей. Например, быстрый рост коопераций может способствовать развитию экологических проектов и экономических преимуществ, а налоговая реформа может стать мотивацией для изменения ценностей в этой области.

Помимо экономического, социокультурного измерения, существует четвертый тренд, где цифровая трансформация является стратегическим вопросом с точки зрения безопасности (широкий контроль граждан и групп со стороны государств, безопасность и кибервойна и т.д.). Поэтому ее необ-

ходимо рассматривать во взаимодействии с другими тенденциями, пронизывающими общество, в частности, с политикой, экономикой, экологией.

Пятый тренд связан с тем, что в культурном плане массовое внедрение цифровых инструментов нарушает многие ориентиры и ценности: социальные связи, совместное проживание, приверженность универсальности, признание других, лояльность, семью, дружбу, демократию, общие интересы, роль государства, свобода, уважение к личной жизни и т.д.

Такие неправомерные действия, как вредоносная хакерская практика или киберпреследование вынуждают власть и специалистов в области информационной безопасности принимать жесткие меры, чтобы ограничить негативное влияние. Несмотря на это, цифровая культура продолжает укореняться в обществе. В интернете набирают популярность алерт-движения, идет подпись онлайн-петиций и т.п., которые могут быть объединяющими, мобилизующими без активных и признанных лидеров и в то же время эффективными [17]. Стоит отметить, что данные трансформации далеки от завершения. В перспективе необходимо изучать возможности, которые они предлагают, а также риски и неопределенности, которые они несут.

Для получения более глубокого понимания процесса трансформации ценностей и культурных изменений, многие ученые из разных областей проводят исследования по этой теме. Некоторые из них сосредоточены на анализе онлайн-данных, используя различные методики, такие как анализ частоты и определения ключевых слов. Другие исследователи используют культурные карты, уделяя особое внимание передовому и национальному опыту, религии, культуре, искусству и науке.

Одним из наиболее известных исследователей в этой области является Р. Инглхарт из Мичиганского университета, который проводил исследования по трансформации ценностей в западном мире. Согласно его воззрениям, началась эра постматериализма, которая меняет культуру и ценности. Он утверждает, что эта эра объясняет то, почему в западных странах уровень участия и вовлеченности в политике убывает, в то время как интерес к самореализации и личностным возможностям растет [16].

Отмеченная «либертарианским» подходом своих основателей в 1970-х гг. цифровая культура Силиконовой долины уступила место либерализму и позиции в пользу трансгуманизма, идеи которого пропагандировал Ж.-М. Бенье. Под трансгуманизмом философ понимает «обширное

течение мнений, которое в технологизированных обществах объединяет людей, считающих, что наука и технология обладают средствами для достижения всех устремлений человеческого вида, в том числе и бессмертия... Это не идеология, так как идеи слишком неформальны, это не философия, потому что тем не хватает строгости, и это даже не религия...» [22].

Трансгуманизм поощряет научные инновации, которые могут только приветствовать действующие лица этих инноваций, которые процветают в Калифорнии. Это движение часто поддерживают богатые люди, которые влияют на лиц, принимающих решения в экономической, политической и промышленной сферах. Поэтому неудивительно, что научные парки и исследовательские организации проявляют интерес к этому движению.

Однако, если учесть, что основное регулирование Интернета организовано несколькими людьми, наделенными определенными алгоритмами, помимо пользователей Интернета, Сеть становится очень иерархическим, даже дискриминирующим инструментом. В частности, во Франции эта модель была привита к антииерархической культуре и стремлению к социальному либерализму, к культуре, которая служит питательной средой для мобилизации против всех попыток регулирования в этой области, к ситуации, которая является источником напряженности, когда необходимо ввести регулирование, чтобы избежать правовых рисков [17].

Следует отметить, что существуют проблемы и трудности с использованием цифровых технологий, которые сейчас вошли в жизнь каждого человека. Четвертый тренд свидетельствует о том, что социальные, культурные и экономические реалии управляют трансформациями и способствуют их быстрой корректировке. Новые достижения открывают новые риски, а также новые возможности, но это спонтанно не объединит общество. Этому может способствовать слаженная работа большого числа людей, институтов, при условии готовности принимать решения в неопределенном будущем.

Что касается нашей страны, то приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на них норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий является одним из основных принципов Стратегии развития информационного общества России. А одна из целей данной Стратегии – формирование безопасной информационной среды на основе популяр-

зации информационных ресурсов, способствующих распространению духовно-нравственных ценностей» [9; 16].

В России трансформация ценностей происходит не менее быстрыми темпами. Несомненно, наша страна не должна отставать в технологическом плане от стран Запада и может использовать достижения и разработки современной науки и техники при сохранении своей субъектности [5]. В основе российской экономической и социально-политической модели должны лежать традиционные духовно-нравственные ценности, важность которых отмечается в ряде документов: Военной доктрине Российской Федерации (2014 год) [3], Стратегии развития информационного общества на 2017-2030 гг. (2017 год) [9], Указах президента «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2021 год) [10] и «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022 год) [11]. Согласно последнему документу, к традиционным ценностям России относятся жизнь, патриотизм, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, труд, крепкая семья и др. [11].

В выступлении 22 августа 2022 года по случаю «Дня флага» президент России В. Путин подчеркивает, что герб символизирует нашу веру в традиционные ценности, от которых «мы никогда не откажемся». Сохранение субъектности и суверенности, «желание жить по своей воле, выбирать свой собственный путь и следовать ему – теперь часть генетического кода нашего народа» [8]. Идея важности сохранения генетического кода России транслируется во многих выступлениях президента. Так, в январе 2012 года, когда Россию сотрясали протесты, переизбранный на новый срок президент напомнил, что русская идентичность, характеризуется «иным культурным кодом», отличным от западных ценностей. Отсюда vitalная необходимость его сохранять, укреплять и возвращать. Идея генетического кода коррелирует с концепцией «пассионарности» Л. Гумилева – форме биокосмической энергии, которая является источником жизненных сил русского народа. По мнению В. Путина, эта идея призвана быть в центре «государства-цивилизации», объединяя другие народы во круг «культуры и общих ценностей». Победа «цветной революции», попытки организации которой осуществлялись в России по накатанным технологиям в 2012 году, неизбежно привела бы к трансформации политиче-

ского режима, в рамках которого защита традиционных ценностей была бы проблематична и даже невозможна [13].

В последние годы идея российского «государства-цивилизации» актуализировалась и в научных исследованиях, и выступлениях президента Российской Федерации. В интервью в мае 2020 года В. Путин характеризует Россию как отдельную цивилизацию, «благодаря ее богатым традициям, многонациональности, множеству культур и конфессий» [2]. Идеологическое и политическое противостояние России и Запада выходит далеко за рамки бинарности «демократия-авторитаризм», потенциально затрагивая национальную безопасность, а также глобальную устойчивость и мир. Отсутствие продовольственной безопасности, миграция и беженцы, угроза распространения войны и применение нетрадиционных вооружений подвергают опасности мировое сообщество. В этих условиях «нейтральные» страны действуют как «политические переменные», руководствуясь собственными интересами. Многие из них, являясь союзниками Соединенных Штатов, не обязательно должны быть противниками России и Китая из-за украинского кризиса или неприятия политических систем и ценностей этих стран. И хотя государственные интересы диктуют необходимость сохранения взаимовыгодных отношений при несовпадении с политикой США и неприсоединения к антироссийским санкциям, сохранять ценностный нейтралитет и государственный суверенитет в современных условиях трансформации мировой системы становится все труднее [21].

Противостояние России и Запада имеет много линий расхождения, в том числе в понимании международной безопасности. В России международная безопасность трактуется как комплекс мер, направленных на защиту интересов государства, сохранение его территориальной целостности, суверенитета и национальной безопасности. В марте 2023 года президентом Российской Федерации подписан Указ о внесении изменений в Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. Адекватно новым геополитическим реалиям в новой редакции одним из принципов государственной политики Российской Федерации является отказ от навязывания политических условий оказания помощи другим государствам. Важно, что государства-получатели помощи имеют право самостоятельно выбирать модель социально-экономического развития с учетом своих особенностей. Соблюдение всеми странами прин-

цип равной и неделимой безопасности – одно из приоритетных направления деятельности РФ в сфере обеспечения международной безопасности и содействия международному развитию [7].

В современных условиях необходима мобилизация ресурсов вокруг традиционных ценностей, способных фокусировать энергию и опыт большого числа людей, участвовать в разработке и реализации эффективных стратегий будущего. Важны также организация гражданского контроля и экспертов по оценке технологических решений, актуальности циркулирующей в обществе информации, при необходимости ее быстрой корректировке, пониманию возможных альтернатив.

Литература

1. Бестаева Е.В. Социолингвистический аспект развития современных цифровых технологий. Преимущества и риски // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2020. №10(4). С. 80-85.

2. Владимир Путин назвал Россию отдельной цивилизацией // РИА Новости, 17.05.2020. URL: <https://ria.ru/20200517/1571580444.html> (дата обращения 31.01.2023).

3. Военная доктрина Российской Федерации. Подписана Президентом РФ В.В. Путиным 25 декабря 2014 г. / Российская газета. 30 декабря 2014 г. URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения 21.12.2022).

4. Замараева Е.И. Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2021. №11(1). С. 43-48.

5. Немыченков В.И. Традиционные духовно-нравственные ценности и цифровая модернизация России // Общество. Публицистика. URL: <https://likorg.ru/post/v-i-nemychenkov-tradicionnye-duhovno-nravstvennye-cennosti-i-cifrovaya-modernizaciya-rossii> (дата обращения: 21.12.2022).

6. Патрушев: поправки в конституцию имеют огромное значение в определении путей развития РФ // ТАСС, 17.06.2020. URL: <https://tass.ru/politika/8749899> (дата обращения 31.01.2023).

7. Путин внес изменения в Концепцию госполитики в сфере содействия международному развитию. URL: https://iz.ru/1482598/2023-03-13/putin-obnovil-kontseptciiu-gospolitiki-po-mezhdunarodnoi-pomoshchi?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 13.03.2023).

8. Путин заявил, что Россия никогда не отступит от традиционных ценностей // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/08/2022/6302a2709a7947627d0d1e12> (дата обращения 31.01.2023).

9. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1> (дата обращения 01.12.2022).

10. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 21.12.2022).

11. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения 21.12.2022).

12. Balima Th.S. Une ou des «sociétés de l'information»? // Hermès, La Revue. 2004/3. №40.

13. Chappedelaine B. Le choc des civilisations: une version russe // Institutmontaigne.org. URL: <https://www.institutmontaigne.org/analyses/le-monde-vu-dailleurs-le-choc-des-civilisations-une-version-russe> (дата обращения 31.01.2023).

14. Che cos'è l'evoluzione digitale (Trasformazione digitale o digitalizzazione)? URL: <https://www.ottimositoweb.it/evoluzione-digitale-o-digitalizzazione/> (дата обращения 05.11.2022).

15. Corneloup J. Innover par la forme transmoderne. Créativité et innovation dans les loisirs sportifs de nature, un autre monde en émergence, Ed. du Fournel, L'Argentière La-Bessée, Octobre 2010. 415 p.

16. Inglehart R.F. Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World. Cambridge University Press. 2018. 288 p.

17. Jaslin J.-P. La transformation numérique de la société // La Fonda, fabrique associative, mars 2016. URL: <https://www.fonda.asso.fr/ressources/la-transformation-numerique-de-la-societe> (дата обращения 05.11.2022).

18. Leviäkangas P. Digitalisation of Finland's transport sector // Technol. Soc. 2016. №47(1).

19. Lüsebrink H.-J. Interkulturelle Kommunikation. Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer. Stuttgart: Metzler, 2005. 224 p.

20. Parviainen P., Tihinen M., Kääriäinen J., Teppola S. Tackling the digitalization challenge: how to benefit from digitalization in practice. IJISPM, 2017. №5(1).

21. Rabil R.G. L'invasion de l'Ukraine par la Russie a-t-elle condamné le dollar? // Brunobertez.com. URL: <https://brunobertez.com/2022/12/24/linvasion-de-lukraine-par-la-russie-a-t-elle-condamne-le-dollar/> (дата обращения 31.01.2023).

22. Texier B. Jean-Michel Besnier: «Face au transhumanisme, ne soyons pas des esclaves!» // Vie numérique| Archimag, 10.10.2017. URL: <https://www.archimag.com/vie-numerique/2017/10/10/rencontre-jean-michel-besnier-transhumanisme-homme-machine> (дата обращения 05.11.2022).

23. Welsch W. Vernunft: Die zeitgenössische Vernunftkritik und das Konzept der transversalen Vernunft. Frankfurt am Main. 1996. 983 p.

References

1. Bestaeva E.V. Sotsiolingvisticheskiy aspekt razvitiya sovremennykh tsifrovyykh tekhnologii. Preimushchestva i riski // Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2020. №10(4). S. 80-85.

2. Vladimir Putin nazval Rossiyu otdel'noi tsivilizatsiei // RIA Novosti, 17.05.2020. URL: <https://ria.ru/20200517/1571580444.html> (дата обращения 31.01.2023).

3. Voennaya doktrina Rossiiskoi Federatsii. Podpisana Prezidentom RF V.V. Putnym 25 dekabrya 2014 g. Rossiiskay gazeta 30 dekabrya 2014 g. URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения 21.12.2022).

4. Zamaraeva E.I. Sotsiokul'turnye transformatsii v epokhu tsifrovizatsii // Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. №11(1). S. 43-48.

5. Nemychenkov V.I. Traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti i tsifrovaya modernizatsiya Rossii // Obshchestvo. Publitsistika. 10.07.2018. URL: <https://likorg.ru/post/v-i-nemychenkov-tradicionnye-duhovno-nravstvennye-tsennosti-i-tsifrovaya-modernizatsiya-rossii> (дата обращения 21.12.2022).

6. Patrushev: popravki v konstitutsiyu imeyut ogromnoe znachenie v opredelenii putei razvitiya RF // TASS, 17.06.2020. URL: <https://tass.ru/politika/8749899> (дата обращения 31.01.2023).

7. Putin vnes izmeneniya v Kontseptsiyu gospolitiki v sfere sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu. URL: https://iz.ru/1482598/2023-03-13/putin-obnovil-kontseptciiu-gospolitiki-po-mezhdunarodnoi-pomoshchi?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 13.03.2023).

8. Putin zayavil, chto Rossiya nikogda ne otstupit ot traditsionnykh tsennostei // RBK, 22.08.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/08/2022/6302a2709a7947627d0d1e12> (дата обращения 31.01.2023).

9. Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii na 2017–2030 gody. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1> (data obrashcheniya 01.12.2022).

10. Ukaz Prezidenta RF ot 02 iyulya 2021 g. №400 «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (data obrashcheniya 21.12.2022).

11. Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. №809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (data obrashcheniya 21.12.2022).

12. Balima Th.S. Une ou des «sociétés de l'information»? // Hermès, La Revue. 2004/3. №40.

13. Chappedelaine B. Le choc des civilisations: une version russe // Institutmontaigne.org. URL: <https://www.institutmontaigne.org/analyses/le-monde-vu-dailleurs-le-choc-des-civilisations-une-version-russe> (data obrashcheniya 31.01.2023).

14. Che cos'è l'evoluzione digitale (Trasformazione digitale o digitalizzazione)? URL: <https://www.ottimositoweb.it/evoluzione-digitale-o-digitalizzazione/> (data obrashcheniya 05.11.2022).

15. Corneloup J. Innover par la forme transmoderne /J. Corneloup et P. Mao (ss la dir) Créativité et innovation dans les loisirs sportifs de nature, un autre monde en émergence, Ed. du Fournel, L'Argentière La-Bessée, Octobre 2010. 415 p.

16. Inglehart R.F. Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World. Cambridge University Press. 2018. 288 p.

17. Jaslin J.-P. La transformation numérique de la société // La Fonda, fabrique associative, mars 2016. URL: <https://www.fonda.asso.fr/ressources/la-transformation-numerique-de-la-societe> (data obrashcheniya 05.11.2022).

18. Leviäkangas P. Digitalisation of Finland's transport sector // Technol. Soc. 2016. №47(1).

19. Lüsebrink H.-J. Interkulturelle Kommunikation. Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer. Stuttgart: Metzler, 2005. 224 p.

20. Parviainen P., Tihinen M., Kääriäinen J., Teppola S. Tackling the digitalization challenge: how to benefit from digitalization in practice. IJISPM, 2017. №5(1).

21. Rabil R.G. L'invasion de l'Ukraine par la Russie a-t-elle condamné le dollar? // Brunobertez.com, 24.12.2022. URL: <https://brunobertez.com/2022/12/24/linvasion-de-lukraine-par-la-russie-a-t-elle-condamne-le-dollar/> (data obrashcheniya 31.01.2023).

22. Texier B. Jean-Michel Besnier: «Face au transhumanisme, ne soyons pas des esclaves!» // Vie numérique| Archimag. URL: <https://www.archimag.com/vie-numerique/2017/10/10/rencontre-jean-michel-besnier-transhumanisme-homme-machine> (data obrashcheniya 05.11.2022).

23. Welsch W. Vernunft: Die zeitgenössische Vernunftkritik und das Konzept der transversalen Vernunft. Frankfurt am Main. 1996. 983 p.

**А.К. Сквиков,
В.Г. Преждарова,
А.В. Шумилов**

**A. Skovikov,
V. Prezarova,
A. Shumilov**

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СУВЕРЕНИТЕТ
В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ,
СЕТЕВИЗАЦИИ И
ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**STATE SOVEREIGNTY IN
THE CONTEXT OF
GLOBALIZATION,
NETWORKING AND
DIGITALIZATION**

Аннотация

На основе диалектического и историко-сравнительного методов рассмотрена эволюция государственной суверенитета. Определены особенности, возможности и потенциальные риски государственному суверенитету в условиях распространения глобализации, сетевизации и цифровизации на данном этапе политической турбулентности. Выделены два основных подхода к состоянию государственного суверенитета среди исследователей. Аргументирована позиция, что сторонники идеи «конца государства», а, следовательно, и государственному суверенитету уступают в объективной аргументации представителям научного сообщества, выступающего за полноформатное развитие национальных государств и защите суверенитета представителями органов власти. На основе неомарксистского подхода И. Валлерстайна приведена классификация государственного суверенитета в трех группах стран: центра, полупериферии и периферии. Разработаны критерии измерения коэффициентов государственного суверенитета: политический суверенитет; экономический суверенитет; культурный суверенитет; технологический суверенитет. Проводя количественный анализ по разработанным критериям в отдельно взятой стране, можно ее сопоставить к одной из трех групп, а также определить преимущества и недостатки в системе обеспечения национальной безопасности, защите государ-

Abstract

The evolution of state sovereignty is considered on the basis of dialectical and historical-comparative methods. The features, possibilities and potential risks to state sovereignty in the context of the spread of globalization, networking and digitalization at this stage of political turbulence have been identified. Two main approaches to the state of state sovereignty among researchers are highlighted. The position is argued that supporters of the idea of the «end of the state», and, therefore, state sovereignty, are inferior in objective argument to representatives of the scientific community, which advocates the full-format development of national states and the protection of sovereignty by representatives of government bodies. Based on the neo-Marxist approach of I. Wallerstein, the classification of state sovereignty in three groups of countries is given: center, semi-periphery and periphery. Criteria for measuring the coefficients of state sovereignty have been developed: political sovereignty; economic sovereignty; cultural sovereignty; technological sovereignty. By conducting a quantitative analysis of the developed criteria in a single country, it can be correlated to one of three groups, as well as determine the advantages and disadvantages in the system of ensuring national security, protecting state sovereignty based on economic development, resource opportunities, and human capital. An objective assessment of the state of the system of protection of state sov-

ственного суверенитета на основе экономического развития, ресурсных возможностей, человеческого капитала. Объективная оценка состояния системы защиты государственного суверенитета позволит руководству страны в формировании эффективной системы ее защиты на основе сетевизации и цифровизации.

Ключевые слова:

государственный суверенитет, глобализация, политическое развитие, политический процесс, национальная безопасность, цифровизация.

ereignty will allow the country's leadership to form an effective system of its protection based on networking and digitalization.

Key words:

state sovereignty, globalization, political development, political process, national security, digitalization.

Политические противоречия, накопившиеся за последние десятилетия между основными акторами современного мирового политического ландшафта, стали оказывать влияние на динамику и характер развития политического процесса [11]. На рубеже второго и третьего десятилетия XXI века в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 национальные границы были закрыты, что придало дополнительный импульс для развития сетевизации и цифровизации во всех сферах жизнедеятельности. Массовая цифровизация не только способствует защите государственного суверенитета, но в ней есть огромные скрытые потенциальные риски [14, с. 163].

Сохранение государственного суверенитета является насущным вопросом среди лидеров государств, членов представительной власти, правящей и политической элиты страны.

Есть потребность не только в научном осмыслении состояния государственного суверенитета в отдельно взятой стране, но и ранжировании, выделении группы стран, определения коэффициентов уровня государственного суверенитета в условиях цифровизации политических процессов, в разработке ряда рекомендаций органам государственной власти с целью минимизации негативных последствий от массового распространения сетевизации и цифровизации в политической сфере.

Один из первых исследователей государственного суверенитета является Ж. Боден, который полагал, что суверенитет является абсолютной, неделимой, вечной и верховной властью государства. Обоснование юридического содержания абсолютной монархии, при которой суверен не подчиняется чужой воле при принятии решений, включает определенные права монарха, а также ограничивает некоторые из его полномочий. По мнению Ж. Бодена, абсолютная власть монарха должна быть ограничена законом [5].

Ж. Боден полагал, что государство должно быть суверенным. В.С. Никитина и Е.А. Чудаева выделили свойства государственной власти согласно позиции Ж. Бодена:

- суверенная власть государства распространялась на все общество;
- верховная власть должна быть постоянной, она не может быть временной;
- верховная власть должна быть неограниченной, абсолютной;
- власть должна быть единая и неделимая [20, с. 129-131].

Процессы глобализации, начавшиеся со второй половины XX века, не оправдали одну из поставленных целей не только распространение либеральных, а в последствии неолиберальных идей на страны Востока, но и руководство ими при принятии основополагающих решений высшими должностными лицами государства. Заметим, что «Россия, так же, как и восточные страны, представляет собой незападный тип общества» [22, с. 155], «российское общество по многим параметрам, сохраняющее традиционные черты, нередко демонстрировало в своей истории способность к глубокой модернизации» [22, с. 155] однако, процессы глобализации не смогли оказать влияние на политическое сознание большинства граждан страны ввиду исторической памяти. Интерес представляет подход к государственному суверенитету со стороны представителей марксизма-ленинизма и его последователей. Исходят из того, что государство с суверенитетом над своей территорией обеспечивает власть одного социального класса над другим, но в то же время помогает людям защитить себя от преступных действий и защитить государство от внешних угроз. В результате развития теорий марксизма-ленинизма [21; 26; 27] родились многочисленные концепции государственной суверенитета, в том числе национального суверенитета поскольку нация получила право на самоопределение. По мере развития научно-технического прогресса, с учетом сетевизации и цифровизации в научной мысли стали формироваться множество концепций государственного суверенитета.

Первая группа ученых объединяется вокруг идеи «конца государства», согласно которой государства вместе с их суверенитетом исчезают. Сторонниками данного подхода преимущественно являются современные неолиберальные ученые, а также представители политических элит стран Запада.

Другая группа ученых – реалисты и неореалисты вою позицию аргументируют посредством формулирования тезиса, что государство и его суверенитет сохраняются и остаются основными игроками в глобальном мире, но меняют свою форму. Данная позиция более объективна, так как государственный суверенитет в третьем десятилетии XXI века сохраняется, в том числе и благодаря деятельности в мировой политики таких государств как Индии, Ирана, Китая, России и др.

Синтезируя идеи исследователей в области государственного суверенитета Ю.В. Акимовой, С.Н. Белова, Ю.М. Конева, Г.И. Мусихина, Е.С. Сухобоченкова, Н.Г. Тарасенко [3; 4; 13; 19; 23; 25] можно констатировать, что государственный суверенитет – это верховенство власти на определенной территории, а сложившаяся система управления поддерживает невмешательство во внутренние дела каждого государства. Государственный суверенитет каждого государства поддерживает порядок в мире, сохраняя независимость своей территорий. Если принцип государственного суверенитета в мире нарушается, это предвещает хаос и анархию. В.А. Глебов и О.Е. Гришин констатируют, что изменение «государственности – это волевой политический акт главенствующего субъекта политики. Государственность выступает важным фактором для определения национальной и гражданской идентичности и самоидентификации нации в целом» [10, с. 357].

В.С. Ковалев в работе «Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях» выделил основные черты государственного суверенитета. На данном этапе общественного развития государственный суверенитет может «быть гарантирован только в рамках системы международного права, которая создана суверенными государствами именно в целях его должного обеспечения и многосторонней защиты» [15, с.22]. При этом «обладание суверенитетом не может всегда и безусловно рассматриваться как явление однозначное и неопосредованное, констатация этого факта в некоторых ситуациях находится в прямой связи с интенцией международного сообщества» [15, с. 22].

Н.Н. Липкина при определении основных параметров в реализации государственного суверенитета акцентировала внимание, что принцип «суверенитета, безусловно, предполагает наличие у государств дискреционных полномочий по осуществлению вытекающих из него обязательств, а следовательно, и свободу усмотрения. Такая свобода усмотрения не является безграничной и зависит от целого набора факторов, в частности от степени конкретизации соответствующих прав и обязанностей государства в нормах международного права, от специфики цели того положения, которое предоставляет государству дискреционное полномочие, а также от факторов, способных повлиять на разумную доступность и практическую осуществимость соответствующих мер [17, с. 234].

Политическая действительность такова, что государства обладают разной степенью государственного суверенитета. Это зависит от множества факторов: наличия политической воли государственного лидера, экономического развития страны, природных и иных ресурсных возможностей, человеческого капитала и иных. Для классификации государственного суверенитета по степени развития в условиях глобализации, сетевизации и цифровизации использован неомарксистский подход И. Валлерстайна с учетом его мировоззренческих позиций [6; 7; 8; 9]. Дан-

ный подход вполне обоснован, так как экономическая мощь государства дает основу и для стабильного политического развития и проявления политической воли главой государства в защите национальных интересов в критической для страны ситуации. И. Валлерстайн выделил три отчетливо выделяющиеся структурные позиции в мировой экономике, которые он назвал центром, периферией и полупериферией.

В странах центра развивается сильный государственный механизм по формированию эффективного социально-экономического, политического и культурного развития государства (суверенитет), поскольку интересы правящего политического класса, правительства совпадают с интересами внутриэлитных и иных местных групп, а в периферийных странах происходит обратное – полное расхождение с локальными группами.

Государства центра отличаются от других тем, что они концентрируют в себе высокопроизводительные отрасли, которые нуждаются в квалифицированной рабочей силе в мировом производстве, что создает условия для развития сильного государства всеобщего благосостояния при эффективном управлении должностных лиц. Это способствует формированию стабильного государственного суверенитета. По большей части страны центра также являются мировыми гегемонами, которые определяют, какой должна быть политика в других странах полупериферии и периферии.

Страны полупериферии несут гибридный характер, поскольку расположены между центром и периферией. Они играют уравнивающую роль для стабильности мировой общественно-политической системы. Государство всеобщего благосостояния в этих странах менее могущественно, чем в государствах центра, поэтому в этих странах, как правило, развиваются авторитарные политические режимы. Сила суверенитета этих стран ниже, чем у стран центра, но выше, чем у стран периферии.

Для периферийных стран характерна зависимость от импорта товаров, вывоз сырья и потребность в высокой квалификации рабочей силы. Труд низкооплачиваемый. В стране существует ярко выраженная дифференция общества при отсутствии доминирования среднего класса, а также предпосылок для его формирования в среднесрочной и долгосрочных перспективах.

Страны центра имеют более сильный государственный суверенитет над своей территорией, чем периферийные страны, а полупериферийные страны в отличие от центра и периферии имеют определенную степень самостоятельности, существенно зависят от ресурсов, технологий и обладают ограниченным суверенитетом.

Процесс сетевизации и цифровизации сначала развивается в странах центра, затем охватывает страны периферии, а впоследствии распространяется на государства полупериферии. При этом данный процесс не должен развиваться хаотично и вне контроля со стороны органов госу-

дарственной власти. Г.И. Авцинова государственную политику в области цифровизации определяет, как составную часть внутренней и внешней политики целенаправленной и научно обоснованной деятельности государства и других «акторов по разработке и внедрению цифровой продукции и информационно-коммуникативных технологий, направленных на повышение эффективности государственного управления, уровня и качества жизни населения, через артикулирование и агрегирование интересов и потребностей всех социальных слоев, в целях гармонизации общественных отношений, обеспечении политической стабильности и гражданского согласия» [1, с. 106].

Процесс массовой цифровизации усиливает неравенство между государствами центра, периферии, полупериферии. Цифровизация как явно, так и опосредованно оказывает воздействие на состояние государственного суверенитета.

В следствие внедрения технологий четвертой индустриальной революции процесс цифровизации распространяется более интенсивно среди акторов современного общественно-политического ландшафта, формируя новые условия для реализации политики, национальной экономики, национально-государственной идентичности граждан.

В условиях цифровизации возникают новые риски реализации государственной политики. Противоречия между основными акторами геополитики при разрешении острых социально-политических и экономических вопросов современной повестки дня, как правило, оказывают негативное влияние на процесс формирования и текущее состояние государственного суверенитета отдельно взятого государства на политической карте мира. При этом массовый процесс цифровизации создает необходимость в формировании системы защиты государственного суверенитета.

Руководство суверенных стран мира осознает необходимость в корректировке государственной политики с учетом потенциальных рисков и разработке эффективных механизмов, направленных на их предотвращение.

Правящая элита страны, которая заинтересована, в сохранении своих властных полномочий, при формировании государственной политики учитывает внешние и внутренние угрозы со стороны ряда влиятельных политических и экономических акторов в контексте укрепления государственного суверенитета.

Процесс цифровизации с его положительными возможностями (оперативность в распространение информации, открытость государственных органов власти и т.п.) несет в себе и риски в обеспечении национальной безопасности государства, которые порой трудно предсказать, а следовательно, компетентные органы власти не всегда могут принять заблаговременно решения направленные на их противодействия и минимизацию. Влияние сетевых сообществ и иных информационных площадок в сети

интернет ежедневно возрастает [18, с. 28]. «Политика виртуализируется и становится неуловимой, что задаёт новые параметры для легитимации политической власти» [12, с. 144].

Предлагаемые коэффициенты измерения уровня государственного суверенитета в условиях цифровизации политических процессов в современном мире позволяют ранжировать государства с учетом соотношения их с выделенной типологизацией – центром, периферией и полупериферией.

Среди коэффициентов – политический суверенитет; экономический суверенитет; культурный суверенитет; технологический суверенитет.

Политический суверенитет определяется самостоятельностью в принятии политических решений всеми федеральными, региональными и местными органами власти, политической волей главы государства, наличием федерального законодательства, регулирующего взаимодействие между всем участниками общественно-политического процесса, развитостью сетевых и цифровых технологий и платформ для коммуникаций как внутри сложившейся государственной системы, так и между властью с обществом. При этом нельзя идеализировать потенциал информатизации, так как «виртуальные и проецируемые реальности предоставляют возможности для возникновения новых форм цифровой политической активности, в том числе и нелегитимных, что в перспективе может поставить под сомнение обеспечение цифрового суверенитета государства и нести угрозу его информационной безопасности [16, с. 47].

Экономический суверенитет преимущественно определяется наличием у государства независимой платежной системы (Visa, MasterCard, Western Union, Золотая Корона, Юнистрим и др.), собственной валюты и в какой степени она устанавливает контроль над цифровыми валютами, защита авторских прав, а также свободой в межбанковском взаимодействии как внутри страны, так и за ее пределами.

Культурный суверенитет включает образование, искусство и религию. Количественные индикаторы проецируются и на качество. Среди них можно выделить количество детских садов, школ, колледжей, высших учебных заведений, лиц с высшим образованием (специалист, бакалавр, магистр), кандидат либо доктор наук, наличие двух, трех и более высших образований на 100 000 населения. Наличие театров, музеев, художественных школ, специализированных учебных заведений на 100 000 населения, а также посещение виртуальных страниц музеев и театров в сети Интернет. Наличие культовых сооружений, духовных семинарий и иных религиозных образовательных организаций в соотношении на 100 000 населения, посещение виртуальных страниц храмов в сети интернет. Политический режим оказывает влияние на степень свободы личности, следовательно, культурный суверенитет будет различаться среди государств современного политического ландшафта.

Содержание технологического суверенитета заключается в наличии инновационных современных технологий в области программного обеспечения, оборудования, средств связи, спутников, собственного производства основных видов транспорта (автомобилей, поездов, самолетов пр.) и эффективных видов вооружений, возможности по защите информации в сети интернет и т.д.

Г.И. Авцинова и А.В. Толочко обозначили контуры современного политического развития, в котором отсутствует межгосударственный консенсус «по поводу совокупности единых механизмов и площадок регулирования и контроля, концепций осуществления планирования и программирования, платежных систем, финансовых потоков и т.д. в направлении обеспечения стабильности мирового политического порядка. В качестве вполне разумного политического следствия наблюдается поиск со стороны политических лидеров большинства современных государств вариантов, с одной стороны, стабилизации собственных внешнеполитических позиций, с другой стороны, акцентуации «рабочих» практик совместного стабилизирующего принятия политических решений на высшем уровне» [2, с. 188]. В мире формируется «новая, реальная многополярность, требующая от государств выстраивания системы постоянного мониторинга предполагаемых и возможных в сегодняшних условиях таких опасных явлений, как риски, вызовы и угрозы, которые направлены на ущемление государственного суверенитета, создания современной системы эффективных гарантий государственного суверенитета при неременном учете прав и свобод человека и гражданина» [24, с. 27].

Проведя анализ отдельно взятой страны по предложенным критериям и оценивания степени государственного суверенитета в условиях глобализации, сетевизации и цифровизации можно ее соотнести к одной из трех выделенных групп: центр, полупериферия и периферия. Это позволит провести комплексный анализ государства с учетом потенциальных ресурсных возможностей и рисков при взаимодействии с многообразными акторам современного общественно-политического ландшафта, а также дать рекомендации по поддержанию и сохранению политической системы лицам, находящимся на уровне принятия стратегических решений в условиях современной политической турбулентности.

Литература

1. Авцинова Г.И. Государственная политика цифровизации в современной России: понятие, концепции, тренды развития // PolitBook. 2022. №2. С. 101-113.
2. Авцинова Г.И., Толочко А.В. Политическая стабильность в современном мире: динамизм, многомерность, специфика // PolitBook. 2022. №3. С. 181-194.

3. Акимова Ю.В. Государственный суверенитет: история идей и современности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №11-3(74). С. 10-13.

4. Белова С.Н., Строгович Ю.Н. Патриотизм – необходимый элемент защиты государственного суверенитета России // Образование и право. 2022. №9. С. 11-17.

5. Боден Ж. Метод легкого чтения историй. Об устройстве государств. В 3 т. Т. 2. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 560 с.

6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем. Москва: Едиториал УРСС, 2022. 525 с.

7. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. Москва: Ленанд, 2018. 304 с.

8. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. Москва: Едиториал УРСС, 2022. 304 с.

9. Валлерстайн И. После либерализма. Москва: Ленанд, 2018. 264 с.

10. Гришин О.Е., Глебов В.А. Российская государственность: некоторые современные политологические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9. №4. С. 351-359.

11. Гришин О.Е., Чистов И.С., Колпаков М.В. Политика – XXI век: новый взгляд на проблемы войны и мира // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. №4(166). С. 52-61.

12. Епремян М.А. Легитимность и легитимация: теоретические основания // PolitBook. 2022. №4. С. 135-148.

13. Жулева М.С., Конев Ю.М. Концепция государственного суверенитета в условиях трансформации современного мирового порядка // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2022. Т. 15. №3. С. 35-49.

14. Златанов Б.Г. Политическая элита: теоретическое измерение // PolitBook. 2022. №3. С.159-168.

15. Ковалёв В.С. Государственный суверенитет в международном и интеграционном измерениях // Право и управление. XXI век. 2021. Т. 17. №1(58). С. 13-25.

16. Крымова К.М. Влияние цифровых платформ на политический процесс // PolitBook. 2022. №2. С. 35-53.

17. Липкина Н.Н. Определение параметров реализации принципа государственного суверенитета в киберпространстве в контексте принципа свободы усмотрения // Бизнес. Образование. Право. 2021. №4(57). С. 232-235.

18. Медовкина Л.Ю., Сухобоченков Е.С. «Мягкая сила» как мегатренд современных международных отношений // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2018. №4. С. 25-30.

19. Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // *Общественные науки и современность. Международное право и современных исследованиях.* 2010. №1. С. 64-78.

20. Никитина В.С., Чудаева Е.А. Теория суверенитета Жана Бодена // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право.* 2019. №1(22). 2019. С. 129-133.

21. *Очерки по философии марксизма.* Москва: Едиториал УРСС, 2020. 334 с.

22. Плавинский В.Б., Верниченко М.А. Теоретические аспекты легитимации власти в незападных политико-культурных и страновых условиях // *PolitBook.* 2022. №4. С. 149-166.

23. Попович Д.Е., Тарасенко Н.Г. Развитие государственного суверенитета в Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2020. №6-3(45). С. 159-162.

24. Смирнов С.В. Направления совершенствования концепции государственного суверенитета в условиях «реальной многополярности» // *Вестник Института права Башкирского государственного университета.* 2021. №3(11). С. 22-31.

25. Сухобоченков Е.С. Государственный суверенитет в контексте концепций славянофильства и западничества // *PolitBook.* 2022. №4. С. 122-134.

26. Терборн Й. *От марксизма к постмарксизму?* Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

27. Ян Г. *Апология Маркса. Новое прочтение Марксизма.* Москва: Шанс, 2019. 296 с.

References

1. Avtsinova G.I. Gosudarstvennaya politika tsifrovizatsii v sovremennoi Rossii: ponyatie, kontseptsii, trendy razvitiya // *PolitBook.* 2022. №2. S. 101-113.

2. Avtsinova G.I., Tolochko A.V. Politicheskaya stabil'nost' v sovremennom mire: dinamizm, mnogomernost', spetsifika // *PolitBook.* 2022. №3. S. 181-194.

3. Akimova Yu.V. Gosudarstvennyi suverenitet: istoriya idei i sovremenosti // *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh na-uk.* 2022. №11-3(74). S. 10-13.

4. Belova S.N., Strogovich Yu.N. Patriotizm – neobkhodimiy element zashchity gosudarstvennogo suvereniteta Rossii // *Obrazovanie i pravo.* 2022. №9. S. 11-17.

5. Boden Zh. Metod legkogo chteniya istorii. Ob ustroistve gosudarstv. V 3 t. T. 2. Moskva: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2021. 560 s.
6. Vallerstain I. Analiz mirovykh sistem. Moskva: Editorial URSS, 2022. 525 s.
7. Vallerstain I. Istoricheskii kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya. Moskva: Lenand, 2018. 304 s.
8. Vallerstain I. Mirosistemnyi analiz. Vvedenie. Moskva: Editorial URSS, 2022. 304 s.
9. Vallerstain I. Posle liberalizma. Moskva: Lenand, 2018. 264 s.
10. Grishin O.E., Glebov V.A. Rossiiskaya gosudarstvennost': nekotorye sovremennye politologicheskie podkhody // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. 2022. T. 9. №4. S. 351-359.
11. Grishin O.E., Chistov I.S., Kolpakov M.V. Politika – XXI vek: novyi vzglyad na problemy voyny i mira // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2022. №4(166). S. 52-61.
12. Epremyan M.A. Legitimnost' i legitimatsiya: teoreticheskie osnovaniya // PolitBook. 2022. №4. S. 135-148.
13. Zhuleva M.S., Konev Yu.M. Kontseptsiya gosudarstvennogo suvereniteta v usloviyakh transformatsii sovremennogo mirovogo poryadka // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika. 2022. T. 15. №3. S. 35-49.
14. Zlatanov B.G. Politicheskaya elita: teoreticheskoe izmerenie // Polit-Book. 2022. №3. S.159-168.
15. Kovalev V.S. Gosudarstvennyi suverenitet v mezhdunarodnom i integratsionnom izmereniyakh // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2021. T. 17. №1(58). S. 13-25.
16. Krymova K.M. Vliyanie tsifrovyykh platform na politicheskii protsess // PolitBook. 2022. №2. S. 35-53.
17. Lipkina N.N. Opredelenie parametrov realizatsii printsipa gosudarstvennogo suvereniteta v kiberprostranstve v kontekste printsipa svobody usmotreniya // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2021. №4(57). S. 232-235.
18. Medovkina L.Yu., Sukhobochev E.S. «Myagkaya sila» kak megatrend sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii // Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki. 2018. №4. S. 25-30.

19. Musikhin G.I. Klassifikatsiya teorii suvereniteta kak popytka preodoleniya «kontseptual'nogo egoizma» // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. Mezhdunarodnoe pravo i sovremennykh issledovaniyakh. 2010. №1. S. 64-78.

20. Nikitina V.S., Chudaeva E.A. Teoriya suvereniteta Zhana Bodena // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo. 2019. №1(22). 2019. S. 129-133.

21. Ocherki po filosofii marksizma. Moskva: Editorial URSS, 2020. 334 s.

22. Plavinskii V.B., Vernichenko M.A. Teoreticheskie aspekty legitimatsii vlasti v nezapadnykh politiko-kul'turnykh i stranovykh usloviyakh // PolitBook. 2022. №4. S. 149-166.

23. Popovich D.E., Tarasenko N.G. Razvitie gosudarstvennogo suvereniteta v Rossiiskoi Federatsii // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2020. №6-3(45). S. 159-162.

24. Smirnov S.V. Napravleniya sovershenstvovaniya kontseptsii gosudarstvennogo suvereniteta v usloviyakh «real'noi mnogopolyarnosti» // Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. №3(11). S. 22-31.

25. Sukhobochev E.S. Gosudarstvennyi suverenitet v kontekste kontseptsii slavyanofil'stva i zapadnichestva // PolitBook. 2022. №4. S. 122-134.

26. Terborn I. Ot marksizma k postmarksizmu? Moskva: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2021. 256 s.

27. Yan G. Apologiya Marksa. Novoe prochtenie Marksizma. Moskva: Shans, 2019. 296 s.

**Е.П. Казбан,
М.А. Верниченко,
А.В. Кирка**

**E. Kazban,
M. Vernichenko,
A. Kirka**

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ КАК
ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА
СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ
ПРОЦЕССОВ**

**GEOPOLITICAL MODELS
AS TOOLS FOR
ANALYZING MODERN
WORLD PROCESSES**

Аннотация

Статья посвящена анализу геополитической структуры мира на основе моделей, как концептуальных матриц, сценариев мирового развития. Моделирование рассматривается как метод научного познания, который применяется разными геополитическими школами для концептуализации научного знания и одновременно создания продукта для нужд политической практики. В работе акцентируется внимание на анализе однополярной и многополярной моделях как актуальных сценариях развития геополитических процессов. Однополярная модель рассматривается как стратегия, которую разрабатывали «мозговые центры» США в послевоенный период. Анализируются политические шаги, которые предпринимало американское государство на международной арене, чтобы реализовать концепцию однополярного мира в системе международных отношений. Политика, проводимая США в экономической, военно-стратегической и культурно-идеологической областях, способствовала выстраиванию системы доминирования, которой никто не смог противостоять после распада СССР. Модель однополярного мира, во главе которого могла бы стоять организация, осуществляющая управление всеми процессами в мировом масштабе, анализируется через призму глобализации, которая раскрывается как движение к планетарной интеграции. Вместе с тем акцентируется внимание на том, что главным, препятствием реализации наднациональной модели глобального

Abstract

The article is devoted to the analysis of the geopolitical structure of the world based on models, as conceptual matrices, scenarios of world development. Modeling is considered as a method of scientific cognition, which is used by various geopolitical schools to conceptualize scientific knowledge and at the same time create a product for the needs of political practice. The paper focuses on the analysis of unipolar and multipolar models as actual scenarios for the development of geopolitical processes. The unipolar model is considered as a strategy developed by the "think tanks" of the United States in the post-war period. The article analyzes the political steps taken by the American state in the international arena to implement the concept of a unipolar world in the system of international relations. The policy pursued by the United States in the economic, military-strategic and cultural-ideological fields contributed to building a system of dominance that no one could resist after the collapse of the USSR. The model of a unipolar world, headed by an organization that manages all processes on a global scale, is analyzed through the prism of globalization, which is revealed as a movement towards planetary integration. At the same time, attention is focused on the fact that the main obstacle to the implementation of the supranational model of global governance in the interests of transnational elites is the idea of national sovereignty. The multipolar model is presented as the most controversial because there is no consensus in the scientific and expert

управления в интересах транснациональных элит является идея национального суверенитета.

Многополярная модель представляется как наиболее дискуссионная потому, что в описании содержательной стороны самой модели нет единодушия в научном и экспертном сообществе, разнятся методологические подходы, которые используются как основа анализа. Многополюсная модель устройства мира анализируется как один из возможных сценариев мироустройства. На основе использования моделей, как описательных схем предпринят анализ расстановки политических сил на мировой арене во второй половине XX - начале XXI века.

Ключевые слова:

геополитические эпохи, геополитическая структуру, геополитические модели, модель однополюсного мира.

community in describing the content side of the model itself, methodological approaches that are used as the basis of analysis differ. The multipolar model of the world structure is analyzed as one of the possible scenarios of the world order. Based on the use of models as descriptive schemes, an analysis of the alignment of political forces on the world stage in the second half of the XX - early XXI century is undertaken.

Key words:

geopolitical epochs, geopolitical models, civilizational multipolar model, world order.

Современный мир характеризуется обострением крупномасштабных противоречий. Идет формирование новой конфигурации мироустройства, новой картины геополитической и геоэкономической картины мира. Глобальные сдвиги, происходящие во всех сферах жизни современного общества, свидетелями которых мы являемся, дают материал для анализа и предоставляют возможность, используя методологический арсенал науки в рамках заявленной темы, проследить тенденции развития мировых геополитических процессов и выявить исторические перспективы дальнейшего существования всего человечества.

Трансформационные процессы развиваются во времени, и последние годы дают основание констатировать, что скорость изменений увеличивается, сокращаются временные промежутки между событиями, которые, оказывают влияние на глобальный мир, а некоторые из них накладываются друг на друга.

На течение геополитических процессов, связанных с пространственной расстановкой политических сил, воздействует все больше факторов, которые необходимо учитывать, в том числе, этнорелигиозные, культурно-цивилизационные, технологические. Растет число субъектов, позиция или действия которых способны в определенной степени повлиять на расстановку сил на международной арене и качнуть маятник баланса сил в какую-либо сторону.

Скорость развития процессов, с одной стороны, и усложняющаяся структура отношений, взаимосвязанность и взаимообусловленность всех

элементов данной мировой системы, с другой стороны, диктует необходимость анализа динамики геополитической структуры мира, альтернативных концептуальных моделей, схем и сценариев мирового развития.

Геополитика определяет геополитические эпохи, как периоды с устойчивой расстановкой политических сил, характеризующиеся определенным содержанием геополитических процессов, действием акторов и центров силы в рамках данного периода. Как правило, в научной литературе выделяют следующие эпохи: Вестфальская система (1648-1814), Венская система (1815-1917), Версальская система (1918-1944), Потсдамская система (1945-1990), Беловежская система (1991-2010), Постбеловежская (2010- по наст. время) [9].

Геополитические эпохи характеризуются стабильностью и балансом соотношения сил. Эти более или менее продолжительные периоды мировой истории сменяются периодами нестабильности, противоборств, появлением новых центров силы и, в итоге, изменениями в конфигурации глобального баланса сил, началом новой геополитической эпохи.

Каждой геополитической эпохе соответствует определенная расстановка политических сил, которую можно обозначить как структура или определенный миропорядок. В научной литературе геополитическую структуру мира определяют как систему пространственно-силовых отношений геополитических субъектов, складывающихся в процессе геополитического противоборства и спроецированного на политическую карту мира [16]. Геополитическая структура может быть описана с помощью моделей как замены изучаемого предмета, явления на его аналог, воспроизводящий существенные черты оригинала. Моделирование как общенаучный метод познания широко применяется в геополитике.

Приемы моделирования в геополитике стали использоваться еще в ее классический период. Например, интеллектуальные карты – геополитические топики Х. Маккиндера можно рассматривать как модели геополитических процессов. Это графическое, пространственное изображение идеи и соотношения идей между собой. В них прослеживается пространственная логика исторического процесса. Х. Маккиндер предлагал свое видение «пространственного смысла» в конкретной модели [4].

К числу геополитиков, которые использовали моделирование в качестве инструмента описания соотношения сил и прогнозирования геополитических процессов, относится и К. Хаусхофер. Он предложил концептуальную модель на основе анализа политической организации и экономического развития территорий и стран. Его модель геополитической структуры в виде пан-регионов основывалась на определенной расстановке и балансе сил, разделе сфер влияния.

Наиболее проработанные полюсные модели мира предложил в 60-е гг. XX в. американский геополитик М. Каплан. В своей монографии «Систе-

ма и процесс в международной политике» он обосновал шесть моделей. Типология международной системы, основывалась на двух главных критериях: количестве акторов и силовой конфигурации.

Им были выделены: 1) модель «баланса сил», 2) модель гибкой биполярной системы, 3) модель жесткой биполярной системы, 4) модель универсальной системы, 5) модель иерархической системы, 6) модель системы единичного вето или, «точнее, речь идет о шести состояниях равновесия одной сверхстабильной международной системы. При этом ученый подчеркнул, что обсуждаемые международные системы являются эвристическими моделями [10].

Моделирование используется довольно широко для решения разных научных задач и в современной Геополитике. Современные ученые применяют различные уровни сложности моделирования геополитических процессов и используют этот метод, как для глобального уровня анализа, так и для регионального. Если на глобальном уровне моделирование используется для концептуализации тенденций развития и решает задачи анализа расстановки политических сил, то на региональном уровне исследований стоят совсем другие задачи. Широко применяемая теория глокализации, в рамках которой локальные пространства анализируются в контексте глобальных процессов и усиливают важность концепций, которые объединяют факторы пространственной динамики [15].

Критерий сложности проводимых исследований на региональном уровне позволяет выделить три структурных уровня с привлечением разнообразного инструментария.

Первый уровень можно охарактеризовать как историко-описательный. Это геополитическое моделирование, основанное на качественном анализе международных и региональных геополитических ситуаций, как пример ситуационный анализ. Это простое геополитическое моделирование.

На втором уровне преобладают формализованные, точные методы познания, предполагающие составление карт-схем, диаграмм, таблиц, выстраивание определенной архитектуры конкретных сегментов геополитического пространства, возрастает степень точности анализа.

Третий уровень называют квантификационным так как он связан с математическим моделированием. Применение точных методов, связанных с представлением факторов в числовой форме имеет ограниченные возможности, в этом и проявляется недостаток их использования [19].

Геополитические процессы развиваются во времени, и поэтому представляется важным сконцентрировать внимание на описательных моделях, с помощью которых можно проследить продолжительные тенденции мирового развития. Сегодня для анализа процессов и описания современной геополитической структуры мира используют следующие прогнозные моде-

ли мироустройства: модель однополюсного мира, во главе которого стоит одна мировая держава; модель однополюсного мира, при которой роль мирового арбитра выполняет всемирная организация; цивилизационная многополюсная модель мироустройства; региональная многополюсная геополитическая модель мироустройства [7].

Описание содержательной стороны развития геополитических процессов с опорой на анализ данных концептуальных моделей позволит дать более объективное представление о событиях второй половины XX века и осуществить попытку прогноза ведущих тенденций мирового развития начала XXI века. Вместе с тем обращает на себя внимание что модели, заявленные выше, как основа для проведения исследования, являются весьма общими, не описывающими всех сложных и разноуровневых процессов развития. В данной работе они будут рассматриваться как некая канва, общие рамки, в поле которых, возможны различные интерпретации и в плане научного конструирования, и в плане политической реализации.

Модель однополярного мира предполагает такую расстановку политических сил, при которой один «центр силы» способен диктовать свои условия и поддерживать данный порядок [1]. Идея однополярного мира разрабатывалась сразу после Второй мировой войны. В этой связи надо вспомнить концепцию формирования политики *Rex Americana*. Эта идея, строительства «мира по-американски», разрабатывалась в различных «мозговых центрах» США, и в основе концептуального видения, в разные периоды времени чередовались либеральные и консервативные подходы. В разработанной американским ученым М. Капланом в 60-е гг. XX века гипотетических моделях мироустройства иерархическая система несет черты однополярной модели. Она имеет следующее строение: на вершине пирамиды находится самая мощная в военном и экономическом плане страна, например, США. Следующую ступень занимают несколько мощных стран, которые могут быть центрами силы, например, постоянные члены Совета Безопасности ООН. Третью позицию занимают другие развитые страны, например Япония, Германия, Канада, Австралия и другие. И, наконец, основание пирамиды занимают среднеразвитые страны, находящиеся на разных континентах.

На практике эта концепция реализуется после победы Соединенных Штатов Америки, в холодной войне. Лидирующее положение США де-факто закрепилось после демонтажа Советского Союза и прекращения существования социалистической системы. Весной 1991 года был законодательно оформлен роспуск Организации Варшавского договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), а в декабре того же года были подписаны Беловежские соглашения. В основе внешней политики США начинает просматриваться линия на пересмотр Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.

Механизмы и инструментарию для реализации лидирующих позиций США создавались задолго до крушения биполярного мира. Опираясь на них, США, укрепили свои лидирующие позиции в мире, как в сфере экономики, так и в военно-политической области, и осуществляли диктат своих интересов.

Прежде всего, надо говорить о финансовых механизмах, позволивших США контролировать всю мировую экономику. Так называемая Бреттон-Вудской система была принята международным сообществом в 1944 году и предусматривала, что доллар будет жестко приравнен к золоту, а все остальные валюты будут фиксировать курсы к доллару, и не будут иметь права обмена на золото, кроме фунта стерлинга. Таким образом, доллар превращался в единственную мировую резервную валюту, которая использовалась в мировых торговых расчетах. Несмотря на то, что в 1971 году президент США Ричард Никсон официально отменил золотое обеспечение доллара, эта система продолжила свое существование и создала возможность неограниченной денежной эмиссии. Федеральная резервная система (ФРС) США могла официально принимать решения о необходимом количестве денежных единиц, которые надо напечатать, при условии, что их обеспечение не рассматривалось как обязательное. Таким образом, доллар приобретает самостоятельную стоимость и несмотря на то, что эта система не была идеальной и содержала внутренние противоречия, она возвела эту денежную единицу на вершину мировых финансов и позволила Соединенным Штатам Америки определять правила игры и управлять мировыми финансовыми потоками. Для решения этих вопросов были учреждены Международный валютный фонд (1947), Всемирный банк (1946) и ГАТТ – Генеральное соглашение по тарифам и торговле (1947), позднее преобразившееся во ВТО – Всемирную торговую организацию (1995). Эти институты США используют для глобального доминирования в мировой системе хозяйства [8].

Другой важной составляющей мирового лидерства США является опора на силу в решение международных вопросов, навязывание собственных стандартов в политическом и юридическом устройстве мира. За послевоенный период США превратились в крупнейшую военную державу. Военный бюджет страны приблизится в этом году к цифре в 858 млрд долларов [13]. Второй значимый фактор, обеспечивающий военное превосходство США – это военное присутствие во всех уголках мира. США имеют порядка 750 баз как минимум в 80 странах мира. Кроме того, еще 173 тысячи военнослужащих, которые дислоцированы в 159 государствах [11].

Военная сила позволяет реализовывать интересы США во всех регионах мира не находя отпора, не считаясь с мировым сообществом и интересами других участников международных отношений. Войны, которые были развязаны в Ираке, Югославии, Сирии, Афганистане, расширение НАТО

на восток можно рассматривать как продвижение интересов США с опорой на силовые методы решения задач.

В реализации политики мировой гегемонии США опираются на поддержку и союзнические обязательства ряда стран, и прежде всего, Западной Европы, Великобритании, Японии и других. В практической реализации этой системы отношений просматриваются проекты американских геополитиков, в частности, известная идея А. Мэхэна и Н. Спикмэна об окончательной победе над сухопутными державами, которые должны быть целиком подконтрольными. Инструментами реализации этого сценария являлась «тактика анаконды», как политики блокирования развития и теория «серединного океана», как связующего звена между европейским и американским берегами Атлантического океана, которые являются ареалом наиболее развитой в технологическом и экономическом смыслах западной цивилизации. Безусловно, А.Мэхэна и Н. Спикмэна можно назвать «отцами атлантизма» и «идейными вдохновителями НАТО» [6].

Реализация политики гегемонизма невозможна без продвижения ценностных идеалов, привлекательных и актуальных для многих людей во всех уголках мира. Политическое образование, стремящееся к позиции лидера, должно быть носителем идей, которые для своего времени будут прогрессивными и за которыми пойдут миллионы людей. Такими привлекательными ориентирами развития, которые стали своеобразной идеологией западного общества, стали «свобода» и «демократия». Эти идеи продвигались не только с опорой на «мягкую силу» - эвфемизм вмешательства во внутренние дела с помощью различных агентов и методов оказания влияния на правительства, законодателей, бизнес, через неправительственные организации, но и с помощью культуры как инструмента влияния. Проводниками американских ценностей являются кинематограф как фабрика грез, образ жизни, основанный на принципах «равных возможностей», массовая культура, которая развивалась параллельно с формированием потребительского общества, и, конечно, мода в самом широком смысле слова.

В этой связи актуальным представляется мнение известного американского политического консультанта З. Бжезинского. Он считал, что в новых условиях задача США это не закрепление господствующего положения страны на международной арене, а удержание американского лидерства через «постепенную и контролируруемую передачу власти, способную привести к становлению все более формализованного глобального сообщества, сплоченного общими интересами» [2].

Период становления новой структуры мирового порядка с преобладанием роли США совпал с процессами, идущими параллельно, и в определенной степени обеспечившими приоритет великой державы в мире. Человечество вступило в новую технологическую фазу развития, которую принято называть четвертой технологической революцией, связанной с изме-

нениями в структуре производства, появлением новых цифровых технологий и глобализацией процессов. В этой связи было бы правомерно рассмотреть еще одну концептуальную модель мироустройства.

Модель однополярного мира, во главе которого могла бы стоять организация, осуществляющая управление всеми процессами в мировом масштабе, возможно, через региональные институты или государственные структуры в том числе, разрабатывалась давно. Как отмечают авторы отечественного исследования ИМЭМО РАН «Глобальное управление: возможности и риски», современный мир выходит на новый уровень планетарного развития и, несмотря на всю противоречивость процесс глобализации, характеризуется признаками формирования качества целостности человеческой цивилизации [3]. Концепция мондиализма в самом широком смысле рассматривает развитие мировой цивилизации как движение к планетарной интеграции, переход к унифицированному миру.

Теоретические идеи, лежащие в основе современной практики глобального управления, имеют в основном западное происхождение. Надо отметить, что первые разработки относятся еще к послевоенному периоду. Среди сторонников и разработчиков этой идеи в разные времена были: британский интеллектуал и философ Б. Рассел, американский ученый и практик профессор Дж. Баратта, Г. Кларк - один из основателей глобалистики как научной дисциплины, инициатор образовательного процесса в области глобального управления. Американские «Фабрики мысли» разрабатывали концепции, которые носили не только теоретический характер, а были направлены на реализацию идеи. Практическую значимость имели: закрепление в общественном сознании понятия «гражданин мира», которое предполагает определение принадлежности человека к глобальному сообществу и продвижение этой идеологией через образовательные проекты; разработка и продвижение категории «общие ценности» для глобального сообщества, продвижение которой имела долгосрочную перспективу внедрения в массовое сознание. Именно так шла подготовка общественного сознания и внедрение идей, соответствующих концепции нового мирового глобального порядка [17].

К числу основных объектов глобального управления относятся международная безопасность, торговля, валютно-финансовая сфера, Интернет, энергетика, природные ресурсы, транспорт и связь. Актуальны задачи глобального управления в отношении таких природных пространств и объектов, как космос, открытые акватории и глубоководные районы дна Мирового океана, Арктика и Антарктика, климат и атмосфера Земли. В социальных пространствах острыми глобальными вызовами, требующими адекватной реакции мирового сообщества, являются проблемы, связанные с демографией, бедностью, миграцией, состоянием здравоохранения [3].

Процесс глобализации как объективный процесс развития человеческой цивилизации может использоваться узкими элитарными группами в своих целях. Актуализация разработки моделей глобального управления начинается с запуска глобалистских проектов. В реализации своих интересов транснациональные элиты, как акторы политических процессов используют на мировой арене различные инструменты воздействия, не ограничиваясь государственными институтами, прежде всего развитых Западных стран. Для реализации своих экономических интересов они прибегают к помощи международных и неправительственных организаций, специализированных институтов, созданных для этих целей.

Современные процессы глобализации расширяют влияние транснациональных корпораций (ТНК), укрепляют их экономическую власть в мире и ведут к трансформации традиционных культурных и духовных ценностей государств посредством массовой культуры. Глобализация представляется субпроцессом, одним из результатов которого является эрозия доктрины национального суверенитета. Именно так глобализация среди прочего способствует учреждению наднациональной управленческой структуры в мировом масштабе [3]. США, ведущие члены ЕС и в целом страны ОЭСР, выступавшие в роли лидеров глобализации и формирования нового мироустройства после окончания «холодной войны», с 1980-х гг. формировали основную повестку обсуждения проблематики глобального управления в международных организациях. Естественно, что они стремились выстроить систему принципов и институтов международного регулирования, основанных на присущих им ценностях. Главным препятствием реализации наднациональной модели глобального управления является идея национального суверенитета.

Сейчас одним из самых известных разработчиков и пропагандистов идей революционной перестройки всего мирового порядка является немецкий экономист, основатель и бессменный председатель Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе, стратегических встреч самых богатых и влиятельных людей планеты, К.М. Шваб. Летом 2020 года вышла его в соавторстве с французским экономистом Т. Маллере книга «COVID-19: Великая перезагрузка», как манифест о некоей перестройке всего привычного мироустройства.

Основные идеи концепции сводятся к тому, что новый мир - мир посткапитализма, в котором не будет собственности, и который организован на основе мобильного Интернета, миниатюрных производственных устройств, искусственного интеллекта и обучающихся машин, будет управляться группой «ответственных и мудрых» правителей, а люди превратятся в некий биологический материал [20]. Эту концепцию поздней глобализации можно рассматривать как модель унификации и полного контроля над человечеством, небольшой очень узкой элитарной группы.

Перспективы реализации данного проекта и, вообще, определенного варианта модели однополярного мира, во главе которого мог бы стоять один центр силы и принятия решений, является возможным, наряду с другими конкурирующими вариантами развития мировых политических процессов. Представляется, что основным содержанием геополитических процессов на глобальном уровне как раз и есть борьба за реализацию определенной модели развития. Ведущим актором мировых геополитических процессов остаются транснациональные элиты, представляющие, прежде всего финансовый капитал. Их экономическое и политическое могущество остается значительным. Можно ли поставить знак равенства между государством США и международным глобалистским капиталом? Безусловно, что ответ не может быть прямолинейно однозначным. Политическая власть в Соединённых Штатах Америки долгие годы контролировали транснациональные элиты, и государство осуществляло политику в основе, которой лежали, прежде всего, интересы глобальных элит, и финансового капитала. Система, которая успешно могла поддерживать управляемость мирового порядка исходя из интересов так называемого «золотого миллиарда» начинает давать сбой.

Вот как причины развала «американского мира», определял Р. Хаас: неадекватную и волюнтаристскую внешнюю политику США; заметное увеличение значимости энергопроизводящих стран на мировой арене; удар по экономическому благосостоянию страны в связи с войнами в Ираке и Афганистане; стремительную транснационализацию международных отношений с углублением влияния негосударственных акторов [1].

В течение последних тридцати лет после крушения биполярного мира наметились и оформились новые тенденции развития, которые связаны с появлением новых центров силы и новых проектов мироустройства. Например, Китай и Индия стремятся играть более значимую роль в рамках существующего порядка, а Россия стремится восстановить свое положение на международной арене, в соответствии с потенциалом страны. В связи с вышеизложенным представляется актуальным провести анализ других моделей геополитического мироустройства.

Наиболее привлекательной с точки зрения исследователей является многополярная модель потому, что через призму этой концепции ученые стремятся объяснить неоднозначные процессы трансформации мирового порядка.

В самом общем виде многополярная модель описывает систему, в которой каждый актор имеет целью собственной усиление и противодействие любому усилению других акторов. Это ведет к созданию недолговременных коалиций и частых, не жестоких войн, имеющих целью «поставить на место» усиливающегося соперника и будущего возможного партнера по оче-

редной коалиции и не ставящих цели полного уничтожения этого соперника. После достижения цели такая коалиция немедленно распадается [10].

Одним из первых концепцию многополярности предложил Евгений Примаков. Будучи министром иностранных дел, он рассматривал эту модель как основу развития современной международной жизни [18].

Модель многополярного мира представляется так же наиболее дискуссионной потому, что в описании содержательной стороны самой модели нет единодушия в научном и экспертном сообществе, разнятся методологические подходы, которые используются как основа анализа. Все это делает невозможным создание единой общепринятой и достаточно проработанной теории многополярного мира. В разработке концепции многополярности выделяют несколько подходов, которые зачастую различаются [21].

Одной из самых проработанных является концепции цивилизационной многополярности. Одним из самых известных разработчиков был американский ученый С. Хантингтон. Свою теорию он излагает в программной статье «Столкновение цивилизаций» 1993 г., которая появилась как резюме большого геополитического проекта «Изменения в глобальной безопасности и американские национальные интересы». Хантингтон строит ее как ответ на тезис Ф. Фукуямы о «конце истории», под которым понимается окончательная победа западного проекта и торжество рыночной экономики, либерально-демократических ценностей. С. Хантингтон сделал прогноз, что главными акторами международной политики будут цивилизации, которые отличаются главным образом ценностными ориентирами. Мир становится более тесным и взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается, поэтому растёт цивилизационное самосознание, глубоко осознаются различия между цивилизациями. С. Хантингтон выделил следующие цивилизации: западная, исламская, православная, китайская, индийская, японская, латиноамериканская. При стремлении западного мира к расширению своего влияния главным содержанием геополитических процессов он прогнозирует межцивилизационные столкновения.

В отечественной науке роль цивилизационного фактора как ведущего в развитии трансформационных процессов рассматривается рядом ученых.

А. Дугин в контексте данной парадигмы, предлагает рассматривать мировые цивилизации в качестве полюсов многополярного мира [5]. Наиболее разработанными темами в концепции цивилизационной многополярности отечественными учеными являются вопросы о евразийской, российской цивилизации, как полюсе многополярного мироустройства и содержательная сторона понятия «российская цивилизация» [21].

Модели многополярного мира, в основе которых лежит территориальный принцип, тоже имеют место. Одним из разработчиков региональной многополюсной геополитической модели мироустройства является американский дипломат Г. Киссинджер. По его мнению, определять состояние

системы международных отношений будут шесть крупнейших участников - США, Китай, Европа, Япония, Россия и Индия. В предлагаемой модели развития Г. Киссинджер выделяет три центра влияния: Китай, Россия, Индия, которые будут независимыми от Запада, но США, тем не менее, будет принадлежать определяющая роль в глобальном миропорядке [12].

Многообразие методологических оснований (реализм, неореализм, цивилизационный подход, региональный подход, либерализм, конструктивизм) исследования многополярности позволяет выявить в каждом из подходов рациональные зерна. В частности:

1. Многополярность формируется как отражение объективной реальности развития. Растёт потенциала в экономической, военной сфере западных стран. На этом фоне происходит ослабление позиций США как мирового лидера.

2. Многополярность рассматривается как свойство международной системы, которое влияет на политическую линию государств.

3. Цивилизационная многополярность определяет цивилизации как акторов и центры силы в геополитических процессах.

4. Процессы регионализации приводят к созданию центров с высоким потенциалом развития, вокруг которых создаются целые системы с преобладание центростремительного потенциала на фоне ослабления влияния США.

5. Многополярность рассматривается как угроза стабильности и безопасности в мире.

6. Многополярность – это дискурс, внешнеполитический проект, государств, и в первую очередь России [21].

Дискуссионность вопросов реализации многополярной модели мироустройства в любом варианте развития подтверждается политической действительностью со всеми противоречиями и недостатками.

Некоторые ученые подвергают сомнению саму систему многополярности. Она рассматривается как интеллектуальная и политическая реакция на проведение политики строительства однополярного мира. Многополярность предлагается заменить на более эффективную систему многосторонности, которая предполагает множество комбинаций самых разнообразных участников мировой политики, взаимодействующих друг с другом в различных форматах [14].

Современная геополитика часто оперирует понятием моделей. Особенно широко используются этот инструмент для описания геополитического устройства мира после Второй мировой войны и прогнозирования тенденций развития в настоящее время. В рамках данной работы геополитические модели рассматривались как предмет обсуждения, дискуссии, инструмент, с помощью которого анализируются тенденции мирового разви-

тия. Данный подход не предполагают необходимость отстаивания или опровержения той или иной точки зрения.

При всем многообразии процессов, которые разворачиваются сегодня в мире на разных уровнях - от локальных до глобальных, на первый план выходят ведущие тенденции, определяющие логику развития и направление движения во всем мире.

Изменение глобального экономического уклада, сопровождающееся ослаблением роли США как ведущей финансово-промышленной страны и стремлением ее сохранить свое положение в условиях растущих противоречий между финансово-глобалистским капиталом и национально ориентированным, ведет к поиску новой модели мироустройства, которая позволила бы сохранить сверхприбыли, главенствующее положение как мирорганизатора и гаранта существующей реальности.

Эти процессы проходят параллельно с подъемом экономической мощи Китая как молодой, набирающей потенциал страны, которая реализовала проект индустриализации и вышла на мировые рынки. Противоречие между США и Китаем сегодня становится ведущим.

В экспертном сообществе присутствует точка зрения, что идет поиск новой эффективной модели миропорядка, которая могла бы сбалансировать интересы всех центров силы современного мира и все же это период нестабильности, разбалансировки всех систем, сопровождающийся противостоянием и борьбой.

Заканчивается одна геополитическая эпоха, а другая еще не наступила. В международном сообществе пока нет понимания на основе, каких принципов и договоренностей будет существовать новая модель миропорядка.

Сложность и неоднозначность процессов обусловлена тем, что в мире кроме двух ведущих экономических держав оформляются еще несколько акторов геополитических процессов, центров силы, которые обозначают свое видение мирового развития и свое положение в новой системе как самостоятельное и суверенное. В этой связи представляется актуальным мнение бывшего министра иностранных дел КНР Ц. Цичэнь: «Мир еще находится в переходной фазе, и новая модель еще не сформировалась полностью, но уже обозначились контуры структуры международных отношений, в которой одна сверхдержава и несколько великих держав находятся в отношениях взаимозависимости и борьбы... это и есть начальный период эволюции системы к многополярности» [14].

Литература

1. Акопов А.К. Политико-исторические концепции мирового порядка в теории международных отношений // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. №4(184) С. 134-141.
2. Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. Москва: Междунар. отношения, 2005. 288 с.
3. Глобальное управление: возможности и риски / Отв. ред. В.Г. Барановский Н.И. Иванова. Москва: ИМЭМО РАН, 2015. 315 с.
4. Дугин А.Г. Х. Макиндр и «географическая ось истории» // Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/h-makinder?ysclid=lf4cfxrmj2393525142> (дата обращения 01.02.2023).
5. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. Москва: Евразийское движение, 2013. 532 с.
6. Дугин А.Г. Англосаксонская геополитика. Истоки (Маккиндер, Спикмен, CFR) / Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/anglosaksonskaya-geopolitika-istoki-makinder-spikmen-cfr?ysclid=lffmr1ehly182751087> (дата обращения 10.02.2023).
7. Жаде З.А. Геополитическая конструкция современного мироустройства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Религиоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. №3. С. 340-348.
8. Запольскис А. Бреттон-Вудская система, или как США захватывали мировое господство // Военное обозрение. 10 июля 2016. URL: <http://rusplt.ru/society/brettonvudskaya-sistema-26958.html> (дата обращения 04.02.2023).
9. Зарбалиев В.З. Системные параметры и эволюция мировых геополитических эпох // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 3. №2. С. 16-26.
10. Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Современная геополитическая система, геопорядок и уравнение безопасности // Черноморско-средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: Материалы Междун. науч.-практич. конф. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 388-390.

11. И кто тут реальная угроза». В Китае посчитали число военных баз США по всему миру / 360.ru. URL: <https://360tv.ru/news/mir/i-kto-tut-realnaja-ugroza/> (дата обращения 04.02.2023).

12. Карпиленя Н.В. Мировой порядок: развитие идей Г. Киссинджера в проекции США, Европы, стержневых государств многоликой Азии, Союзного государства и России // Электронный научный журнал «Архонт». Вып. 3(12). 2019. С. 12-54.

13. Конгресс США согласовал проект оборонного бюджета на рекордные \$858 млрд / РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/12/2022/639003b19a7947007ff5d89c?ysclid=lfefdym6b727122529> (дата обращения 03.02.2023).

14. Кортунув А. Почему мир не становится многополярным. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/?ysclid=lfq2sydp4x583929714> (дата обращения 03.02.2023).

15. Макарычев А.С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. 2003. №3. С. 22-23.

16. Мумладзе Р.Г., Афонин И.Д., Афонин А.И., Смирнов В.А. Политология. Москва: Издательство «Палеотип», 2016. 367 с.

17. Плащинский А.А. Доктрина мирового правительства: историческая ретроспектива, политологический анализ // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. №2. С. 25-42.

18. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. №10. С. 3-13.

19. Рябцев В.Н. Геополитическое пространство современного мира в региональном измерении (опыт морфологического анализа). Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 448 с.

20. Семёнова Т. Великая перезагрузка» Клауса Шваба: кто и зачем пытается получить полный контроль над человечеством // FTimes.ru. URL: <https://ftimes.ru/378225-velikaya-perezagruzka-klausa-shvaba-kto-i-zachem-pytaetsya-poluchit-polnyj-kontrol-nad-chelovechestvom.html?ysclid=lfdzux0fts274845878> (дата обращения 04.02.2023).

21. Солуянов В.С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. №3. С. 424-445.

References

1. Akopov A.K. Politiko-istoricheskie kontseptsii mirovogo poryadka v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2013. №4(184) S. 134-141.
2. Bzhezinskii Zb. Vybor: mirovoe gospodstvo ili global'noe liderstvo. Moskva: Mezhdunar. otnosheniya, 2005. 288 s.
3. Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski / Otv. red. V.G. Baranovskii N.I. Ivanova. Moskva: IMEMO RAN, 2015. 315 s.
4. Dugin A.G. Makindr i «geograficheskaya os' istorii» // Geopolitika.ru. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/h-makinder?ysclid=lf4cfxrmj2393525142> (data obrashcheniya 01.02.2023).
5. Dugin A.G. Teoriya mnogopolyarnogo mira. Moskva: Evraziiskoe dvizhenie, 2013. 532 s.
6. Dugin A. Anglosaksonskaia geopolitika. Istoki (Makkinder, Spikmen, CFR) / Geopolitika.ru. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/anglosaksonskaia-geopolitika-istoki-makinder-spikmen-cfr?ysclid=lfm1ehly182751087> (data obrashcheniya 10.02.2023).
7. Zhade Z.A. Geopoliticheskaya konstruktsiia sovremennogo miroustroistva. Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Religiovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2011. №3. S. 340-348.
8. Zapol'skis A. Bretton-Vudskaya sistema, ili kak SShA zakhvatyvali mirovoe gospodstvo. Voennoe obozrenie. URL: <http://rusplt.ru/society/brettonvudskaya-sistema-26958.html> (data obrashcheniya 04.02.2023).
9. Zarbaliev V.Z. Sistemnye parametry i evolyutsiia mirovykh geopoliticheskikh epokh // Caucasian Science Bridge. 2019. T. 3. №2. C. 16-26.
10. Isaev B.A., Ignat'eva I.F. Sovremennaya geopoliticheskaya sistema, geporyadok i uravnenie bezopasnosti // Chernomorsko-sredizemnomorskii region v kontekste natsional'nykh interesov Rossii: istoriya, politika, kul'tura: Materialy Mezhdun. nauch.-praktich. konf. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2022. S. 388-390.
11. I kto tut real'naya ugroza». V Kitae poschitali chislo voennykh baz SShA po vsemu miru. 360.ru. URL: <https://360tv.ru/news/mir/i-kto-tut-realnaja-ugroza/> (data obrashcheniya 04.02.2023).

12. Karpilenya N.V. Mirovoi poryadok: razvitie idei G. Kissindzhera v proektsii SShA, Evropy, sterzhnevyykh gosudarstv mnogolikoi Azii, Soyuznogo gosudarstva i Rossii // Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Arkhont». Vyp. 3(12). 2019. S. 12-54.

13. Kongress SShA soglasoval proekt oboronno go byudzheta na rekordnye \$858 mlrd // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/12/2022/639003b19a7947007ff5d89c?ysclid=Iffedym6b727122529> (data obrashcheniya 03.02.2023).

14. Kortunov A. Pochemu mir ne stanovitsya mnogopolyarnym. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/?ysclid=lfq2sydp4x583929714> (data obrashcheniya 03.02.2023).

15. Makarychev A.S. Global'noe i lokal'noe: menyayushchayasya rol' gosudarstva v upravlenii prostranstvennym razvitiem // Politicheskaya nauka. 2003. №3. S. 22-23.

16. Mumladze R.G., Afonin I.D., Afonin A.I., Smirnov V.A. Politologiya. Moskva: Izdatel'stvo «Paleotip», 2016. 367 s.

17. Plashchinskii A. A. Doktrina mirovogo pravitel'stva: istoricheskaya retrospektiva, politologicheskii analiz // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2017. T. 18. №2. S. 25-42.

18. Primakov E.M. Mezhdunarodnye otnosheniya nakanune XXI veka: problemy, perspektivy // Mezhdunarodnaya zhizn'. 1996. №10. S. 3-13.

19. Ryabtsev V.N. Geopoliticheskoe prostranstvo sovremennogo mira v regional'nom izmerenii (opyt morfologicheskogo analiza). Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya, 2018. 448 s.

20. Semenova T. Velikaya perezagruzka» Klausya Shvaba: kto i zchem pytaetsya poluchit' polnyi kontrol' nad chelovechestvom // FTimes.ru. URL: <https://ftimes.ru/378225-velikaya-perezagruzka-klausya-shvaba-kto-i-zchem-pytaetsya-poluchit-polnyj-kontrol-nad-chelovechestvom.html?ysclid=lfdzux0fts274845878> (data obrashcheniya 04.02.2023).

21. Soluyanov V.S. Kontseptsiya mnogopolyarnosti: mnogoobrazie podkhodov i interpretatsii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2021. T. 23. №3. S. 424-445.

О.С. Пустошинская

O. Pustoshinskaya

**МНОЖЕСТВЕННАЯ
ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ
КАК ПРОИЗВОДНАЯ
ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ**

**MULTIPLE CITIZENSHIP
AS A DERIVATIVE OF
POSTMODERNITY**

Аннотация

В настоящей статье вниманием охвачены концептуальные результаты изысканий по теме гражданственности молодежи, достигнутые в зарубежной и российской науках. Рассматриваются ключевые положения теории развития, критической и процессной теорий. Приводятся три подхода: государство-центричный, культуро-центричный, рискологический. Освещаются теории гражданской идентичности молодежи, малых дел, локальной гражданственности. На основе анализа предпосылочного знания обсуждается возможность расширения видения молодежной гражданской субъектности. Последняя приобрела в обстоятельствах современного мирового развития качество многокомпонентности. Это актуализирует новую серию вопросов. Для снятия противоречия между теорией и практикой предлагается отойти от исследовательской традиции сосредотачиваться на отдельных формах, что дает упрощенное объяснение анализируемого среза реальности, и развернуть его описание, опираясь на методологический аппарат постмодернизма. В соответствии с базовыми ориентирами данной парадигмы обосновывается необходимость осмысливать текущее проявление молодежной гражданственности в контексте усиления трансграничной социальной мобильности, ослабления правовой связи людей с государством, размножения и наложения идентичностей. В такой логике выдвигается идея о появлении и развитии множественной гражданственно-

Abstract

This article focuses on the conceptual results of research on the topic of youth citizenship achieved in foreign and Russian science. The key provisions of the theory of development, critical and process theories are considered. Three approaches are given: state-centric, culture-centric, risk-based. The theories of the civic identity of youth, small affairs, and local citizenship are highlighted. Based on the analysis of the background knowledge, the possibility of expanding the vision of youth civic subjectivity is discussed. The latter has acquired the quality of multicomponence in the circumstances of modern world development. This actualizes a new series of questions. To remove the contradiction between theory and practice, it is proposed to move away from the research tradition of focusing on individual forms, which gives a simplified explanation of the analyzed slice of reality, and expand its description, relying on the methodological apparatus of postmodernism. In accordance with the basic guidelines of this paradigm, the need to comprehend the current manifestation of youth citizenship in the context of strengthening cross-border social mobility, weakening the legal connection of people with the state, multiplication and layering of identities is justified. In this logic, the idea of the emergence and development of multiple citizenship is put forward. Multiple citizenship and multiple identity are designated as prerequisites for its formation. The assumption is made about the integration in this complex formation of indi-

сти. В качестве предусловий ее формирования обозначаются множественное гражданство и множественная идентичность. Делается допущение об интеграции в этом сложном образовании отдельных признаков, идентифицирующих разные формы гражданственности. Высказывается мысль о вариативности выстраивания конфигурации обозначенных форм в нетождественных средах.

vidual signs identifying different forms of citizenship. Among them: national, global, consumer, every day, social activist, participatory, digital alternatives. The idea is expressed about the variability of the configuration of the designated forms in non-natural environments.

Ключевые слова:

множественная гражданственность, множественная идентичность, постмодернизм, формы гражданственности.

Key words:

multiple citizenship, multiple identity, postmodern, forms of citizenship.

Современное состояние миропорядка, характеризующееся усилением вызовов и угроз, ставит перед Россией задачу прорывного развития, основывающегося на паттернах прогрессивного информационно-технологического уклада. В ее выполнении молодежи как базовому интеллектуальному ресурсу и потенциальному участнику преобразований отводится ключевая роль. В этой связи проблема развития личности с полноценным набором необходимых качеств, где доминирует ответственность за сохранение и процветание государства, выводится на новый уровень.

Однако ее решение осложняется тем, что в условиях проницаемости границ и глобальной взаимозависимости снижается институциональное влияние на механизмы становления гражданской субъектности. Параллельно расширяется пространство самоопределения, а также появляются альтернативные силы, воздействующие на изменение внутриличностного начала и поведенческих стилей реципиентов. Происходит модификация акторности, сопровождающаяся диссеминацией проявлений, размывающих нормативную модель. Феномен, корреспондирующий постиндустриальной перспективе – индивид, являющийся носителем гражданственности, которая не вписывается в привычные представления. Обнажившаяся проблема требует интеллектуальной рефлексии. Отсюда значимость отраженной в настоящей работе попытки выработать предложение, призванное развернуть поиск ответов на рождаемые действительностью вопросы. Его суть состоит в том, чтобы отступить от укоренившейся в науке традиции замыкать взгляд на отдельных формах гражданственности и переориентироваться на их комбинацию.

Состояние исследований в области изучения гражданственности молодежи

Проведенный обзор исследований позволяет говорить о повышенном внимании зарубежных и отечественных ученых к теме гражданственности молодежи. Выработанные ими представления, дополняя друг друга в формате конкуренции, аккумулируют смыслы, вкладываемые в искомое понятие, и объясняют логику согласующейся с ним поведенческой модели.

Так, обоснованное, но небесспорное видение означаемого репрезентируется в теории развития. Последняя базируется на классическом ассоциировании гражданственности со статусом, приобретаемым индивидом по мере получения и освоения совокупности гражданских, политических и социальных прав [3, р. 4, 110; 37, р. 27-28, 84-86; 38, р. 24-25]. Согласно выдвигаемым идеям, подобный выход на ожидаемый уровень отношений с государством осуществляется в ходе самоопределения личности во взаимодействии с окружающим миром, овладения необходимыми знаниями, умениями, способностями, позволяющими реализовывать установки института гражданства. Ведущую роль в данном процессе играют агенты первичной и вторичной социализации – семья, школа, правительство. Алгоритм программирования строится с учетом ряда принципов. Важнейшие из них – информированность о структуре и функционировании политической системы страны, конформность, включенность в общественно полезную деятельность [24, р. 6-7; 51, р. 287; 54, р. 1-2].

Приведенный взгляд созвучен положениям теории брендинга молодежной гражданственности. Авторами отмечается, что властными агентами стимулируется подготовка специальных программ по формированию узнаваемых символов и их продвижению в молодежной среде путем использования технологий маркетинга. Схема реализации стратегии в обобщенном виде предполагает последовательную смену стадий, начиная от создания информационного и эмоционального шума вокруг серии мероприятий, отвечающих задачам производства заданного типа гражданина, вовлечения представителей молодой когорты в практики с дисциплинирующим смысловым наполнением, и заканчивая приобретением молодыми людьми официально предусмотренного комплекса навыков, использования ими полученного опыта на протяжении жизни. В тренде оправдываемых ожиданий находятся, к примеру, бренды национального единства, локальной идентичности, высшего образования, участия в волонтерском движении, обла-

дания резюме как совокупностью компетенций, доказывающих статусно-профессиональную успешность [40, р. 66-68].

Очевидно, что в таком ракурсе взрослеющим индивидам отводится роль объекта воздействия и игнорируется сценарий становления субъектности, отклоняющейся от генерируемых властью установок, заявляющей претензию на конструирование собственных пространств и продуцирование отношений нового типа. Отсюда авторское невнимание к детерминации, катализирующей размножение проявлений, в том числе нарушающих правила легально-регламентного типа.

Отразить непроработанную сторону феномена призвана критическая теория. В рамках излагаемой контрпозиции отстаивается мысль о социально-политической полноценности и самодостаточности молодежи. Ее гражданственность тесно увязывается с понятием партиципации, предполагающей причастность рядовых членов общества к управленческим механизмам вне институционального посредничества. Это становится возможным в условиях развитых демократий, когда правительство обозначает контуры гражданственности, предоставляя молодежи свободу действий и стимулируя ее самоорганизацию вокруг конкретных проблем. В результате расширения прав и возможностей молодые люди получают шанс продуцировать структурные перемены. Привилегией быть в авангарде социально-политических преобразований наделяется маргинальный сегмент [27, р. 2; 30, р. 24-25; 43, р. 346].

В качестве детализации критическая теория покрывает пространство аттитудов и практик «пунктирного гражданства», проявляющегося в эпизодическом участии молодежи в социальной и политической жизни. В продвигаемых интерпретациях идет отсылка к эффекту переживания молодым человеком чувства поляризующего отчуждения, следствием чего становится стремление интегрироваться с ин-группой и утвердить автономный жизненный вектор. Через соответствующую идентификацию и приобщение к коллективным действиям происходит самосовершенствование в сторону политизации и приобретения гражданских свойств [23, р. 443-445].

Объемное видение проблематики с учетом как субъективной, так и объективной составляющих отличает процессную теорию. В ней интеллектуальный фокус смещается на динамику молодежной гражданственности. Акценты расставляются на саморефлексии личности, находящейся в перманентном состоянии осмысления своего поведения сквозь призму стан-

дарта «гражданин» и приспособления к обстоятельствам. По мнению исследователей, разделяющих данные воззрения, вполне вписывается в указанные процессы коррекция гражданственности в зависимости от складывающегося в тот или иной период времени контекста. При этом реакция на экзогенное вмешательство подчиняется внутреннему императиву соотношения издержек и выгод, адаптивной способности к самоопределению. Молодежная гражданственность, таким образом, рассматривается с доминантой на эволюцию, вызываемую коррелятами ментальных и идентификационных изменений, а также жизненным опытом. В то же время признается, что наличие качеств акторности способствует относительной независимости молодых людей от ограничений среды, позволяя им реализовывать ресурс самоактуализации в соответствии с индивидуально спроектированной жизненной программой [24, р. 6; 33, р. 10; 52, р. 425].

Несколько иным образом осуществляется вклад в приращение знания о гражданственности молодежи со стороны отечественного научного сообщества. Конгломерат версий поддается группировке в три подхода: государство-центричный, культуро-центричный и рискологический.

В рамках первого из них с поправкой на российский контекст поднимаются вопросы выполнения представителями рассматриваемой демографической группы роли гражданина, их социально-правового взаимодействия с государством, эффективности реализации молодежной политики [9; 10; 15, 18; 20]. В логике культуро-центричного способа познания реальности изучаются духовно-ментальные, ценностно-мировоззренческие компоненты, оцениваются показатели сопричастности и солидарности, лежащие в основе поведенческих стилей [2; 5; 8; 11]. В рискологическом подходе внимание акцентируется на поляризующей детерминации, конфликтогенных источниках, репертуаре радикальной политической и асоциальной деятельности [7, с. 71; 17, с. 11; 21, с. 306].

Существует ряд теоретических конструкций, объяснительная сила которых удовлетворяет описанию объекта в его частных особенностях, не затушеванных в границах поглощающей интегральности.

Одной из них является концепция гражданской идентичности молодежи [6]. Обобщенно она может быть репрезентирована в следующих тезисах:

– в обществе, переживающем последствия политико-экономических пертурбаций и сопутствующих им процессов социальных разломов, право-

вой эрозии, культурно-идеологического кризиса неизбежна деформация подсистем воспроизводства ценностных кодов и поведенческих образцов;

- эклектика действительности проецируются на уровень формирования гражданственности молодежи. Представляя интерсубъективное состояние и внешне фиксируемую тождественность личности государству, соответствующая идентичность под давлением обстоятельств транзитивности становится размытой, мозаичной, парадоксальной;

- дихотомия отлаженных прежде оснований национального единения и отвечающих конъюнктуре нового общественно-политического порядка обуславливает констелляцию взаимоисключающих элементов в системе ментального и духовного развития, социокультурных и политических установок;

- резко критичное отношение к реальности, осложненной деструктивными тенденциями и управленческими дефектами, не исключает сохранения привязки к своей стране. Аффилиация осуществляется в контексте принадлежности к нации, благодаря достижениям которой на протяжении длительной истории обеспечивалась державность. Однако манифестируемая идентификация в большинстве случаев не находит подкрепления в практической плоскости;

- происходит ассимиляция контрастирующих моделей гражданской идентичности, олицетворяющих традицию и инновацию: с ориентацией на рутинный / ретроспективный типы в первом случае, тяготением к полемической / абсентеистской альтернативам – во втором;

- наряду с запросом на безусловное соблюдение нормы общей реципрокности легитимируются теневые практики, усиливается интеграция с замкнутыми сообществами.

Концептуальную диалектику отражает теория малых дел. Она представляет собой удачный опыт преодоления методологических недостатков трактовки гражданственности как производной государственного регулирования вне привязки к преобразующей силе социального действия. Авторами транслируется идея о целесообразности расширения границ дефиниции гражданства введением в смысловой денотат ценностно-идеологической и идентификационной составляющих, а также компоненты, связанной с проявлениями общественно ответственного поведения. По их мнению, данная форма выстраивается на мотивации достижения цельности личного жизненного мира, внутригрупповом доверии, разделении мировоз-

зренческих установок, принятии негласных правил коммуникации, обеспечивающих взаимную заботу и содействие [14, с. 18; 44, с. 300].

Возникновение указанной гражданственности сопряжено с процессом сетевой включенности, выступающей точкой отсчета для консолидации, а также появлением новых профессий и площадок для политического, культурного выражения, межперсонального обыденного контактирования, самопозиционирования, товарного обмена, работы, не требующей жесткого производственного режима и дисциплины. Подобные пространства самоорганизации создаются в противодействие монополии крупнейших индустрий, массовизации и унификации, на контрасте с философией бездумного потребительства, гламурности, гедонизма. Гражданственность малых дел находит претворение в формировании DIY-сферы, поисковых практиках, сетевой взаимопомощи, распространении низового добровольческого, эко- и зоозащитного движения, проведении online-флэшмобов, рэп-баттлов по актуальной тематике [14, с. 16-19, 23].

Кроме того, интерес вызывает концепция локальной гражданственности, где феномен рассматривается с учетом пространственного фактора и с акцентом на комплексе структурных элементов, специфицирующих микроуровень географического разнообразия мест человеческой жизнедеятельности. К ним предлагается относить «...территориальную идентичность, территориальное поведение, участие в осуществлении общественного самоуправления (гражданское участие, гражданская активность), локальные аспекты гражданской субъектности (информированность, гражданская компетентность), «местный патриотизм», локальную демократию, городские режимы и т.д.». Уникальность локальной гражданственности, таким образом, ставится в прямую зависимость от местной аутентичности. Предполагается, что последняя, накладываясь на общенациональную и региональную модели, вызывает их трансформацию, проявляясь в приобретении комбинации особых черт. В числе коррелятов, оказывающих влияние на данный процесс, называются: историческая память, конструируемый образ будущего, этническая и религиозная доминанты, своеобразие выстраиваемых властно-гражданских отношений, социально-экономическое благополучие, уровень развития пассионарности. Особо выделяется идентификационная компонента, репрезентируемая в трех проекциях. Речь идет о самоопределении в качестве гражданина-горожанина, отождествлении себя с

«городом-пространством как “значимым Другим”» и включенности в какую-либо локальную общность [12, с. 20-21].

Множественная гражданственность: расширение исследовательской повестки

Позиция автора данной статьи состоит в том, что сегодня исследовательский поиск необходимо вести с опорой на методологический аппарат постмодернистской парадигмы [4, с. 17], дающей ключ к объяснению иной нормальности введением для ее описания категорий «транссессия», «неоднородность», «прерывность» и утверждением «программы множественных современностей» [26, р. 79]. В ее рамках ставятся под вопрос аналитические возможности политико-юридической концепции как недостаточные для познания изменившейся природы феномена. Последний рекомендуется осмысливать, во-первых, в контексте глобализации, вызывающей размывание государственного суверенитета и девальвацию принципа национальной преданности, во-вторых, в логике доминирования рыночных механизмов, определяющих коммодификацию гражданства, в-третьих, с учетом разрастания трансграничной социальной мобильности, ведущей к размножению идентичностей и наслоению культур [28, р. 49; 35, р. 55; 45, р. 3; 53, р. 334].

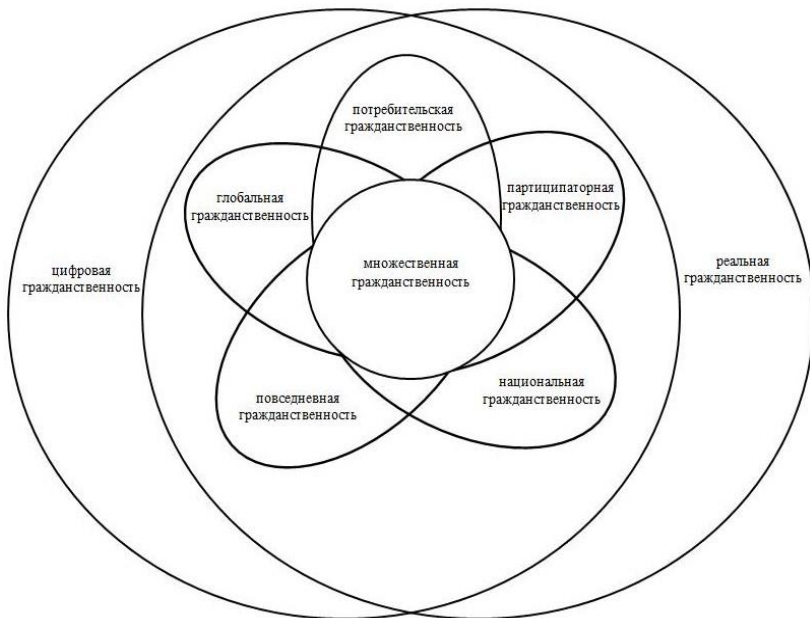
Данные взгляды находят выражение в теориях множественного гражданства и множественной идентичности.

Множественное гражданство, предполагающее наличие у лица статуса гражданина двух или более стран, оценивается в качестве способа геопространственного расширения. Акценты расставляются на том, что несколько легальных привязок имеют своим следствием возникновение ответственности, возлагаемой на индивида сверх его обязательств перед собственной нацией [29, р. 6; 35, р. 54]. С другой стороны, появляются преимущества в результате приобретения дополнительных прав, социальных льгот, источников дохода [53, р. 333]. Причем формальная принадлежность не гарантирует личной / групповой идентификационной рефлексии, обращенной в направлении принимающих социумов. Становится нормой приверженность коллективам, находящимся за пределами юрисдикции текущего пребывания, или выражение лояльности в отношении любой власти, обеспечивающей удовлетворение частных интересов [25, р. 92; 39, р. 23].

В свою очередь, обладание разными идентичностями согласуется с распространением политико-правовых и социальных связей вовне. Воспроизвод-

ство такого сложного конструкта обуславливается факторами мультилокации, включенности в многоуровневые отношения горизонтальной и вертикальной зависимости [47, р. 288-289]. Его элементы находятся не только в состоянии когерентности, но и нередко в противоречии друг с другом, могут быть совместимы с нацией и корневой культурой, либо конфликтовать с ними [28, р. 51]. При этом множественное гражданство и множественная идентичность признаются явлениями взаимообусловленными [42, р. 80].

Отсюда уместно допустить, что выступая для гражданственности молодежи субстанциальными образованиями, они трансформируют ее природу соответствующим образом. Такое преобразование достигается через практики политического, экономического, социального трансграничного взаимодействия, а также восприятия себя в качестве члена взаимозависимых и пересекающихся сообществ. В постсовременном мире любой индивид способен демонстрировать всевозможные формы гражданственности. Чаще всего это проявляется в связанности определенных частей каждой из них в единый кластер с фрактальной структурой (рис. 1). В разные жизненные периоды комбинации признаков могут меняться со сдвигом на те или иные альтернативы.

Рисунок 1 – Модель множественной гражданственности молодежи

Подобная постановка вопроса побуждает обратиться к условно выделяемым типам гражданственности – национальной, глобальной, потребительской, повседневной, социально-активистской, партиципаторной и цифровой (табл. 1) – при интеграции которых происходит формирование множественной гражданственности.

Таблица 1. Типы гражданственности молодежи и их признаки

Тип гражданственности	Признаки
национальная гражданственность	-статус гражданина с вытекающими отсюда правами и обязанностями; -отрегулированная система морально-нравственных, мировоззренческих, этических принципов; -условно предсказуемое социальное и политическое поведение, регламентированное в соответствии с документально закрепленными полномочиями, нормативами, обозначающими пределы допустимого
глобальная гражданственность	-космополитическая идентичность; -подчиненность логике глобального права; -личная ответственность за позитивные и негативные международные последствия локальных действий; -ощущение свободы от территориальных ограничений и высокая степень пространственной мобильности; -культурный плюрализм
потребительская гражданственность	-сочетание в субъектности экономического, политического и социального компонентов; -проявление гражданственности через активное участие, а не пассивное поведение; -зависимость национального и транснационального уровней с перспективой преобладания последнего; -актуализация моральной и политической ответственности потребителя в плане выполнения роли по изменению структур, обладающих корпоративной и политической властью; -перерастание частного интереса в групповой, результатом чего становится коллективное действие
повседневная гражданственность	-отчужденность от государства и публичной сферы; -актуализация потенциальных установок на идентификацию с референтным сообществом; -самореализация в контексте замкнутого режима группы; -сопричастность к делам микроколлектива; -ориентация на неформальные способы решения проблем
партиципаторная гражданственность	-активная политическая позиция; -включенность в управленческие процессы; -приверженность прямым способам политического действия; -приемлемость как конвенциональных, так и конфронтационных способов продвижения интересов

социально-активистская гражданственность	-обладание знаниями и компетенциями в области социальной деятельности; -развитость культуры ответственности; -стремление активно себя проявлять в достижении общественно значимых целей; -консолидация вокруг проблем бытового, правового, гуманитарного свойства; -сотрудничество с органами власти и общественно-политическими организациями в решении задач; -действие в рамках законодательства
цифровая гражданственность	-неразделимость виртуального и реального пространств; -стремление к независимости от властных институций и свободе от укоренившихся культурных регуляторов; -отход от мейнстрима со сдвигом на инновационность в системе ценностей и поведения; -открытость индивидуальных систем непрерывного взаимодействия; -мультимодальность и кратковременность идентичностей; -экзистенциальный антагонизм с действительностью; -презентация иллюзии, замещающей личность или имитирующей действие

Как показывают теория и практика, национальная гражданственность опирается на юридически оформленную связь между физическими лицами и государством, что проявляется в комплексе взаимных прав, обязанностей и ответственности. Включение в формально закрепленное единство не только открывает индивидам доступ к коллективно выработанным ресурсам, но и подразумевает их вовлечение в нормативно и культурно закрепленные отношения, возникновение долга по реализации общественно полезной роли и приращению собственного человеческого капитала. Ввиду этого предусматривается механизм стандартизации качеств, в развитии которых заинтересован политический класс [19, с. 398-401; 40].

Глобальная гражданственность выступает своеобразной альтернативой национальной версии. Она основывается на чувстве принадлежности к мировому сообществу, признающему приоритет норм международного права, предполагает трансграничную мобильность, мультикультурный выбор, созидательную активность лиц и сообществ, мыслящих в планетарном масштабе. Отмеченная форма в научной литературе интерпретируется как постнациональная, ее появление связывается с эффектами глобализации, размыванием суверенитета государств-наций, тенденциями взаимозависимости между локальным, страновым и наднациональным [46; 49].

Потребительская гражданственность основывается на идее влияния приобретателей товаров и услуг на корпоративную политику, а также институциональное регулирование мирового рынка через динамику покупатель-

ной способности. Совершая свой выбор, граждане становятся обладателями статуса экономических избирателей. Влияние на бизнес и осуществление контроля над капиталом вписывается в технологию «мягкой силы»: игнорируя продукцию определенных предприятий или предпочитая ей альтернативные товары, потребитель делегитимирует одни бренды и демонстрирует приверженность другим, тем самым превращаясь в потенциального участника аттрактивного для него производства. Параллельно воздействие на политические институты может осуществляться через дестабилизирующие акции, например бойкоты и митинги [22; 50; 57].

Повседневная гражданственность наделяется смыслами, которые упрощают понимание объекта, редуцируя его до практик обыденного свойства. Причины актуализации данной формы усматриваются в невысоком доверии к политическим институтам и представительским организациям, восприятию проводимой политики как чуждой. Фрустрация в отношении возможности влиять на организацию внутривнутристранового порядка вызывает переориентацию на неформальные солидарности. Сопричастность к делам микроколлектива возвращает человеку чувство полноценности как субъекта, способного обеспечить положительные статусные, материальные и иные изменения в жизни [1; 44; 56].

Партиципаторная гражданственность предполагает прямое политическое участие широких масс на добровольной или обязательной основе в управленческом процессе. Пороговым условием ее развития признается создание институционального дизайна, когда гражданам предоставляются широкие права и возможности для самореализации в качестве политических акторов. Принципиальную важность при этом приобретает фактор демократической децентрализации, влекущей перенос компетенций на местный уровень власти. Немаловажная роль отводится и заинтересованности истеблишмента в автономной субъектности. С другой стороны, в числе довлеющих необходимостей обозначаются навыки самоорганизации населения, опыт включенности его представителей в субординированные трансакции и защиты от кооптации в систему [13; 34].

Социально-активистская гражданственность подразумевает актуализацию рефлексивной субъектности, поддающейся управлению. В ее отношении растет правительственный запрос. Он имеет своей целью вовлечение в орбиту инспирируемых реформ креативно мыслящих, обладающих знаниями и компетенциями граждан, демонстрирующих инициативность,

мобилизационную потенцию и проявляющих равнодушие к чужим нуждам, желание быть максимально полезными на уровне локального сосуществования. Деятельность концентрируется в данном случае вокруг решения задач по улучшению качества жизни. Они могут касаться вопросов жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, экологии, ведения предпринимательства, защиты прав [41; 48].

Цифровая гражданственность присуща поколению миллениума и виртуальных аборигенов, предпочитающих пространство социальных сетей offline коммуникации, а традиционному участию – новационные практики с использованием информационно-коммуникативных средств. Для одних представителей этих социальных групп Сеть замещает жизнедеятельность в режиме реального времени, для других становится ее продолжением. Молодые люди в стремлении ухода от регламентированной обыденности выбирают измерение, где возможно проявление всех аспектов личности – от критической оценки действительности вне общественных фильтров и субординации до управления смыслопотреблением, выработки дискурса, экспериментирования с самовыражением и удовлетворения амбиций по публичному признанию. Идентичность в интернет-среде подвергается постоянному расщеплению. Объединения с референтными сообществами, как правило, являются краткосрочными, контакты дискретными. В восприятии бинарности «права-обязанности» преобладает претензия на очевидность самостоятельного выбора, а не принуждение соответствовать требованиям лояльного выражения [16; 31; 36; 55].

Итак, представленная статья отображает дисперсное интеллектуальное реагирование в отношении феномена гражданственности молодежи. Очевидно, что проблематика, связанная с ним, относится к наиболее востребованному сегменту приложения усилий в рамках научного разделения труда. Значительный вклад в эволюцию соответствующего знания вносят как западные, так и российские ученые. Несмотря на спорность и некоторую ограниченность отдельных представлений, их интерпретативный потенциал, взятый в совокупности, обладает эвристикой, дающей ключ к успешному постижению рассматриваемого среза реальности.

Множественная гражданственность молодежи выступает ее объективной характеристикой. Данный феномен проявляется на фоне постмодернистских трансформаций и смены технологического уклада. Предложение нового концептуального решения корреспондирует указанным измене-

ниям, которые в том числе охватывают природу носителя, значительно усложняя гражданскую субъектность. Такая оптика взгляда дает ключ к установлению взаимозависимостей, не обнаруживающихся при фокусировании внимания на отдельных формах. Предложенная модель может быть использована в перспективе для выведения законов конфигурации форм гражданственности молодежи в нетождественных средах. Это значительно расширит горизонты исследовательского поиска.

Литература

1. Андреева Ю.В. Новый формат молодежной гражданственности: между близкой повседневностью и далекой политикой // Симбирский научный вестник. 2016. №2(24). С. 141–152.
2. Бегичева О.Л., Гришаева С.А., Поляков М.Б. Тимохович А.Н., Чуев С.В. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования. Москва: ГУУ, 2017. 131 с.
3. Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. Санкт-Петербург: Правда, 1909. 458 с.
4. Гофман А.Б. «Интер», «мульти», «транс» и «пост»: социология, дисциплинарность и постмодернизм // Социс: Социологические исследования. 2021. №2. С. 16–25.
5. Грибанова В.А. Исследование гражданской активности студенческой молодежи // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 1. №3(50). С. 164–171.
6. Гришина Е.А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. Москва: Социум, 1999. 132 с.
7. Гундарь Е.С. Экстремизм и радикализм как антимодели демонстрации гражданственности // Теория и практика общественного развития. 2015. №24. С. 71–73.
8. Дулина С.Г., Захарова А.Н. Ценностные приоритеты студенческой молодежи в условиях становления гражданского общества // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2013. №1(77) Ч. 2. С. 63–67.
9. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // Социс: Социологические исследования. 2006. №6. С. 37–46.
10. Колесникова Е.Ю., Лубский А.В. Патриотизм и гражданственность в молодежной среде на Юге России: парадигмы социологических исследований // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 5. С. 174–183.
11. Кулаева З.Т. Факторы формирования нравственных ценностей и антиценностей студенческой молодежи // KANT. 2018. № 2(27). С. 91–94.
12. Маленков В.В. Локальная гражданственность как фактор городского развития // Теория и практика общественного развития. 2013. №12. С. 13–21.
13. Муштей Н.А. Партисипативное взаимодействие и социальная стигмергия как процессы социальной самоорганизации в современном обще-

стве // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. №3. С. 270–274.

14. Омельченко Е.Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. №1. С. 3–27.

15. Орешкина Т.А., Одегов А.С. Гражданская культура свердловской молодежи в системе государственного управления // Власть. 2017. №9. С. 19–26.

16. Палфри Д., Гассер У. Дети цифровой эры. Москва: ЭКСМО, 2011. 368 с.

17. Савченко Д.С. Протестная гражданская активность российского студенчества: социологический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2012. №12(20). С. 1–21.

18. Сунгуров А.Ю. Взаимодействие власти и структур гражданского общества: возможные модели // Гражданский диалог. 2008. №3. С. 1–10.

19. Халилов Т.А. Гражданство как социально-политическая практика: актуальные модели // Теория и практика общественного развития. 2012. №12. С. 398–401.

20. Хиль И.М. Роль интериоризации в процессе формирования правового сознания молодежи // Теория и практика общественного развития. 2018. №6. С. 77–81.

21. Шульга М.М., Кузнецов Д.О. Гражданственность молодежи: позитивные практики и риски // Вестник Северокавказского федерального университета. 2014. №4(43). С. 306–310.

22. Beck U. Macht und Gegenmacht im Globalen Zeitalter. Neue eltpolitische Ökonomie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. 472 s.

23. Benedicto J., Morán M.L. OtraClase de Politización? Representaciones de la Vida Colectiva y Procesos de Implicación Cívica de los Jóvenes en Situación de Desventaja // Review Internacional de Sociología. 2014. Vol. 72. №2. P. 429–452.

24. Biesta G., Lawy R., Kelly N. Understanding Young People's Citizenship Learning in Everyday Life // Education, Citizenship and Social Justice. 2009. Vol. 4. №1. P. 5–24.

25. Bishai L.S. Altered States: Secession and the Problems of Liberal Theory // Theories of Secession; Ed. P.B. Lehning. London: Routledge, 1998. P. 92–110.

26. Browne C. Postmodernism, Ideology and Rationality // Revue Internationale de Philosophie. 2010. №251. P. 79–99.

27. Çelic Ç. Disadvantaged, but Morally Superior: Ethnic Boundary Making Strategies of Second-generation Male Turkish Immigrant Youth in Germany // Identities: Global Studies in Culture and Power. 2016. Vol. 25. №6. P. 705–723.

28. Cogan J.J., Grossman D., Liu M. Citizenship: The Democratic Imagination in a Global / Local Context // Social Education. 2000. Vol. 64. №1. P. 48–52.

29. Eid F.H. Citizenship, Community and National Identity: Young People Perceptions in a Bahraini Context // Journal of Case Studies in Education. 2015. Vol. 7. P. 1–31.

30. Ginwright S., Cammarota J., Noguera P. Youth, Social Justice and Communities: Toward a Theory of Urban Youth Policy // Social Justice. 2005. Vol. 32. №3. P. 24–40.

31. Harris A., Walton J., Johns A., Caluya G. Contestations of Citizenship, Education, and Democracy in an Era of Global Change: Children and Youth in Diverse International Contexts; Ed. by P.K. Kubow, N. Webster, K. Strong, D. Miranda. New York: Routledge, 2022. P. 133–155.
32. Howe N., Straurs N. Millennials Rising: the Great Generation. New York: Vintage, 2000. 432 p.
33. Hylton P., Kisby B., Goddard P. Young People's Citizen Identities: a Q-Methodological Analysis of English Youth Perceptions of Citizenship in Britain // Societies. 2018. Vol. 8. №4. P. 1–21.
34. Lenard P. Democratic Citizenship and Denationalization // American Political Science Review. 2018. Vol. 112. №1. P. 99–111.
35. Lindström L. Youth Citizenship and the Millennium Generation // Citizenship, Social and Economics Education. 2010. Vol. 9. №1. P. 48–59.
36. Literat L., Kligler-Vilenchik N., Brough M. Analyzing Youth Digital Participation: Aims, Actors, Context and Intensities // Information Society. 2018. Vol. 34. №4. P. 261–273.
37. Marshall T. Citizenship and Social Class and Other Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. 154 p.
38. Matheson P.E. Citizenship // International Journal of Ethics. 1897. Vol. 8. №1. P. 22–40.
39. Meraz A.R. Complex Citizenship and Globalization // Philosophy of Globalization. 2018. №1. P. 17–31.
40. Mills S., Waite C. Brands of Youth Citizenship and the Politics of Scale: National Citizen Service in the United Kingdom // Political Geography. 2017. №56. P. 66–76.
41. Motti-Stefanidi F., Cicognani E. Bringing The European Union Closer to its Young Citizens: Youth Active Citizenship in Europe and Trust in EU Institutions // European Journal of Development Psychology. 2018. Vol. 15. №3. P. 243–249.
42. Mouffe Ch. Democratic Citizenship and the Political Community // Community at Loose Ends; Ed. by Miami Theory Collective. Minnesota: University of Minnesota Press, 1992. P. 70–82.
43. Noguera P., Cannella C. Youth Agency, Resistance and Civic Activism // Beyond Resistance: Youth Activism and Community Change. New York: Routledge, 2006. P. 333–347.
44. Omelchenko E.L., Krupets Y., Zhenina A. Citizenship in Russian Youth: the Search for an Effective Methodology // New Methodological Approaches to Youth Research. Cambridge: Cambridge Scholar Publishing, 2015. P. 295–317.
45. Osler A., Starkey H. Learning for Cosmopolitan Citizenship: Theoretical Debates and Young People's Citizenship. Chapter 15 // Learning to Teach Citizenship in the Secondary School: A Companion to School Experience: 2nd Edition; Ed. L. Gearon. London: Routledge, 2009. P. 243–254.
46. Pathak-Shelat M., Bhatia K. Young People as Global Citizens: Negotiation of Youth Civic Participation in Adult-Managed Online Spaces // Journal of Youth Studies. 2019. Vol. 22. №1. P. 87–107.
47. Ross A. Multiple Identities and Education for Active Citizenship // Educational Studies. 2007. Vol. 55. №3. P. 286–303.
48. Sanghera G., Botterill K., Hopkins P. 'Living Rights', Rights Claims, Performative Citizenship and Young People – the Right to Vote in the Scottish Independence Referendum // Citizenship Studies. 2018. Vol. 22. №5. P. 540–555.

49. Saperstein E. Post-Pandemic Citizenship: The Next Phase of Global Citizenship Education // *Prospects*. 2022. №1. P. 1–15.
50. Shah D., McLeod D., Friedland L., Michelle R. The Politics of Consumption / Consumption of Politics' // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2007. Vol. 611. №1. P. 6–15.
51. Sherrod L., Flanagan C., Youniss J. Dimensions of Citizenship and Opportunities for Youth Development: the What, Why, Where, and Who Citizenship Development // *Applied Development Science*. 2002. Vol. 6. №4. P. 287–292.
52. Smith N., Lister R., Middleton S., Cox L. Young People as Real Citizens: Towards an Inclusionary Understanding of Citizenship // *Journal of Youth Studies*. 2005. Vol. 8. №4. P. 425–443.
53. Stasiulis D., Ross D. Security, Flexible Sovereignty, and the Perils of Multiple Citizenship // *Citizenship Studies*. 2006. Vol. 10. №3. P. 329–348.
54. Walsh L., Black R., Prosser H. Young People's Perceptions of Power and Influence as a Basis for Understanding Contemporary Citizenship // *Journal of Youth Studies*. 2018. Vol. 21. №2. P. 218–234.
55. Walter L.J. Nomadization, Digital Citizenship and Autonomy. Youth Trends and the Beginning of the 21st Century // *Chasqui-Revista Latinoamericana de Comunicación*. 2018. №137. P. 39–54.
56. Wood B.E. Youth Citizenship: Expanding Conceptions of the Young Citizen // *Geography Compass*. 2022. Vol. 16. №12. P. 1–13.
57. Young I. From Guilt to Solidarity. Sweatshops and Political Responsibility // *Dissent*. 2003. Vol. 50. №2. P. 39–44.

References

1. Andreeva Yu.V. Novyi format molodezhnoi grazhdanstvennosti: mezhdublizkoi povsednevnost'yu i dalekoi politikoi // *Simbirskii nauchnyi vestnik*. 2016. №2(24). S. 141–152.
2. Begicheva O.L., Grishaeva S.A., Polyakov M.B. Timokhovich A.N., Chuev S.V. Tsennostnye orientatsii rossiiskoi molodezhi i realizatsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki: rezul'taty issledovaniya. Moskva: GUU, 2017. 131 s.
3. Gessen V.M. Poddanstvo, ego ustanovlenie i prekrashchenie. Sankt-Peterburg: Pravda, 1909. 458 s.
4. Gofman A.B. «Inter», «mul'ti», «trans» i «post»: sotsiologiya, distsiplinarnost' i postmodernizm // *Sotsis: Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. №2. S. 16–25.
5. Gribanova V.A. Issledovanie grazhdanskoi aktivnosti studencheskoi molodezhi // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2018. T. 1. №3(50). S. 164–171.
6. Grishina E.A. Rossiiskaya molodezh': problemy grazhdanskoi identichnosti. Moskva: Sotsium, 1999. 132 s.
7. Gundar' E.S. Ekstremizm i radikalizm kak antimodeli demonstrirovaniya grazhdanstvennosti // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015. №24. S. 71–73.
8. Dulina S.G., Zakharova A.N. Tsennostnye priorityety studencheskoi molodezhi v usloviyakh stanovleniya grazhdanskogo obshchestva // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*. 2013. №1(77) Ch. 2. S. 63–67.

9. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Pravovaya kul'tura molodezhi v rakurse transformatsionnykh strategii // Sotsis: Sotsiologicheskie issledovaniya. 2006. №6. S. 37–46.

10. Kolesnikova E.Yu., Lubskii A.V. Patriotizm i grazhdanstvennost' v molodezhnoi srede na Yuge Rossii: paradigmy sotsiologicheskikh issledovaniy // Gumanitarii Yuga Rossii. 2018. T. 7. № 5. S. 174–183.

11. Kulaeva Z.T. Faktory formirovaniya nrvstvennykh tsennostei i antitsennostei studencheskoi molodezhi // KANT. 2018. № 2(27). S. 91–94.

12. Malenkov V.V. Lokal'naya grazhdanstvennost' kak faktor gorodskogo razvitiya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2013. №12. S. 13–21.

13. Mushtei N.A. Partisipativnoe vzaimodeistvie i sotsial'naya stigmergiya kak protsessy sotsial'noi samoorganizatsii v sovremennom obshchestve // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2018. T. 18. № 3. S. 270–274.

14. Omel'chenko E.L. Unikalen li rossiiskii sluchai transformatsii molodezhnykh kul'turnykh praktik? // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2019. № 1. S. 3–27.

15. Oreshkina T.A., Odegov A.S. Grazhdanskaya kul'tura sverdlovskoi molodezhi v sisteme gosudarstvennogo upravleniya // Vlast'. 2017. №9. S. 19–26.

16. Palfri D., Gasser U. Deti tsifrovoy ery. Moskva: EKSMO, 2011. 368 s.

17. Savchenko D.S. Protestnaya grazhdanskaya aktivnost' rossiiskogo studenchestva: sotsiologicheskii analiz // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2012. №12(20). C. 1–21.

18. Sungurov A.Yu. Vzaimodeistvie vlasti i struktur grazhdanskogo obshchestva: vozmozhnye modeli // Grazhdanskii dialog. 2008. №3. C. 1–10.

19. Khalilov T.A. Grazhdanstvo kak sotsial'no-politicheskaya praktika: aktual'nye modeli // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. №12. S. 398–401.

20. Khil' I.M. Rol' interiorizatsii v protsesse formirovaniya pravovogo soznaniya molodezhi // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2018. №6. S. 77–81.

21. Shul'ga M.M., Kuznetsov D.O. Grazhdanstvennost' molodezhi: pozitivnye praktiki i riski // Vestnik Severokavkazskogo federal'nogo universiteta. 2014. №4(43). S. 306–310.

22. Beck U. Macht und Gegenmacht im Globalen Zeitalter. Neue eltpolitische Ökonomie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. 472 s.

23. Benedicto J., Morán M.L. OtraClase de Politización? Representaciones de la Vida Colectiva y Procesos de Implicación Cívica de los Jóvenes en Situación de Desventaja // Review Internacional de Sociología. 2014. Vol. 72. №2. P. 429–452.

24. Biesta G., Lawy R., Kelly N. Understanding Young People's Citizenship Learning in Everyday Life // Education, Citizenship and Social Justice. 2009. Vol. 4. №1. P. 5–24.

25. Bishai L.S. Altered States: Secession and the Problems of Liberal Theory // Theories of Secession; Ed. P.B. Lehning. London: Routledge, 1998. P. 92–110.

26. Browne S. Postmodernism, Ideology and Rationality // Revue Internationale de Philosophie. 2010. №251. P. 79–99.

27. Çelic Ç. Disadvantaged, but Morally Superior: Ethnic Boundary Making Strategies of Second-generation Male Turkish Immigrant Youth in Germany // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2016. Vol. 25. №6. P. 705–723.
28. Cogan J.J., Grossman D., Liu M. Citizenship: The Democratic Imagination in a Global / Local Context // *Social Education*. 2000. Vol. 64. №1. P. 48–52.
29. Eid F.H. Citizenship, Community and National Identity: Young People Perceptions in a Bahraini Context // *Journal of Case Studies in Education*. 2015. Vol. 7. P. 1–31.
30. Ginwright S., Cammarota J., Noguera P. Youth, Social Justice and Communities: Toward a Theory of Urban Youth Policy // *Social Justice*. 2005. Vol. 32. №3. P. 24–40.
31. Harris A., Walton J., Johns A., Caluya G. Contestations of Citizenship, Education, and Democracy in an Era of Global Change: Children and Youth in Diverse International Contexts; Ed. by P.K. Kubow, N. Webster, K. Strong, D. Miranda. New York: Routledge, 2022. P. 133–155.
32. Howe N., Straurs N. *Millenials Rising: the Great Generation*. New York: Vintage, 2000. 432 p.
33. Hylton P., Kisby B., Goddard P. Young People's Citizen Identities: a Q-Methodological Analysis of English Youth Perceptions of Citizenship in Britain // *Societies*. 2018. Vol. 8. №4. P. 1–21.
34. Lenard P. Democratic Citizenship and Denationalization // *American Political Science Review*. 2018. Vol. 112. №1. P. 99–111.
35. Lindström L. Youth Citizenship and the Millennium Generation // *Citizenship, Social and Economics Education*. 2010. Vol. 9. №1. P. 48–59.
36. Literat L., Kligler-Vilenchik N., Brough M. Analyzing Youth Digital Participation: Aims, Actors, Context and Intensities // *Information Society*. 2018. Vol. 34. №4. P. 261–273.
37. Marshall T. *Citizenship and Social Class and Other Essays*. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. 154 p.
38. Matheson P.E. Citizenship // *International Journal of Ethics*. 1897. Vol. 8. №1. P. 22–40.
39. Meraz A.R. Complex Citizenship and Globalization // *Philosophy of Globalization*. 2018. №1. P. 17–31.
40. Mills S., Waite C. Brands of Youth Citizenship and the Politics of Scale: National Citizen Service in the United Kingdom // *Political Geography*. 2017. №56. P. 66–76.
41. Motti-Stefanidi F., Cicognani E. Bringing The European Union Closer to its Young Citizens: Youth Active Citizenship in Europe and Trust in EU Institutions // *European Journal of Development Psychology*. 2018. Vol. 15. №3. P. 243–249.
42. Mouffe Ch. Democratic Citizenship and the Political Community // *Community at Loose Ends*; Ed. by Miami Theory Collective. Minnesota: University of Minnesota Press, 1992. P. 70–82.
43. Noguera P., Cannella C. Youth Agency, Resistance and Civic Activism // *Beyond Resistance: Youth Activism and Community Change*. New York: Routledge, 2006. P. 333–347.
44. Omelchenko E.L., Krupets Y., Zhenina A. Citizenship in Russian Youth: the Search for an Effective Methodology // *New Methodological Approaches to Youth Research*. Cambridge: Cambridge Scholar Publishing, 2015. P. 295–317.

45. Osler A., Starkey H. Learning for Cosmopolitan Citizenship: Theoretical Debates and Young People's Citizenship. Chapter 15 // Learning to Teach Citizenship in the Secondary School: A Companion to School Experience: 2nd Edition; Ed. L. Gearon. London: Routledge, 2009. P. 243–254.
46. Pathak-Shelat M., Bhatia K. Young People as Global Citizens: Negotiation of Youth Civic Participation in Adult-Managed Online Spaces // Journal of Youth Studies. 2019. Vol. 22. №1. P. 87–107.
47. Ross A. Multiple Identities and Education for Active Citizenship // Educational Studies. 2007. Vol. 55. №3. P. 286–303.
48. Sanghera G., Botterill K., Hopkins P. 'Living Rights', Rights Claims, Performative Citizenship and Young People – the Right to Vote in the Scottish Independence Referendum // Citizenship Studies. 2018. Vol. 22. №5. P. 540–555.
49. Saperstein E. Post-Pandemic Citizenship: The Next Phase of Global Citizenship Education // Prospects. 2022. №1. P. 1–15.
50. Shah D., McLeod D., Friedland L., Michelle R. The Politics of Consumption / Consumption of Politics' // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2007. Vol. 611. №1. P. 6–15.
51. Sherrod L., Flanagan C., Youniss J. Dimensions of Citizenship and Opportunities for Youth Development: the What, Why, Where, and Who Citizenship Development // Applied Development Science. 2002. Vol. 6. №4. P. 287–292.
52. Smith N., Lister R., Middleton S., Cox L. Young People as Real Citizens: Towards an Inclusionary Understanding of Citizenship // Journal of Youth Studies. 2005. Vol. 8. №4. P. 425–443.
53. Stasiulis D., Ross D. Security, Flexible Sovereignty, and the Perils of Multiple Citizenship // Citizenship Studies. 2006. Vol. 10. №3. P. 329–348.
54. Walsh L., Black R., Prosser H. Young People's Perceptions of Power and Influence as a Basis for Understanding Contemporary Citizenship // Journal of Youth Studies. 2018. Vol. 21. №2. P. 218–234.
55. Walter L.J. Nomadization, Digital Citizenship and Autonomy. Youth Trends and the Beginning of the 21st Century // Chasqui-Revista Latinoamericana de Comunicación. 2018. №137. P. 39–54.
56. Wood B.E. Youth Citizenship: Expanding Conceptions of the Young Citizen // Geography Compass. 2022. Vol. 16. №12. P. 1–13.
57. Young I. From Guilt to Solidarity. Sweatshops and Political Responsibility // Dissent. 2003. Vol. 50. №2. P. 39–44.

А.В. Скиперских

**ВЛАСТЬ VS МАССА:
НОВЫЕ ФОРМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ
КАМПАНИЯХ**

Аннотация

Акцентируется внимание на новых формах взаимодействия власти и массы в условиях избирательных кампаний в российских муниципалитетах. Результат избирательных кампаний в современной России всё чаще является предсказуемым. Но это не отменяет необходимости проведения самой избирательной кампании и сопутствующих ей этапов и элементов.

По мере усложнения социальной жизни происходит и усложнение коммуникации власти и массы. Массы всё более закрываются от власти в тот момент, когда власти нужна демонстрация всё большего общественного единодушия. В современной России власть получает высокое влияние над обществом не только в связи с тем обстоятельством, что она выступает едва ли не единственным субъектом инициативы. Власть вынуждена разогревать массу и передавать ей необходимый драйв, повышая, тем самым, интерес к выборам. Сегодня можно увидеть высокую зависимость россиян от организаций бюджетной сферы, что позиционирует их в качестве исполнителей воли власти. Власть получает огромные возможности использования социального ресурса в период избирательных кампаний. Это подтверждается в исследовании на многочисленных примерах.

Исследовательский фокус захватывает новые формы организации взаимодействия власти и массы. Как будто бы предвосхищая мотивацию массы, важный акцент в новой коммуникации в условиях муниципальных избирательных кампаний делается на игровой компоненте. Сама процедура выборов, хоть и рассматрива-

A. Skiperskikh

**POWER VS MASS:
NEW FORMS
OF INTERACTION IN
MUNICIPAL ELECTION
CAMPAIGNS**

Abstract

Attention is focused on new forms of interaction between the authorities and the masses in the conditions of election campaigns in Russian municipalities. The results of election campaigns in modern Russia are increasingly predictable. But this does not negate the need for the election campaign itself and its accompanying stages and elements.

As social life becomes more complicated, so does communication between the authorities and the masses. The masses are increasingly closing themselves off from the authorities at a time when the authorities need a demonstration of increasing public unanimity. In modern Russia, the government gets a high influence over society not only due to the fact that it is almost the only subject of the initiative. The authorities are forced to warm up the masses and give them the necessary drive, thereby increasing interest in the elections. Today, one can see the high dependence of Russians on public sector organizations, which positions them as executors of the will of the authorities. The government gets huge opportunities to use social resources during election campaigns. This is confirmed by the study on numerous examples.

The research focus captures new forms of organization of interaction between power and the masses. As if anticipating the motivation of the masses, an important emphasis in the new communication in the conditions of municipal election campaigns is placed on the game component. The election procedure itself, although considered in traditional discourse as an electoral contest, in fact, today, due to

ется в традиционном дискурсе как электоральное состязание, на самом деле, сегодня ввиду того, что обладает заранее известным результатом, выступает занимательным шоу и аттракционом. В России могут использоваться как традиционные игровые формы, с помощью которых избиратель завлекается на участки для голосования, равно, как и локальные креативные истории, учитывающие специфику конкретного места и географической территории. В исследовании приводятся примеры новых форм взаимодействия власти и массы на примере Липецкой области.

the fact that it has a pre-known result, it acts as an entertaining show and attraction. In Russia, they can be used as traditional game forms, with the help of which the voter is lured to polling stations, as well as local creative stories that take into account the specifics of a particular place and geographical territory. The study provides examples of new forms of interaction between the authorities and the masses on the example of the Lipetsk region.

Ключевые слова:

игра, власть, выборы, электоральные кампании, легитимация, масса, Россия.

Key words:

game, power, election, election campaigns, legitimation, mass, Russia.

В 1960 году был издан текст «Масса и власть» политического философа Э. Канетти, неоднократно издававшего позже на многих языках мира. Несколько изданий этого труда о природе власти состоялось в СССР и России. Текст является во многом хрестоматийным, отражая базовые элементы власти, её причудливую морфологию, стилистику, жесты и позы, сохраняющие себя и в современных условиях. Текст Э. Канетти появился в период, когда роль массы в исторических и политических процессах неуклонно возрастала. Рост популярности материализма создавал дополнительные предпосылки для понимания массы, как ключевого политического актора. Ещё до Э. Канетти французский политический философ Г. Лебон отмечал, что наряду с ростом влияния масс (толпы), её «притязания становятся всё более и более определёнными» [8, с. 60]. Это свойство массы отмечается неомарксистскими классиками. В частности, Хосе Ортега-и-Гассет отмечал, что он для самих масс происходит усиление собственного значения в историческом процессе, позволяющее понимание, что «обыденная жизнь сегодня выше вчерашней отметки» [10, с. 31].

По мере роста политической сознательности масса может претендовать на ресурсы. Для власти звучит тревожный звонок. Как будто бы масса просит поделиться с нею, постепенно улучшая собственную политическую позицию. В этой связи управление массой становится одной из ключевых задач власти. Правящий класс, выделенный в концептуальном тексте итальянского неомарксиста Г. Моски, получает дополнительные шансы для

сплочения. Наоборот, масса может проявлять непостоянство, и, как отмечает С. Московичи, готовность быстро «перемещаться от одного вождя к другому» [9, с. 294]. Такие качества не могут не беспокоить саму власть, заинтересованную в наиболее действенных инструментах удержания массы в подчинении. Вот почему укрощение восставшей массы становится едва ли не первоочередной задачей политического управления. Тем более, что у массы с каждым разом остаётся все меньше способности рассуждать рационально, так как по мере накапливания в своём арсенале «готовых идей человек-масса довольствуется этим, душа и его умственные способности костенеют. Он с развязностью пользуется обрывками мыслей, набором общих слов, клише и трафаретов» [16, с. 134].

Сущность власти не меняется с точки зрения отношения к массе, используемой властью в собственных интересах. Не меняется и поведение масс, по-прежнему скованных страхом в момент исполнения команд и приказов власти. Важной мыслью Э. Канетти является идея о том, что отношения господства власти над массой конструируются ввиду страха смерти. Власть всегда сопрягается с репрессивным аппаратом, приводимым в действие в случае, если её распоряжения будут не исполнены. Политика должна выглядеть сферой деятельности, связанной со страхом, а посему и достаточно токсичной, чтобы в ней реально участвовать. Именно об этом, на наш взгляд, и говорит словенский политический философ С. Жижек, когда отмечает, что мобилизовать людей сегодня, с особенной страстностью возможно при помощи страха [5, с. 36].

Подобные установления являются актуальными для всех типов политических режимов, потому как везде власть притязает на контроль над массой. Вопрос только в формате, в размерах, в количественных характеристиках. Чем выше статус власти, тем, кажется, она способна охватить своим контролем больший объём массы, тем влиятельнее и беспрекословнее её приказы. Такая зависимость в полной мере актуальна для всех типов государств и политических режимов. Не является исключением и современная Россия, которая в полной мере проецирует на себя эти политические особенности. Попытки соединения себя с массой, хотя бы даже демонстративные, всегда могли быть характерны для российской власти. Вспомним годы становления Бориса Ельцина, стоявшего в очередях в городскую поликлинику и пользовавшегося метро. В конце 2022 года на форуме «Валдай» Владимир Путин отметил, что ассоциирует себя с «низа-

ми», а не с «верхами» общества [12]. Таким комплиментом, казалось бы, он успокоил российскую массу, внутри которой могло укрепляться сомнение в верности выбранного государством политического курса.

Безусловно, в современных условиях страх смерти нельзя воспринимать сколько-нибудь буквально, хотя, такой страх, безусловно, присутствует у массы, когда она не может критически расширяться в период протестных митингов. Масса носит маски, вакцинируется в эпоху COVID-19 и стоит в очередях в московском метро, приготовив QR-код. Страх смерти в организации и контроле над массой можно увидеть и в практиках частичной мобилизации, объявленной в России 21 сентября 2022 года. В такой момент мы видим совершенно новые формы массы, которые могут быть созданы из общества, находившегося в состоянии разобщения, атомизации.

В данной статье речь пойдёт о более локальных формах работы власти с массой. Все они, так или иначе, могут использоваться в муниципальной политике. Некоторые формы являются достаточно распространёнными, потому как повторяют уже апробированные практики. Власть, равно, как и масса, уже привыкли к ним, поэтому, они выступают достаточно рутинизированными. В частности, к подобным практикам можно отнести волонтерство. В последние годы стали появляться и более или менее неожиданные формы организации масс. Они особенно заметны в сфере культурного и спортивного досуга. Всякий раз, когда мы видим какие-либо событийные мероприятия и гастрономические фестивали, велосипедные заезды, пробежки и полумарафоны, забеги и заплывы нужно понимать, что мы имеем дело с новыми формами контроля над массой.

Власть и масса в политическом ландшафте современной России

Политические процессы подвержены известной цикличности. Актуализация масс может происходить в периоды исторических переломов, равно, как и кульминаций политической жизни, которую иногда предвещают смены электоральных циклов. Именно в этот самый момент настроение массы может быть достаточно переменчивым, и она склонна примыкать к наиболее радикальным и харизматичным вождям [9, с. 294]. Равно, как и наоборот. Снижение влияния масс отмечается в периоды социальной стабилизации, когда благосостояние людей заставляет их дорожить ситуационной стабильностью. Любая социальная встряска может

быть равна немедленной смерти, обнуляющей весь капитал, накопленный за периоды стабильности.

Как уже отмечалось, сила массы актуализирует себя в периоды электоральных кампаний, когда власть пытается заручиться поддержкой широких слоёв массы. Такие периоды практически всегда отмечаются ростом активности массы, равно, как и самой власти, заинтересованной в непрерывном процессе легитимации. Отмеченное нами в начале данной статьи рассуждение Г. Лебона о значительной политизации масс и повышении её роли, в какой-то момент не слишком чётко доказывается применительно к современной России. Масса позволяет манипулировать собой, уводить себя к целям политиков. Масса часто заблуждается, ошибается. Зачастую можно услышать фигуры относительно безропотности массы, её бессилия, о «тупом» народе. Масса обладает невероятной текучестью и спаянностью, будучи составленная из одинаковых, притёртых друг к другу элементов. Видимо неслучайно, теоретик советского киноискусства С. Эйзенштейн рассматривал массу как «икру», в «жизнь которой требуется проникнуть» [7, с. 181].

Масса оказывается инструментом в руках политического класса, а её численность и структура служат аргументами в его политической легитимации. До той поры, пока существует масса, будет существовать и правящий класс, направляющий её в собственных интересах, по сути дела, манипулируя ею, и используя её энергию в собственных интересах.

Политическая жизнь не обходится без участия массы. Именно масса принимает прямое участие в «складывании государственности» [11, с. 180]. В архитектуре политического порядка, возводимого власти, роль массы остается значительной. Именно поэтому у власти периодически возникает желание обращаться к массе, ассоциироваться с ней, говорить с ней на одном языке, использовать понятные ей символы. Власть понимает, что не может обойтись без «мужика», как некогда отметил М. Салтыков-Щедрин. Не теряет своей актуальности и зависимость массы от власти, постепенно снижающаяся с 1990-х гг. Для массы страшно лишиться покровительства, отпасть от каналов распределения благ. По данным издания «Капитал страны», на конец 2021 года практически каждый второй россиянин зависел от выплат из бюджета государства [2]. Государственный сектор, сузившийся в период президентства Б. Ельцина, существенно расширился в период правления В. Путина.

Сложная ситуация на рынке труда в современной России порождает страхи людей потерять работу и место учёбы, лишиться источника экономических поступлений. К перечисленным страхам добавляется и проблема состояния инфраструктуры. Общество понимает, что её качество зависит от демонстрации лояльности к власти. Наличие в населенных пунктах объектов необходимой инфраструктуры, состояние дорог, транспортное сообщение с районным и областным центром, качество Интернет и многие другие проблемы в полной мере зависят от благосклонности к жителям конкретного населённого пункта самой власти. В принципе, во многом это и объясняет популярность проектов власти, которая, несмотря на все возможные манипулятивные эффекты избирательной машины, всё же остаётся достаточно высокой.

В российском сегменте Интернет периодически появляются ролики мероприятий с участием региональных и муниципальных чиновников и обычных жителей, в которых может бросаться в глаза высокомерное и даже пренебрежительное отношение к массе. Так, показательной может выглядеть встреча бывшего Главы Республики Марий Эл М. Маркелова в период избирательной кампании 2015 года с жителями одного из марийских сёл. М. Маркелову не понравилось, как его встретили, и в ответ на это он заявил о том, что может перекопать к ним дорогу. Резонансный случай имел неблагоприятные последствия для Главы Марий Эл, который был снят со своей должности.

Спустя некоторое время В. Путин подписал указ «О досрочном прекращении полномочий» главы республики. В 2020 году В. Путин снимает с должности Главу Чувашии М. Игнатьева, который заставил сотрудника МЧС подпрыгивать за ключами от нового автомобиля на глазах широкой общественности. Президент как будто бы показывает, что не готов давать в обиду людей, тружеников, жителей глубинки. Оскорбление простого народа напрямую затрагивает и первое лицо государства.

Ещё больше подобных историй происходит на нижних уровнях политики, оставаясь незамеченными, выпадая из федерального информационного поля.

Но, при этом, нужно понимать, что не все факты пренебрежительного отношения к простым людям могут получить огласку, став настолько резонансными, чтобы их обидчик был определённым образом наказан. Конфликт с властью в любом случае нежелателен, ведь в случае каких-

либо трений с ней против человека срабатывает вся вертикаль. Такая диспозиция, безусловно, играет на стороне власти, прекрасно понимающей, какими страхами живёт человек внизу. Автор статьи однажды был свидетелем довольно резкого диалога заместителя главы администрации одного муниципального района в Липецкой области со своими подчинёнными в начале 2000-х гг. Влиятельный по меркам муниципального района чиновник был ответственным за избирательную кампанию. Узнав, что в одном из сёл довольно много голосов было отдано за одну из партий парламентской оппозиции, чиновник был сильно рассержен, и сетовал на то, что в этом селе были зря проведены работы по благоустройству. Получается, что лояльность общественности во многих муниципалитетах, достигающая своего пика в периоды выборов, по сути дела, легко «покупается» самой властью производством каких-то разовых благ. Власть расторгивает с обществом собственное право на контроль над дискурсом.

Власть конструирует массу с собственной санкции, собирая её, управляя ею и распуская её, вплоть до того момента, когда она будет снова необходима. Любая несанкционированная организация массы вызывает её негативную реакцию. В случае с возмущением районного чиновника мы видим реакцию на попытку солидаризации снизу, когда размеры протестной массы оказались для власти достаточно чувствительными. Что-то подобное мы можем увидеть в моменты несанкционированных мероприятий, когда градус репрессий власти в отношении несанкционированной организации массы может достигать критических показателей. С другой стороны, власть в периоды кризисов собственной легитимности склонна обращаться к массе. В частности, мы отчётливо видим это в период частичной мобилизации в сентябре 2022 года. Власть всегда заинтересована в одобрении собственных действий как можно большей частью общества. Доказывает это и недавний референдум по поправкам в Конституцию Российской Федерации. Заметно стремление заручиться поддержкой масс в период избирательных кампаний, что мы и рассмотрим на примере ряда сюжетов.

Легитимация власти и формы массы в избирательных кампаниях

Мнение массы всегда учитывается в той или иной легитимационной истории власти. Чем большее количество людей поддерживает власть, тем более уверенной она чувствует себя. Власть прекрасно понимает необходимый минимум для легитимации, отсюда, любое неконтролируемое разрастание массы может угрожать её легитимности. Заметим, как в избирательных кампаниях власть может «сушить явку», делать выборы достаточно пресными. В последнее время в современной России можно увидеть, как избирательные кампании – от региональных – к муниципальным – теряют свою красочность. Всё меньше кандидатов вкладывается в агитацию. В выборах становится меньше элемента шоу. Всё говорит о предсказуемости. Любое количество пришедших на избирательные участки будет достаточным для победы.

Бывают и обратные ситуации, когда в пользу власти может говорить конструирование большой массы. В тот самый момент власть может быть крайне заинтересована в высокой явке, доказывающей высокое доверие к самому институту выборов. Динамическое движение большой массы, задействованной в легитимации власти, может симулироваться убедительной визуализацией, к которой прибегают лояльные медиа. Это большие цифры, убедительные проценты, жирные линии и толстые столбцы диаграмм и опросов общественного мнения. Торжество большой массы предвещают экзит-поллы, подготавливая общество к убедительной победе главных кандидатов. Волеизъявление масс становится всё более управляемым с момента появления на избирательных участках КОИБов. Машина берёт на себя волеизъявление массы, концентрирует его в себе и демонстрирует в необходимый момент.

Активность больших масс предшествует и самим выборам. Массы лишней раз демонстрируют свою зависимость от власти в тот момент, когда участвуют в многочисленных мероприятиях и концертах, встречах и церемониях, автопробегах и пробежках. Очень популярной формой в настоящий момент на местных выборах стала организация субботников, в которых принимают участие кандидаты со своими командами. Так как кандидаты от власти, в большинстве случаев, являются руководителями разного уровня, то нужно заметить, что в состав команды обычно входят его непосредственные подчинённые. Накопленный автором данной статьи

материал, складывающийся из длительной практики наблюдения за организацией политических кампаний в российской провинции, позволяет увидеть практически те же самые формы и способы организации собственной легитимации главврачом поликлиники, директором школы, заведующей детским садом и т.д. Наконец, никуда не выпадает и классика организации нужной массы. Это мы видим в самых разнообразных формах – от трудового коллектива – до родительского собрания.

Нужно понимать, что сегодня зависимость от власти по месту работы (особенно в организациях бюджетной сферы) сегодня, по сути дела, превращается в участие по звонку в любых предвыборных мероприятиях на стороне конкретных кандидатов или партий. Устраиваясь на работу, человек по умолчанию принимает на себя ответственность по подобному участию. Подробности такого контракта ему не объясняются, но это как будто бы подразумевается по умолчанию. Страх отказаться от участия в таких активностях присутствует изначально. «Страх становится мобилизующим принципом», - С. Жижек [5, с. 36]. Это касается не только мероприятий, рассматривающихся в треке избирательной кампании. Обыкновенная политическая рутина обязана к постоянному присутствию самого общества, выступающему ключевым исполнителем капризов власти. Тем не менее, мы прекрасно понимаем, что демонстрируемый «снизу» консенсус на деле может оказаться вполне себе иллюзорным.

Фундаментальная природа страха может маскироваться вполне благовидными впечатлениями. Власть производит радость, вызывает положительные эмоции и управляет ими. В частности, об это говорит И. Волгин, когда отмечает, что «ликование и восторги устраиваются государством и исходят от него». Именно власть выступает «источником и целью легальных общественных возбуждений» [4, с. 264]. Иными словами, если на День города избиратели видят фейерверк, то позитивный feedback может быть обращён как самой власти, устроившей роскошное действо. В положительной реакции сопрягается и текущий момент, равно, как и будущее. В глазах общества власть выглядит легитимной, а непосредственный руководитель, устроивший такие чудеса, расширяет своё потенциальное влияние на общественную массу.

Игра в избирательных кампаниях: опыт современной российской провинции

В современном мире становится всё больше игры. Игра захватывает и пространство политического. Правда, при этом политический мир рассматривается двояко.

С одной стороны, политика выступает как театр с набором актёров и ролей. Репертуар театра при этом не является разнообразным. В данном смысле политика выглядит предсказуемо и даже скучно. И власть, и масса управляются экзистенциальными силами – высшим разумом, историческим процессом, случаем и т.д. Игра претерпевает различные повороты, изменяясь от действия, зарегулированного правилами, - к действию, где решающая роль принадлежит случайному стечению обстоятельств.

С другой стороны, в игре ключевая роль принадлежит власти, ведь именно она проектирует игровое поле, расставляет актёров, создаёт нормы и определяет сам ход игры. Наконец, выборы есть состязание, кампания, интеллектуальная схватка, конкуренция политических программ, проектов и образов будущего. Именно власть направляет массу в том направлении, которое необходимо. Именно власть институционализирует «тенденцию к состязательности», следуя замечанию французского социолога Р. Кайуа [6, с. 73]. Накануне городской избирательной кампании в Ельце Липецкой области была презентована настольная игра «Мы из Ельца», название которой совпало с названием избирательной коалиции лояльных власти политиков и общественников. Данное название маскировало политиков от «Единой России», сделав из частью городского патриотического блока. Примечательно, что в период презентации игры на различных городских площадках можно было увидеть кандидатов в депутаты от власти, присоединившихся к игре вместе с молодежной общественностью.

Уже отмечавшийся нами случайный элемент игры, её капризная и непредсказуемая природа присутствует и в период выборов. Игровой характер может принимать и обыкновенная избирательная рутина. Нередки случаи, когда кандидаты, соперничая за внимание избирателей, выполняют большие объёмы работ в своих избирательных округах, как будто соревнуясь друг с другом не только в фактических результатах работ, но и в толщине кошельков. Избиратели ждут начала избирательной кампании (осо-

бенно на муниципальном уровне), потому как чувствуют, что за право приобретения их лояльности может начаться настоящее соревнование.

Известны случаи, когда в интересах повышения явки избирателей на участки власти проводят беспроигрышные лотереи, разыгрывая ценные призы. В богатых субъектах Российской Федерации могут разыгрывать даже квартиры.

Подобную логику можно увидеть и в попытках организации и Интернет-массы. Она также вовлекается в игру с помощью всевозможных голосований, конкурсов лайков и репостов с рандомным определением победителей.

Избирательные кампании в различные периоды советской и российской истории всегда преподносились массам как праздник, как торжественный и долгожданный день.

Заигрывание властью с массой в собственных интересах можно увидеть и в практике проведения в период избирательной кампании различных концертных мероприятий. Зачастую избирательная кампания накладывается на традиционный праздничный календарь. В таком случае торговые ярмарки и творческие фестивали, спортивные мероприятия и многочисленные городские праздники следует рассматривать как дополнительные агрегаторы организации массы в интересах правящего класса.

Сезонный характер выборов позволяет уложить в избирательную кампанию и День города, широко проводящийся во многих российских муниципалитетах. Праздничные ожидания подогревает выступления какой-либо столичной поп-звезды и обязательный фейерверк. Такие мероприятия властью обычно представляются как подарки общественности. Всё это добавляет праздничной атмосфере необходимого драйва, использующегося властью в процессе политической легитимации.

В осенней избирательной кампании 2022 года был замечен акцент на милитаристическом дискурсе. Власть использовала свои шансы и в миметических практиках в тот момент, когда следовало ассоциироваться с массой в едином дресс-коде (Z-символика на бейсболках, футболках, наклейки на автомобилях), равно, как и в конкретных действиях (участие в патриотических мероприятиях, конкретные выступления, гуманитарные акции, автопробеги и т.д.). Подобные формы краудсорсинга в период избирательной кампании, наверное, сегодня являются уже общим местом, что подтверждают case-study конкретных кампаний [14].

В современной политике, вне зависимости от её уровня, практически любое действие власти может иметь отложенный легитимационный эффект. Власть прекрасно понимает, что со временем её придётся избираться, заново проходя процедуры производства общественного доверия. Отсюда, власть всегда стремится контролировать как можно большее количество людей, соединяя их воедино с помощью тех или иных технологий. Сегодня получают популярность флэшмобы, требующие большого количества людей. Власть использует подобные формы общественного единения в своих интересах. Определённые позитивные эффекты подобные формы коммуникации несут и для общественности. Чем больше количество задействованной массы, тем более отчётливой может быть визуализация единения власти и общества.

Интересно, как одно и то же действие власти повторяется на других её уровнях. Федеральная власть формирует моду для региональной власти. В свою очередь, региональная власть задаёт определённые эстетические стандарты для муниципалитетов. К весне 2023 года в Липецке было высажено 60 тыс. луковиц тюльпанов [3]. В свою очередь, в акции, проходившей в Елецком районе по высадке 20 тыс. луковиц тюльпанов, принимало участие 200 человек [14].

Между кнутом и пряником: место выводов

Как можно увидеть из нашего рассуждения, значение массы в политических процессах не умаляет себя, а, наоборот, заставляет считаться с собой. Высокий потенциал массы в политических процессах всякий раз беспокоит власть по мере наступления политического кризиса, являясь для правящего класса поводом для беспокойства и сомнения. При очевидных практиках использования массы для легитимации собственной политической позиции по принципу «все средства хороши», власть не может не понимать и необходимости в определённых и ходах навстречу. Власть способна поддерживать массу разовыми жестами, прекрасно понимая, насколько они могут катализировать доверие к ней. Что-то подобное мы можем увидеть в стилистике нынешнего российского президента. В частности, можно вспомнить о единовременных выплатах на ребёнка при подготовке к школе в 2021 году, или выплатах пенсионерам в 2021 г.

Управляя массой, и направляя её в своих целях, власть не отказывает себе и в смягчающих практиках, когда вместо условного кнута, ис-

пользует пряник. Заигрывание с массой так же необходимо, как и производство страха внутри массы. Проекция федеральной политики мы можем увидеть и на других уровнях власти. «Игровая составляющая политического процесса сохраняет себя вне зависимости от исторической ситуации, присутствуя во всех пространственно-временных континуумах политики» [13, с. 1383], и, стало быть, имеет свои проявления в самых различных формах взаимодействия элиты и общества, а, в случае нашего рассуждения, власти и массы.

При определенном балансе управления настроениями масс, обращают на себя внимание и некоторые тревожные моменты. При снижающемся уровне экономических свобод, происходящих параллельно с продолжающимися практиками фискального выжимания массы, значительно возрастает стоимость успокоительного, которое вскоре может добавлять раздражения массе, вместе с тем, сообщая ей уверенность в её скрытом потенциале, с которым считается власть. Вместе с этим, страх смерти, на котором конструируется подчинение, может уступать место экзистенциальному страху, который власть не способна контролировать.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, Универс, 1989. 615 с.
2. Бюджетниками оказалась половина россиян. Более 60 млн человек зависят от бюджета. Капитал страны. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/budjetnikami_okazalas_polovina_rossiyan_bolee_60 mln_chelovek_zavisyat_ot_b/ (дата обращения 02.10.2022).
3. В Липецке высажены около 60 тысяч тюльпанов / gorod48.ru. URL: <https://gorod48.ru/news/1935608/> (дата обращения 26.10.2022).
4. Волгин М. Последний год Достоевского. Москва: Известия, 1990. 656 с.
5. Жижек С. О насилии. Москва: Европа, 2010. 184 с.
6. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. Москва: ОГИ, 2007. 304 с.
7. Красный Эйзенштейн. Тексты о политике. Москва: Common Place, 2017. 386 с.
8. Лебон Г. Психология народов и масс. Челябинск: Социум, 2010. 379 с.

9. Московичи С. Машина, творящая богов. Москва: Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.

10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. Москва: АСТ, 2008. 347 с.

11. Панищев А.Л. Русский Ренессанс: человек между Богом и бесом. Москва: Издательство Академии Естествознания, 2007. 232 с.

12. Путин заявил, что ассоциирует себя с «низами», а не с «верхами». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5634816> (дата обращения 26.10.2022).

13. Скиперских А.В. Политика как игра: российская проекция // Вопросы политологии. 2022. Том 12. №5(81). С. 1386-1385.

14. Скиперских А.В. Особенности политизации городского мифа «Мы из Ельца» в условиях проведения электоральной кампании (на примере Липецкой области) // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. №6. С. 48-66.

15. Тюльпаны Побед» / krai-rodnoi.ru. URL: <https://krai-rodnoi.ru/news/obshchestvo/tyulpany-pobedy> (дата обращения 26.10.2022).

16. Хевеши М.А. Толпа, массы, политика: Историко-философский очерк. Москва: Институт философии РАН, 2001. 223 с.

References

1. Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. Moskva: Progress, Univers, 1989. 615 s.

2. Byudzhetikami okazalas' polovina rossiyan. Bolee 60 mln chelovek zavisyat ot byudzheta. Kapital strany. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/budjetnikami_okazalas_polovina_rossiyan_bolee_60 mln_chelovek_zavisyat_ot_b/ (data obrashcheniya 02.10.2022).

3. V Lipetske vysazheny okolo 60 tysyach tyul'panov. gorod48.ru. URL: <https://gorod48.ru/news/1935608/> (data obrashcheniya 26.10.2022).

4. Volgin M. Poslednii god Dostoevskogo. Moskva: Izvestiya, 1990. 656 s.

5. Zhizhek S. O nasilii. Moskva: Evropa, 2010. 184 s.

6. Kaiua R. Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury. Moskva: OGI, 2007. 304 s.

7. Krasnyi Eizenshtein. Teksty o politike. Moskva: Common Place, 2017. 386 с.

8. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. Chelyabinsk: Sotsium, 2010. 379 s.

9. Moskovichi S. Mashina, tvoryashchaya bogov. Moskva: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998. 560 s.

10. Ortega-i-Gasset Kh. Vosstanie mass. Degumanizatsiya iskusstva. Beskhrebetnaya Ispaniya. Moskva: AST, 2008. 347 s.

11. Panishchev A.L. Russkii Renessans: chelovek mezhdru Bogom i besom. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Estestvoznaniya, 2007. 232 s.

12. Putin zayavil, chtu assotsiiruet sebya s «nizami», a ne s «verkhami». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5634816> (data obrashcheniya 26.10.2022).

13. Skiperskikh A.V. Politika kak igra: rossiiskaya proektsiya // Voprosy politologii. 2022. Tom 12. №5(81). S. 1386-1385.

14. Skiperskikh A.V. Osobennosti politizatsii gorodskogo mifa «My iz El'tsa» v usloviyakh provedeniya elektoral'noi kampanii (na primere Lipetskoj oblasti) // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk. 2022. T. 17. №6. S. 48-66.

15. Tyul'pany Pobedy. krai-rodnoi.ru. URL: <https://krai-rodnoi.ru/news/obshchestvo/tyulpany-pobedy> (data obrashcheniya 26.10.2022).

16. Kheveshi M.A. Tolpa, massy, politika: Istoriko-filosofskii ocherk. Moskva: Institut filosofii RAN, 2001. 223 s.

**Н.В. Алексеев,
С.В. Алексеев**

**N. Alekseev,
S. Alekseev**

УЧАСТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

PARTICIPATION OF CHURCH ORGANIZATIONS IN THE ELECTORAL PROCESS

Аннотация

Рассмотрено участие церковных организаций в общественно-политической жизни (на примере Польши, Грузии, США и России). Традиционные религиозные институты в общественно-политических процессах длительное время выступали и выступают в качестве социально-политических институтов. Они считаются субъектами, поскольку могут оказывать влияние на политический класс в принятии каких-либо решений и лоббировании законодательных инициатив. В период усиления глобализационных процессов взаимодействие государства и церкви видоизменяется в зависимости от политико-правовых и социокультурных традиций, сложившихся в обществе, что в итоге отражается на внутренней и внешней политике государства и церкви. Секуляристские настроения, которые при глобализации считаются главенствующими, направлены на ослабление влияния религиозных конфессий, тем не менее традиционные религиозные институты продолжают пользоваться авторитетом среди определенных категорий населения в общественно-политических процессах. А реакция со стороны религиозно настроенных граждан, считающих, что церковь является культурообразующим фактором в сохранении традиционнo-нравственных начал в обществе, лишь усиливает их участие. По этой причине в периоды избирательных кампаний зачастую наблюдается ситуация, когда представители церкви принимают участие в избирательном процессе, призывая граждан голосовать за кого-либо, а в партийных программах политических партий содержатся религиоз-

Abstract

The participation of church organizations in sociopolitical life is considered (based on the example of Poland, Georgia, the USA and Russia). Traditional religious institutions in sociopolitical processes have long acted and still act as sociopolitical institutions. They are considered as subjects as they can influence the political class in making decisions and lobbying for legislative initiatives. During the intensification of globalization processes, the interaction between state and church changes depending on political, legal and sociocultural traditions that developed in society, which affects the domestic and foreign policies of state and church. Secularist views that are considered dominant during globalization are aimed at weakening the influence of religious denominations. Nevertheless, traditional religious institutions remain authoritative among certain categories of the population in sociopolitical processes. The reaction on the part of religious citizens who believe that the church is a culture-forming factor in the preservation of traditional moral principles of society only strengthens their participation. For this reason during election campaigns church representatives often take part in the electoral process, calling on citizens to vote for a certain candidate, and the party programs of political parties contain religious (particularly Christian) narratives

ные нарративы с христианским повествованием.

Ключевые слова:

государство, церковь, государственно-церковные отношения, избирательный процесс, глобализация, секуляризм.

Key words:

state, church, state-church relations, electoral process, globalization, secularism.

В последние десятилетия происходит трансформация государственно-церковных отношений, вызванных глобализационными процессами. Под глобализацией, как правило, понимают усиливающуюся интеграцию экономик и обществ во всём мире [7]. Глобализация, оказывая противоречивое влияние на все сферы общественной жизни, актуализирует значимость участия традиционных религиозных институтов в общественно-политической жизни. Церковь продолжает пользоваться доверием во многих странах [21, с. 389]. С одной стороны, из-за глобализации повсеместно распространяются секуляристские ценности, направленные на уменьшение влияния религии, а с другой стороны, активизируются противоположные им процессы, усиливающие роль церкви в делах государства и общества, что было характерно для всего постсоветского пространства в конце XX в., когда феномен религиозного ренессанса проявился в полном объёме и представители церкви приняли повсеместное участие как в духовных практиках, так и в избирательных кампаниях. Из-за активного участия представителей церкви в избирательных процессах стала меняться форма взаимодействия с органами государственной власти (от противостояния к сотрудничеству и т.д.), т.е. происходило комплексное видоизменение государственно-церковных отношений. Разрабатывается и принимается новая актуальная нормативно-правовая база, отвечающая веяниям эпохи, что позволило религиозным конфессиям выступать в общественно-политической жизни не только в качестве социально-духовных, но и социально-политических институтов, поскольку со времён Советской власти взаимодействие государства и церкви в странах восточного блока из-за атеистической политики коммунистической партии ограничивались рамками культовой деятельности.

Но даже в условиях господства атеизма представители церкви продолжали считаться субъектами политики, пользовались популярностью среди ряда категорий граждан, а в периоды государственных кризисов выступали на стороне оппозиции с целью свержения действующей власти.

Так было с польским костёлом, который на протяжении всего периода существования советской власти пользовался безоговорочным авторитетом среди религиозно-настроенных масс и нелегальной оппозиции, поскольку в силу своих возможностей проводил антисоветскую политику и контрреволюционную деятельность. Польское правительство, не сумев до конца ограничить влияние местной католической церкви, позволило последним принимать не только латентное, но и открытое участие в польских политических процессах. Так, с 1949 г. местные власти проводили широкомасштабное наступление на позиции костёла в армии, школе, детских садах и клубах, выносили религиозные символы из учебных заведений, национализировали больницы при костёлах и многое другое, но ослабить позиции церкви до конца не удалось [15, с. 612-613]. И на протяжении всего послевоенного времени костёл оставался идейным противником коммунистической власти, а стратегия высших иерархов церкви, направленная на избегание прямых столкновений с польскими властями, возымела силу через ближайшие десятилетия [8, с. 39]. Поэтому уже в период перестройки церковь сразу же перешла в открытое противостояние с польским правительством, а католические священнослужители выступили с инициативной поддержкой антисоветского, подпольного движения «Солидарность»: «В костёлах устраивались выставки, встречи, ставились спектакли патриотического движения. Церковь организовывала сбор средств для семей арестованных... По данным спецслужб, в 1982 году только 5-10% духовенства активно поддерживали «Солидарность», большинство же проявляло лояльность в той или иной степени» [15, с. 830]. После падения Советской власти католические священники принимали непосредственное участие во многих избирательных кампаниях, поддерживая тех или иных кандидатов, продвигавших идеи укрепления польской государственности и польского национализма, и выступали против тех, кто ратовал за сохранение советского прошлого. А новая правящая польская элита корнями глубоко уходила в оппозиционные движения прошлых лет [5, с. 245].

Церковь как институт принимает активное участие в социальном служении [18, с. 60]. Для большинства сторонников и представителей церкви последняя больше ассоциируется с социально-духовным, нежели с социально-политическим институтом. Религиозные конфессии, будучи вне политики, по их мнению, должны принимать активное участие в государственном управлении. Этому поспособствовала меняющаяся парадигма в

общественном устройстве, когда религиозные ценности перестали быть главенствующими, как было в прошлые исторические эпохи, и поэтому церковь желала восстановить религиозное мировоззрение в качестве важнейшего элемента в общественном сознании. Любые вопросы, связанные с отстаиванием религиозно-нравственной тематики, приобретают особую остроту в периоды общественно-политических коллапсов. Конфессиональные ценности воспринимаются религиозными участниками политики в качестве основы по консолидации различных групп с целью увеличения численности церковной пасты. А с учётом того, что глобализация изменяет современные морально-нравственные ценности, консервативные идеи, проповедуемые традиционными религиозными институтами, выступают в качестве реакции на их распространение. Идеи, внедряемые массовой культурой, не всегда могут отвечать интересам тех церквей, которые выступают за сохранение традиционно-нравственных начал в общественной жизни [2, с. 65]. К примеру, Русская Православная Церковь (РПЦ) негативно относится ко многим явлениям массовой культуры, которые, по их мнению, активно навязываются с помощью глобализации молодому поколению [1]. Традиционные конфессии поддерживают лишь те положения глобализации, которые не ущемляют права и свободы граждан, интересы христианства и церковные догматы. Ж.И. Кальвез пишет, что к культурным аспектам глобализации Римско-католическая церковь относится сдержанно, но «предупреждает, что некоторые культуры, ограниченные узкими географическими рамками, рискуют быть раздавленными под напором более сильных и способных навязать себя культур» [12, с. 64]. Однако не все церкви (в большей степени протестантские) готовы отстаивать традиционные начала в новом глобализационном мире, и наиболее консервативно настроенной остаётся РПЦ, которая поддерживает курс российского правящего класса в продвижении идей русского мира и традиционных ценностей.

Представители церкви понимают, что один из способов сохранения традиционных ценностей в общественном сознании связан с участием духовенства в общественно-политических процессах. В периоды электоральных циклов духовные пастыри получают больше возможностей, чтобы донести церковную позицию до более широкого круга лиц, тем более что в эти периоды появляются агитационные площадки, где можно проводить проповеди среди сочувствующих и оппозиционно настроенных граждан. А

поддержка тех или иных кандидатов, продвигающих политические программы по сохранению духовно-нравственных и национальных ценностей, позволяет организовать вокруг себя новые кадры из числа будущей политической элиты, которые в дальнейшем могут стать аффилированными с церковью политиками.

Наиболее ярко указанная парадигма проявилась в Грузии, где государство, будучи светским, на законодательном уровне закрепило за Грузинской Православной Церковью (ГПЦ) исключительную роль в делах страны. А во время президентских и парламентских выборов в 2008 году, как пишет С. Дундуа: «...кандидаты в президенты и почти все политические партии и блоки апеллировали к религии, поднимая вопрос отношений государства и Грузинской православной церкви» [9, с.199]. А с учётом того, что большинство жителей Грузии по вероисповеданию являются православными, то для них позиция ГПЦ в ряде вопросов остаётся главенствующей. По этой причине автор продолжает: «...уровень доверия населения к Православной церкви и апеллирование к ней практически всех политических акторов... является одной из самых авторитетных и влиятельных сил грузинского общества» [9, с. 204]. Наличие клерикально настроенных политиков и клерикальных партий в Грузии приводит к тому, что ГПЦ выступает в качестве полноправного актора в политических процессах. При этом, как отмечает историк М.В. Кирчанов, сегодня ГПЦ «относится к числу реальных консолидирующих политических, общественных и культурных институтов, мимикрировала из движений светских в партии, актуализирующие в своих идеологических программах традиционные ценности и религиозные принципы» [13, с. 112]. Руководители ГПЦ не стесняются высказываться на многие исторические и политические темы; вопросы, связанные с внешней политикой грузинских властей, также выступают с критикой тех событий, которые затрагивают российское прошлое и настоящее. Как правило, к русской культуре предъявляются негативные нарративы. Всё советское прошлое для них ассоциируется с «тоталитаризмом», «национальной трагедией» и т.д. [14, с. 96-97]. Подобные и прочие неуместные высказывания зачастую служат отличным фундаментом в формировании общественного мировоззрения несознательных и молодых граждан, которые стремятся исказить историю, во всех грехах человечества обвиняют Советскую власть, тогда как действительность выглядела совсем иначе. Мнение церкви для таких людей зачастую играет жизненно ориентирую-

щую роль при обсуждении социально-политических вопросов, религиозность стала определяться в качестве важнейшей черты политиков, а представители ГПЦ превратились в духовных лидеров грузин [17, с.129].

Секуляризм хоть и считается основополагающим признаком в государственно-церковных отношениях в условиях глобализации, однако этот принцип никак не приводит к разрыву отношений с религиями. Наоборот, он сопровождается постепенным нивелированием и ретушированием секуляристских настроений среди граждан, поскольку духовенство старается выстраивать партнёрские отношения с правящим классом. Секуляризм в условиях глобализации приобретает аморфный характер, будучи испокон веков процессом, направленным на отделение государства от церкви, активизирует участие церковных институтов в делах государства и в международных отношениях, тогда как в Советском Союзе при секуляризме происходил разрыв всех контактов с религиозными конфессиями. Сегодня идеи секуляризма во многих странах, считаясь главенствующими, почти никак не отражаются на деятельности церкви в общественно-политических делах (Германия, Россия, США и др.). Государства, будучи светскими, стараются отходить от религиозной практики, но не ущемлять граждан в правах, стремятся отделиться от церкви на законодательном уровне, но не на общественном, чтобы уменьшить влияние религиозно-церковных ценностей. Но сама практика отделения никак не ослабляет взаимодействие, а местами и вовсе усиливает значимость участия духовных пастырей в делах общества и государства (государства, отделяясь от церкви, не способны отделить церковь от общества). Светский характер в государственно-церковных отношениях хоть и направлен на распространение идей секуляризма, но не ведет к полному отделению церкви от государства и школы, как это было во времена Советского Союза.

Поэтому получается, что в США церковь хоть и отделена от государства (доминирует модель "светское государство в государственно-церковных отношениях"), но на практике церковные организации продолжают играть значительную роль. Так, в США активно продвигаются курсы по изучению Библии и многие другие религиозные мероприятия. Долгие годы сохраняются феномены церковной политизации, церковная активность продолжает влиять на общественное мнение, выборы и юридические результаты [20, с. 36]. В периоды избирательных кампаний это становится очевидным, когда после каждой речи звучат высказывания: «Боже, благо-

слова Америку». Президенты США в инаугурационных речах используют в том или ином контексте отсылки к Библии, отрывки из религиозно-христианских проповедей и т.д. И такая практика сохраняется уже долгие годы. Так, советский религиовед Л.Н. Великович приводил следующий факт: «Особенно в этом отношении отличился Никсон. С января 1969 г., т.е. со времени вступления его в должность президента, в Белый дом по воскресеньям приглашали проповедников разных церквей, чтобы проводить богослужения» [4, с. 7]. Государственные деятели стараются продемонстрировать благочестие к религии и свою набожность, чтобы граждане не усомнились в религиозности политиков. В свою очередь религиозные нарративы также используются для сиюминутных политических целей, как, например, было с Р. Рейганом, когда тот заявлял, что в мире существует грех и зло, идентифицируемое с коммунизмом, а Священное писание и Господь Иисус Христос призывают противостоять ему, не останавливаясь перед угрозой войны [10, с. 293]. Религиозные конфессии, будучи отделенными на законодательном уровне от государства, никак не отделены от участия в государственной жизни. Президенты США в периоды избирательных кампаний стремятся прилюдно посещать приходские церкви, как было 3 ноября 2020 года с кандидатом в президенты Д. Байденом [3]. А тогдашний действующий президент США Д. Трамп в своих выступлениях и вовсе, как и все предыдущие президенты, постоянно использовал в речах такие понятия, как «Бог, религия, Библия и т.д.».

По этой причине в периоды избирательных кампаний священнослужители пользуются правом голоса (могут повлиять на мнение прихожан в голосовании), когда призывают верующих проголосовать в пользу конкретного кандидата для поддержания устойчивого развития существующих порядков. Связано это с тем, что большинство американцев считают себя верующими людьми, и, чтобы получить наибольшее количество голосов среди избирателей, не стоит лишний раз упоминать об атеистическом мировоззрении. При встрече с избирателями следует учитывать вероисповедание аудитории. Так, к примеру А. Галстян приводит интересный факт: «Буш-младший в 2000 году потерпел фиаско в католическом Мичигане... Бушу пришлось извиниться за то, что он не смог более ясно и четко продемонстрировать свое уважение к католической церкви» [6]. Складывается ситуация, когда определённые религиозные группы предпочитают отдавать свой голос в пользу республиканцев или демократов [16]. По этой причине

формируется символический образ среди электората. К примеру, для республиканской партии он состоит из обеспеченных американцев, белых мужчин и женщин, религиозно настроенных и консервативно ориентированных избирателей, особенно из южных штатов [11, с. 113].

Другим немаловажным критерием в трансформации государственно-церковных отношений в условиях глобализации считается превращение церковных организаций в наднациональные институты. Усиливается международная связь и контакты с другими традиционными религиозными конфессиями, в частности после отказа от атеистической политики со стороны многих государств, подпавших под влияние советско-правовых норм. В международных отношениях у церквей появилось больше возможностей: открываются церковные представительства и структуры за пределами национального государства. Американские евангелисты стараются поддерживать контакты со своими прихожанами за пределами США и стараются с помощью Белого дома оказывать влияние на политику тех стран, где могут преследоваться их сторонники. Однако такая практика может приводить к различным конфликтам между религиозной и светской властью. Недопонимания сохраняются из-за неоднозначных взглядов на религиозные, моральные и культурно-правовые вопросы. К примеру, Римская католическая церковь неоднократно привлекала внимание по поводу замалчивания политических репрессий против демонстрантов в Гонконге [19, с. 14]. Как таковое противоборство между ними не перерастает в открытые столкновения, как это было в прошлые столетия. Сегодня, когда церковь не соглашается с определенными законами и политическими решениями, принимаемыми правящим классом, духовенство старается через аффилированные структуры и сочувствующих политических лиц донести церковную позицию с целью поддержания конструктивного диалога с правящим классом.

Таким образом, современные процессы глобализации, с одной стороны, направлены на трансформацию государственно-церковных отношений в контексте уменьшения роли влияния церкви, а с другой стороны, лишь усиливают значимость участия религиозных конфессий во всех сферах общественной жизни. Церкви пользуются заслуженной поддержкой среди религиозно настроенных граждан и правительств. Церковь как институт гражданского общества получает ряд преимуществ по отношению к другим общественным организациям, поскольку тесное сотрудничество с органами власти позволяет контактировать с правящим классом в области принятия

тех или иных решений. В ряде стран религиозные конфессии и вовсе принимают непосредственное участие в формировании правовых, моральных и культурных ценностей (Грузия и другие). Сотрудничество с политическим классом в различных областях усиливает авторитет традиционных конфессий благодаря социальному служению, благотворительным, культурным и образовательным акциям (США, Россия, Польша и другие). Взаимодействие между ними может быть, как позитивно-конструктивным, так и негативным.

Литература

1. Алексеев Н.В. Церковь в информационном пространстве (историко-политологический экскурс) // PolitBook. 2022. №4. С. 108-121.
2. Алексеев С.В., Сковиков А.К., Шумилов А.В. Дискурс глобализации в РПЦ // PolitBook. 2021. №3. С. 58-68.
3. Байден начал день выборов президента США с посещения церкви. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fa16ac09a79470e65fa1f15> (дата обращения 24.03.2023).
4. Великович Л.Н. Религия и церковь в США. Москва: Наука, 1978. 144 с.
5. Волобуев В.В. "Русский фактор" во взглядах политической оппозиции ПНР и правящей элиты современной Польши // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2012. Т. 7. С. 237-245.
6. Галстян А. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religioznyj-faktor-na-vyborah-v-ssha/> (дата обращения 20.03.2023).
7. Глобализация. URL: <https://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> (дата обращения 18.03.2023).
8. Грыз Р. Римско-католическая церковь в Польской Народной Республике (1944/45-1989): формы сосуществования с режимом и роль идейной оппозиции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. №3. С. 11-43.
9. Дундуа С. Религиозные факторы в политической жизни Грузии (на фоне выборов 2008 года) // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. №1. С. 197-204.
10. Задорожнюк И.Е. Гражданская религия в США, или «вера в Америку»: социальные функции, история и современность. Москва: СГА, 2007. 354 с.

11. Ирхин Ю.В. Выборы 45-го президента США: ключевые особенности, технологии, результаты // *Ars Administrandi. Искусство управления*. 2017. Т. 9. №1. С. 111-131.
12. Кальвез Ж.И. Глобализация и церковь // *Полис. Политические исследования*. 2008. №2. С. 61-67.
13. Кирчанов М.В. Религиозные партии в Грузии: политические платформы и идеологические трансформации // *Центральная Азия и Кавказ*. 2014. Т. 17. №2. С. 106-113.
14. Кирчанов М.В. Церковь в политической жизни современной Грузии: проблемы, противоречия, перспективы // *Кавказ и глобализация*. 2014. Т. 8. №1-2. С. 94-100.
15. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ответственный редактор А.Ф. Носкова. Москва: Индрик, 2012. 952 с.
16. Царевский А.Н. Религиозные организации и выборы в США // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013. №6. С. 389-391.
17. Чарквини Т., Челидзе А. Грузинская православная церковь в публичной сфере: споры о границах участия // *Государство, религия. Церковь в России и за рубежом*. 2016. Т. 34. №2. С. 107-132.
18. Carrogio M. Church communication in the face of vulnerability: a theoretical framework and practical application for information management in cases of the abuse of minors // *Church, Communication and Culture*, 2021. Vol. 6. Issue. 1. P. 58-79.
19. Contreras D. Church communication highlights 2020 // *Church, Communication and Culture*, 2021. Vol. 6. Issue 1. P. 4-16.
20. Stokes E.C., Chicotsky B.K., Billings A.C. The political pulpit: issue framing and conservative partisanship in evangelical protestant pastor`s sermons before and after the 2008 election of Barack Obama // *Church, Communication and Culture*, 2018. Vol. 3. Issue. 1. P. 36-52.
21. Vanzini M. What kind of trust in the Church? A theological reflection // *Church, Communication and Culture*, 2020. Vol. 5. Issue 3. P. 378-395.

References

1. Alekseev N.V. Tserkov' v informatsionnom prostranstve (istoriko-politologicheskii ekskurs) // *PolitBook*. 2022. №4. S. 108-121.
2. Alekseev S.V., Skovikov A.K., Shumilov A.V. Diskurs globalizatsii v RPTs // *PolitBook*. 2021. №3. S. 58-68.
3. Baiden nachal den' vyborov prezidenta SShA s poseshcheniya tserkvi. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fa16ac09a79470e65fa1f15> (data obrashcheniya 24.03.2023).

4. Velikovich L.N. *Religiya i tserkov' v SShA*. Moskva: Nauka, 1978. 144 s.
5. Volobuev V.V. "Russkii faktor" vo vzglyadakh politicheskoi oppozi-tsii PNR i pravnyashchei elity sovremennoi Pol'shi // *Slavyanskii mir v tret'-em ty-syacheletii*. 2012. T. 7. S. 237-245.
6. Galstyan A. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/religioznyj-faktor-na-vyborah-v-ssha/> (data obrashcheniya 20.03.2023).
7. Globalizatsiya. URL: <https://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> (data obrashcheniya 18.03.2023).
8. Gryz R. *Rimsko-katolicheskaya tserkov' v Pol'skoi Narodnoi Respub-like (1944/45-1989): formy sosushchestvovaniya s rezhimom i rol' ideinoi oppozitsii* // *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2016. №3. S. 11-43.
9. Dundua S. *Religioznye faktory v politicheskoi zhizni Gruzii (na fone vyborov 2008 goda)* // *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2010. T. 13. №1. S. 197-204.
10. Zadorozhnyuk I.E. *Grazhdanskaya religiya v SShA, ili «vera v Ameriku»: sotsial'nye funktsii, istoriya i sovremennost'*. Moskva: SGA, 2007. 354 s.
11. Irkhin Yu.V. *Vybory 45-go prezidenta SShA: klyuchevye osobennosti, tekhnologii, rezul'taty* // *Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniya*. 2017. T. 9. №1. S. 111-131.
12. Kal'vez Zh.I. *Globalizatsiya i tserkov'* // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2008. №2. S. 61-67.
13. Kirchanov M.V. *Religioznye partii v Gruzii: politicheskie platformy i ideologicheskie transformatsii* // *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2014. T. 17. №2. S. 106-113.
14. Kirchanov M.V. *Tserkov' v politicheskoi zhizni sovremennoi Gruzii: problemy, protivorechiya, perspektivy* // *Kavkaz i globalizatsiya*. 2014. T. 8. №1-2. S. 94-100.
15. *Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii* / *Otv. red. A.F. Noskova*. Moskva: Indrik, 2012. 952 s.
16. Tsarevskii A.N. *Religioznye organizatsii i vybory v SShA* // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2013. №6. S. 389-391.
17. Charkvini T., Chelidze A. *Gruzinskaya pravoslavnaya tserkov' v publichnoi sfere: spory o granitsakh uchastiya* // *Gosudarstvo, religiya. Tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2016. T. 34. №2. S. 107-132.
18. Carrogio M. *Church communication in the face of vulnerability: a theoretical framework and practical application for information management in cases of the abuse of minors* // *Church, Sommunication and Sulture*, 2021. Vol. 6. Issue. 1. P. 58-79.
19. Contreras D. *Church communication highlights 2020*. *Church, Communication and Culture*, 2021. Vol. 6. Issue 1. P. 4-16.
20. Stokes E.C., Chicotsky B.K., Billings A.C. *The political pulpit: issue framing and conservative partisanship in evangelical protestant pastor`s sermons before and after the 2008 election of Barack Obama* // *Church, Sommunication and Sulture*, 2018. Vol. 3. Issue. 1. P. 36-52.
21. Vanzini M. *What kind of trust in the Church? A theological reflection*. *Church, Communication and Culture*, 2020. Vol. 5. Issue 3. P. 378-395.

СТАТЬИ

П.В. Закрепин

СУБЪЕКТ РФ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация

На основании анализа, синтеза, диалектического и историко-сравнительного методов проанализирована региональная политика в современной России. Акцентировано внимание на историческое прошлое российского государства. Проведен всесторонний анализ субъекта Российской Федерации в контексте эволюции развития отечественной политической науки. Выделены основные характеристики субъекта Российской Федерации с учетом типологии политических режимов, сформированных политических культур, политической практикой взаимоотношений между центром и регионами. Сделан вывод о динамике развития регионального политического процесса в контексте внутренних и внешних вызовов в средне- и долгосрочных перспективах. Приводятся элементы анализа нормативно-правовой и правоприменительной практики существования института субъекта Российской Федерации, раскрываются особенности статуса и отличия разных типов субъектов. Рассмотрены несколько сценариев дальнейшей трансформации региональной системы Российской Федерации, в том числе в отношении работы системы на уровне единичного региона. Производится сравнение траекторий развития и существования разных типов субъектов Российской Федерации: республик, краёв, областей, городов федерального значения, автономных округов и автономной области. Несмотря на разницу в сфере этнического, национально-элитного и регионально-элитного баланса, на некоторую

P. Zakrepin

THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN OBJECT OF RESEARCH IN DOMESTIC POLITICAL SCIENCE

Abstract

Regional policy in modern Russia is analyzed on the basis of analysis, synthesis, dialectical and historical-comparative methods. Attention is focused on the historical past of the Russian state. A comprehensive analysis of the subject of the Russian Federation in the context of the evolution of the development of domestic political science is carried out. The main characteristics of the subject of the Russian Federation are highlighted, taking into account the typology of political regimes, formed political cultures, and the political practice of relations between the center and the regions. The conclusion is made about the dynamics of the development of the regional political process in the context of internal and external challenges in the medium and long-term prospects. The elements of the analysis of the regulatory and law enforcement practice of the existence of the institute of the subject of the Russian Federation are given, the peculiarities of the status and differences of different types of subjects are revealed. Several scenarios of further transformation of the regional system of the Russian Federation are considered, including in relation to the operation of the system at the level of a single region. The trajectories of development and existence of different types of subjects of the Russian Federation are compared: republics, territories, regions, cities of federal significance, autonomous districts and autonomous region. Despite the difference in the sphere of ethnic, national-elite and regional-elite balance, despite some difference in political cultures, most

разницу политических культур большинство трендов укладываются в общефедеральную повестку. В свою очередь, отмечается необходимость дальнейшей экспертной и исследовательской работы в области анализа конфликтов в сфере взаимодействия национальностей, религиозных и этнических групп, элит, существующих как на собственном региональном уровне, так и на уровне межрегионального сотрудничества, а также сферы общенациональной (или другими словами, федеральной) модерации и управления. Система субъектов Российской Федерации продолжает развиваться несмотря на то, что существует уже более тридцати лет, главной целью этого развития является адекватный ответ на вызовы современности.

Ключевые слова:

Россия, политическое развитие, политический режим, политическая культура, политическая структура, политическая наука, региональная политика.

trends fit into the federal agenda. In turn, there is a need for further expert and research work in the field of conflict analysis in the sphere of interaction of nationalities, religious and ethnic groups, elites existing both at the regional level proper and at the level of interregional cooperation, as well as in the sphere of national (or in other words, federal) moderation and management. The system of the constituent entities of the Russian Federation continues to develop despite the fact that it has existed for more than thirty years, the main goal of this development is an adequate response to the challenges of modernity.

Key words:

Russia, political development, political regime, political culture, political structure, political science, regional policy.

На протяжении последних трех десятилетий ученые В.Я. Гельман, А.В. Дахин, Ю.И. Матвеев, М.В. Кирчанов, О.А. Нестерчук, Р.Ф. Туровский объектом ряда своих исследований определяли региональную политику [10; 14; 16; 18; 23; 27; 28]. Трансформационные процессы в отдельно взятом субъекте Российской Федерации обусловлены многими внутренними и внешними факторами и оказывают существенное влияние на поддержание в устойчивом равновесии сложившуюся политическую систему [1; 2; 24; 29].

На политической карте России постоянно происходят изменения в численности субъектов Российской Федерации.

Субъект Российской Федерации имеет своё нормативно-правовое описание, но при этом не имеет чёткого определения в Основном Законе страны.

Согласно Конституции Российской Федерации, субъект Российской Федерации обладает следующими характеристиками:

- является единицей и составной частью Российской Федерации;

– может быть представлен в форме республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа (при этом данные формы равны между собой);

– республика имеет свою конституцию и законодательство;

– край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство [20].

Субъект Российской Федерации может обладать собственной юрисдикцией, отличной от других, если последняя не противоречит Конституции Российской Федерации. Субъекты Российской Федерации обладают собственными и совместными с федеральной властью полномочиями. При этом первые в Конституции Российской Федерации не называются, а лишь указывается, что: «Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти» [20].

Исходя из вышеуказанных характеристик, субъект Российской Федерации можно определить следующим образом: субъект Российской Федерации — это административно-территориальная единица, входящая в состав Российской Федерации и представленная в различных равноправных формах, обладающая собственными и совместными юрисдикциями и полномочиями взаимодействия с федеральным центром. Однако данное определение является лишь идеальным нормативным представлением, закрепленным в Конституции Российской Федерации, и ограничивается только правовой стороной вопроса.

Важно подчеркнуть, что, в отличие от административно-территориальных единиц в унитарном государстве, субъекты Российской Федерации, как составная часть федеративного государства, обладают большим политическим влиянием на своей территории. Если органы власти у первых образуются преимущественно из «центра» (за исключением местного самоуправления), то у федеративных единиц — внутри самого субъекта.

В политологической науке существует множество подходов к типологии субъектов Российской Федерации. Обратим внимание на позицию политолога Р.Ф. Туровского, который еще на рубеже второго и третьего тысячелетия в своих работах справедливо обратил внимание, что большинство работ, посвященных политическим типологиям регионов России,

имеют приставку «политические режимы». Такое определение закрепились в отечественной политической науке из-за интереса к темам демократизации и гибридных режимов на волне распада СССР и укрепления связей с западноевропейскими странами и США.

В.Я. Гельман в одной из своих работ, используя двухмерную модель М. Шугарта и Д. Кэри, предпринял попытку дать аргументированную оценку политическим режимам субъектов Российской Федерации. Стоит отметить, что данная модель зарубежных политологов была разработана для сравнительного анализа властных институтов различных стран и призвана дать оценку политическому режиму государства в целом, а не отдельной федеративной единице.

При анализе модели В.Я. Гельман правомерно полагает о целесообразности формулировании двух вопросов:

1. Кто и в какой степени контролирует состав кабинета – ассамблея или глава региона?

2. Возможно ли сосуществование кабинета и ассамблеи в условиях взаимного недоверия? [9, с. 88].

Соответственно, комбинация ответов на сформулированные вопросы даёт нам понимание, к какому типу относятся те или иные субъекты:

– «президентский (всенародные выборы главы региона, определяющего состав кабинета и имеющего широкие нормотворческие полномочия);

– президентско-парламентский (всенародные выборы главы региона, располагающего широкими нормотворческими полномочиями, определяющего состав кабинета с полного или частичного согласия ассамблеи и в ряде случаев имеющего право роспуска ассамблеи при вынесении ею недоверия кабинету);

– премьер-президентский (всенародные выборы главы региона, обладающего широкими нормотворческими полномочиями при подотчетности кабинета ассамблее);

– парламентский (глава региона независимо от характера избрания весьма ограничен в своих полномочиях, а кабинет подотчетен ассамблее)» [9, с. 88].

К сожалению, данный подход слишком сильно опирается на правовую базу и формально закрепленные институты в субъекте Российской

Федерации, не учитывая при этом неинституциональные факторы, влияющие на политический процесс.

Вместе с тем, В.Я. Гельман удачно усовершенствовал ранее предложенный подход и вместо институционального анализа перешёл к неформальной оценке баланса элит внутри субъекта Российской Федерации.

Для этого он видоизменил ключевые вопросы:

– один (монополь) или несколько акторов принимают ключевые решения в региональном политическом процессе?

– какие механизмы или институты используются для осуществления власти политических акторов/актора — формальные (местные парламенты и выборы) или неформальные [9, с. 63].

В зависимости от ответов выделяются следующие типы: «война всех против всех» (несколько акторов, неформальные механизмы), «победитель получает всё» (один актор, неформальные механизмы), «сообщество элит» (несколько акторов, формальные механизмы), «война по правилам» (несколько акторов, формальные механизмы) [8, с. 63].

Интерес представляет классификация политических режимов региона на основании теории полиархии Р. Даля проведенная коллективом исследователей под руководством А.С. Кузьминым.

Критериями стали:

- сила законодательной власти;
- конкурентность выборов ВДЛ (высшее должностное лицо);
- многопартийность в местном парламенте [21, с. 150].

В результате было выделено 12 типов политических режимов, зависящих от комбинации и ранжирования критериев. Стоит отметить, что, как и В.Я. Гельман при первом варианте типологизации А.С. Кузьмин, Н.Д. Мелвин и В.Д. Нечаев опирались только на институциональные и эксплицитные критерии при создании типов, не учитывая латентный характер политической жизни в субъекте Российской Федерации.

Особо выделим исследования Р.Ф. Туровского, который при рассмотрении типологий политических режимов субъектов РФ предлагает рассматривать региональные политические режимы по трём осям:

- конкурентность элит в регионе (олигополия/монополия);
- взаимоотношение с федеральным центром (зависимость/автономность);
- способ властвования (авторитарный/демократический) [26, с. 92].

Типология внутриэлитного баланса В.Я. Гельмана и классификация политических режимов Р.Ф. Туровского значительно расширяют первоначальное понятие «политический режим». В.Я. Гельман постоянно находится в научном поиске и предпринимает попытки модернизации своей концепции. Р.Ф. Туровский остается верен традиции использования термина в контексте сравнительного анализа субъектов Российской Федерации.

Помимо политических режимов регионов, ряд авторов разрабатывают типологии политических культур.

Н.Д. Козлов в своей работе по политической культуре регионов формулирует тезис, согласно которому различия «в политическом поведении жителей разных регионов исследователи объяснили особенностями социально-экономического уклада, историей и характером освоения территории, национальным составом населения и географическим положением» [19, с. 8].

О.Г. Леонова, констатирует, что политическая культура России обладает высокой степенью диверсификации, связанной с национальными, экономическими, религиозными и историко-традиционными различиями.

Исследователь выделила следующие формы региональной политической культуры:

- западная, основанная на либеральных ценностях и существующая преимущественно в г. Москве и г. Санкт-Петербурге, а также других городах-миллионниках (при этом не доминирует в этих районах);
- азиатская распространена в национальных республиках (ценности носят ярко выраженный традиционный характер);
- русская — оставшаяся на остальной территории России (основные составные элементы: сакрализация власти, эсхатологизм, этатизм и патернализм) [22].

Примечательна также типология А.В. Дахина, основным критерием которой являются взаимоотношения «Центр-периферия», а точнее – особенности федерального управления субъектами Российской Федерации. С точки зрения «центра» можно выделить следующие типы регионов:

1. Национальные регионы. Примеры: Чеченская Республика, Республика Татарстан, Республика Башкортостан и др. Особенность данного типа заключается в наличии во главе субъекта Российской Федерации выходца из своего региона, представляющего титульный этнос. Этот тип обладает большей автономией от «центра», чем другие регионы;

2. Аграрно-индустриальные русскоговорящие регионы. Главная особенность этого типа: слабая региональная экономика и наличие «варяга» во главе субъекта. Губернатор, назначаемый из Москвы, вынужден конкурировать с региональными элитами для установления собственного политического контроля. Вместе с тем он имеет главный ресурс в виде федеральных дотаций и легитимного одобрения его деятельности первого лица в государстве.

3. Регионы, на территории которых находятся стратегические предприятия. ВДЛ в субъекте данного типа является компромиссной фигурой среди крупных промышленных игроков, представленных в области. Чаще всего его власть в большей степени зависима от корпоративной культуры предприятия, занимающего лидирующие экономические позиции в субъекте.

4. Модель смеси всех предыдущих типов. В таких регионах идет высокая политическая борьба [12, с. 52-59].

Все рассмотренные типологии помогают определить политико-властные отношения, действующие в том или ином регионе России. Совмещение и сопоставление перечисленных типологий при формировании собственной исследовательской базы может служить хорошей основой для комплексной оценки политического поля региона.

Традиционно региональное предметное поле в отечественной политической науке принято рассматривать, используя понятия: «политический режим региона» [8, с. 61-68]; «региональная политика» [4, с. 86-99]; «региональная политическая система» [7]; «региональное политическое пространство» [11, с. 86-120; 29]; «региональное электоральное пространство» [29, с. 37]; «региональная политическая структура» [5, с. 31].

Большинство этих терминов имеют почти синонимичный характер и весьма близки по смыслу [3, с. 34], при этом важно отметить ограниченность использования каждого в современном анализе российской политики.

Так, «политическая структура региона» имеет явный уклон в сторону институционального анализа, при этом игнорируя неформальные связи между акторами политического процесса [7, с. 30]. «Региональное политическое пространство» и «региональная политика» слишком абстрактные и не оформившиеся до конца понятия в научном дискурсе.

«Политический режим» скорее относится к продолжению традиции отечественной науки конца XX века, чем к осмысленному и актуальному определению, способному отражать сущность политико-властных отношений в регионе [15].

Наиболее подходящей категорией для анализа предметного поля является «политическая система», но она становится неактуальной из-за усиливающегося тренда централизации и снижения политической автономии субъектов Российской Федерации. Понятие «политическая система региона» предполагает наличие высокой степени субъектности региона и проведения собственного внутривластного курса. В то же время использованные ранее концепции представляют неоценимый теоретический опыт, на котором должна строиться методология политического исследования субъекта РФ. По мнению А.А. Вартумяна, который систематизировал все основные работы по политической регионалистике в ракурсе исследования политической системы региона, политическая система региона состоит из:

- ведущих политических акторов (институты государственной власти, политические режимы (при использовании термина «политический режим» автор апеллирует к определению Гельмана, согласно которому: «политический режим — совокупность акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и (или) удержание публичной власти), политические элиты, политические лидеры, партии, политические объединения и организации);
- региональной политической культуры;
- политического процесса.

Политолог А.В. Баранов раскрывая термин «региональная полития» выделяет следующие её структурные элементы:

- субнациональные институты;
- политические отношения;
- политические нормы и политическая культура [3, с. 34].

Предложенная А.А. Вартумяном структура политической системы является более ясной и подходящей для анализа политико-властных отношений в субъекте Российской Федерации. При этом она требует раскрытия структурных элементов и их детализации.

- Так, политических акторов уместно разделить на два уровня:
1. Региональные агенты (акторы) политического процесса;

2. Федеральные агенты (акторы) политического процесса.

Сущность первых определяется тем, что их основные ресурсы и политическая субъектность не зависят от «центра», в то время как власть и легитимность вторых базируется в первую очередь на лояльных отношениях с Администрацией Президента Российской Федерации.

Данная категоризация носит идеальный характер. В реальности акторы могут быть как региональными агентами политического процесса, так и федеральными. Ярким примером здесь служат лидеры национальных республик. На сегодняшний день почти все ВДЛ таких республик являются в первую очередь выходцами из доминирующей национальности субъекта, но при этом санкционирование занимаемых ими должностей определяется напрямую Президентом Российской Федерации.

К федеральным агентам регионального политического процесса можно отнести:

- «губернаторов-варягов»;
- глав региональных ФОВов (МВД, МЧС, Прокуратура, ФСБ и др.);
- федеральных государственных инспекторов Администрации Президента Российской Федерации;
- представителей крупных федеральных корпораций, как частного бизнеса, так и государства («Русал», «Росатом», «НЛМК» и др.);
- руководства, партийного актива, членов политических партий.

К основным местным агентам регионального политического процесса относятся:

- политические лидеры, построившие карьеру на рубеже XX-XXI вв. и имеющих популярность у населения на данном этапе общественно-политического развития;
- представители местного бизнеса;
- региональные общественники.

К смешанному типу агентов можно отнести:

- губернаторов не «варягов»;
- представителей ключевых региональных министерств (согласно принятому в декабре 2021 года ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», ключевые министерства регионального правительства должны быть согласованы с профильными министерствами федерального уровня [25]. В том числе, согласно

данному закону, Правительство РФ имеет право отрешать от должности руководителей органов исполнительной власти субъектов РФ).

Политическую культуру региона стоит рассматривать как часть общенациональной политической культуры, локализованной на конкретной территории и обладающей собственными уникальными свойствами и характеристиками.

Таким образом, модели описания данного феномена, которые применимы на государственном уровне, применимы и к субъекту Российской Федерации.

В структуру политической культуры региона можно отнести:

- «ядро», лежащее в основе регионального общественного сознания, менталитет жителей;
- политические ценности и идеалы населения, проживающего в регионе;
- психоэмоциональные установки жителей, определяющие демаркационную линию разделения на «своих» и «чужих»;
- «защитный пояс» (система социальных, нравственных и интеллектуальных традиций, обрядов, норм, ритуалов, обычаев, стереотипов, передаваемых из поколения в поколение);
- порог чувствительности политической культуры субъекта РФ (определяет восприятие, терпимость или отторжение различных новаций и реформ);
- хронополитическое измерение [17, с. 9-20].

Региональный политический процесс является синтезом и прямым проявлением комбинаций взаимодействий и отношений политических акторов и политической культуры в субъекте. Акторы общественно-политического ландшафта и политическая культура являются ключевыми элементами и переменными политического процесса.

Важную роль в прогнозировании регионального политического процесса в краткосрочной перспективе оказывает наличие объективной информации от лиц, находящихся на уровне определения стратегических решений в области дальнейшего вектора общественно-политического развития как на региональном уровне, так и на уровне отдельно взятого субъекта Российской Федерации. Динамика изменений в мировом политическом процессе оказывает влияние и на политическое развитие страны, региона, субъекта. Внутренние и внешние вызовы могут быть успешно

разрешены при наличии политической воли руководителей и иных должностных лиц и объективной оценки ресурсных возможностей с эффективным прогнозированием потенциальных рисков, а также на основе учета интересов политической элиты, бизнес-сообщества и граждан страны.

Литература

1. Авцинова Г.И. Государственная политика цифровизации в современной России: понятие, концепции, тренды развития // PolitBook. 2022. №2. С. 101-113.
2. Авцинова Г.И., А.В. Толочко А.В. Политическая стабильность в современном мире: динамизм, многомерность, специфика // PolitBook. 2022. №3. С. 181-194.
3. Баранов А.В. Актеры региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий: автореф. дисс... доктора полит. наук. Волгоград, 2007. 49 с.
4. Баранов А.В. Региональные политики России и Украины: сравнительный анализ постсоциалистических трансформаций // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4(33). С. 86-94.
5. Барзилов С.И, Чернышев А.Г. Политическая структура современной российской провинции. Москва: Магистр, 1997. 31 с.
6. Беспмятнова М. Параметры и концептуальная модель гармонизации функций институтов местного самоуправления // PolitBook. 2021. №4. С. 179-194.
7. Вартумян А.А. Региональный политический процесс: динамика, особенности, проблемы. Москва: Российский государственный социальный университет, 2004. 179 с.
8. Гельман В.Я. Трансформация политического режима: российские регионы в сравнительной перспективе // Дневник Алтайской школы политических исследований. 1998. №6. С. 61-68.
9. Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. Политические исследования. 1998. №1. С. 87-105.
10. Гельман В.Я. Летопись российской региональной политики // Электронная политика. 2020. №2(4). С. 5.
11. Дахин А.В. Региональная стратификация политического пространства России: новые подходы и тенденции // Политическая наука. 2003. №3. С. 86-120.

12. Дахин А.В. Система власти в России в 2000-х годах и модели политического управления регионами // Полис. Политические исследования. 2009. №2. С. 52-59.
13. Дахин А.В., Балуева И.В., Давыдов С.В., Щетинина О.В. Система публичной власти и региональная стратификация политического пространства России: институты в поиске социального субъекта // Власть. 2021. Т. 29. №4. С. 9-21.
14. Дахин А.В., Авдонин В.С. Отечественная политическая регионалистика и регионоведение: транзит представлений о региональном политическом процессе в свете вопросов международных связей региона и муниципальной политики // Власть. 2021. Т. 29. №6. С. 151-164.
15. Дамдинов Б.Д. О понятии субъекта федерации: теоретические аспекты // Сибирский юридический вестник. 2003. № 2. С. 27-30.
16. Ишханян Р.С., Матвеев Ю.И. К вопросу о несущих конструкциях политической науки // PolitBook. 2022. №2. С. 159-170.
17. Карадже Т.В. Политическая культура как система: содержание, структура и принципы функционирования // Вопросы политологии. 2014. №3(15). С. 9-20.
18. Кирчанов М.В. Региональная «политика памяти» России: акторы, направления, перспективы развития мемориальной культуры // PolitBook. 2022. №1. С. 24-54.
19. Козлов Н.Д. Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными // Полис. Политические исследования. 2008. №4. С. 8-26.
20. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 26.05.2022).
21. Кузьмин А.С., Мелвин Н.Д., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. Политические исследования. 2002. №3. С. 142-155.
22. Леонова О.Г. Типология современной политической культуры России // Социально-гуманитарные знания. 2009. №5. С. 54-65.
23. Нестерчук О.А., Арутюнов А.Г., Тюленёва А.М. Региональные избирательные кампании в контексте обеспечения политической активности и актуальных практик субъектов РФ // PolitBook. 2021. №1. С. 62-80.
24. Скиперских А.В. «Выгодное прошлое»: приключения памяти в российской провинции // PolitBook. 2022. №1. С. 6-23.

25. Федеральный закон от 21.12.2021 №414-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения 18.06.2022).

26. Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. 2009. № 2. С. 77-95.

27. Туровский Р.Ф., Лютикова А.П. Модели муниципального управления и кадровый взаимообмен с регионами: эффективны ли реализуемые практики? // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. №3 (27). С. 270-285.

28. Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2021. №2 (101). С. 121-143.

29. Шумилов А.В. Электоральная география: региональное пространство. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т, 2009. 159 с.

References

1. Avtsinova G.I. Gosudarstvennaya politika tsifrovizatsii v sovremennoi Rossii: ponyatie, kontseptsii, trendy razvitiya // PolitBook. 2022. №2. S. 101-113.

2. Avtsinova G.I., A.V. Tolochko A.V. Politicheskaya stabil'nost' v sovremennom mire: dinamizm, mnogomernost', spetsifika // PolitBook. 2022. №3. S. 181-194.

3. Baranov A.V. Aktory regional'nykh politicheskikh protsessov v postsovetsovskei Rossii: sistema vzaimodeistvii: avtoref. diss... doktora polit. nauk. Volgograd, 2007. 49 s.

4. Baranov A.V. Regional'nye politii Rossii i Ukrainy: sravnitel'nyi analiz postsotsialisticheskikh transformatsii // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2012. №4(33). S. 86-94.

5. Barzilov S.I, Chernyshev A.G. Politicheskaya struktura sovremennoi rossiiskoi provintsii. Moskva: Magistr, 1997. 31 s.

6. Bepamyatnova M. Parametry i kontseptual'naya model' garmonizatsii funktsii institutov mestnogo samoupravleniya // PolitBook. 2021. №4. S. 179-194.

7. Vartumyan A.A. Regional'nyi politicheskii protsess: dinamika, osobennosti, problemy. Moskva: Rossiiskii gosudarstvennyi sotsial'nyi universitet, 2004. 179 s.

8. Gel'man V.Ya. Transformatsiya politicheskogo rezhima: rossiiskie regiony v sravnitel'noi perspektive // Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovani. 1998. №6. S. 61-68.

9. Gel'man V.Ya. Regional'naya vlast' v sovremennoi Rossii: instituty, rezhimy i praktiki // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1998. №1. S. 87-105.

10. Gel'man V.Ya. Letopis' rossiiskoi regional'noi politiki // Elektoral'naya politika. 2020. №2(4). S. 5.

11. Dakhin A.V. Regional'naya stratifikatsiya politicheskogo prostranstva Ros-sii: novye podkhody i tendentsii // Politicheskaya nauka. 2003. №3. S. 86-120.

12. Dakhin A.V. Sistema vlasti v Rossii v 2000-kh godakh i modeli politicheskogo upravleniya regionami // Polis. Politicheskije issledovaniya. 2009. №2. S. 52-59.

13. Dakhin A.V., Balueva I.V., Davydov S.V., Shchetinina O.V. Sistema publichnoi vlasti i regional'naya stratifikatsiya politicheskogo prostranstva Rossii: instituty v poiske sotsial'nogo sub"ekta // Vlast'. 2021. T. 29. №4. S. 9-21.

14. Dakhin A.V., Avdonin V.S. Otechestvennaya politicheskaya regionalistika i regionovedenie: tranzit predstavlenii o regional'nom politicheskom protsesse v svete voprosov mezhdunarodnykh svyazei regiona i munitsi-pal'noi politiki // Vlast'. 2021. T. 29. №6. S. 151-164.

15. Damdinov B.D. O ponyatii sub"ekta federatsii: teoreticheskie aspekty // Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2003. №2. S. 27-30.

16. Ishkhanyan R.S., Matveenkov Yu.I. K voprosu o nesushchikh konstruktivnykh politicheskoi nauki // PolitBook. 2022. №2. S. 159-170.

17. Karadzhe T.V. Politicheskaya kul'tura kak sistema: sodержanie, struktura i printsipy funkcionirovaniya // Voprosy politologii. 2014. №3(15). S. 9-20.

18. Kirchanov M.V. Regional'naya «politika pamyati» Rossii: aktory, napravleniya, perspektivy razvitiya memorial'noi kul'tury // PolitBook. 2022. №1. S. 24-54.

19. Kozlov N.D. Politicheskije kul'tury regionov Rossii: uravnenie so mnogimi neizvestnymi // Polis. Politicheskije issledovaniya. 2008. №4. S. 8-26.

20. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii. URL: <http://www.constitution.ru/> (data obrashcheniya 26.05.2022).

21. Kuz'min A.S., Melvin N.D., Nechaev V.D. Regional'nye politicheskije rezhimy v postsovetsoiskoi Rossii: opyt tipologizatsii // Polis. Politicheskije issledovaniya. 2002. №3. S. 142-155.

22. Leonova O.G. Tipologiya sovremennoi politicheskoi kul'tury Rossii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2009. №5. S. 54-65.

23. Nesterchuk O.A., Arutyunov A.G., Tyuleneva A.M. Regional'nye izbiratel'nye kampanii v kontekste obespecheniya politicheskoi aktivnosti i aktual'nykh praktik sub"ektov RF // PolitBook. 2021. №1. S. 62-80.

24. Skiperskikh A.V. «Vygodnoe proshloe»: priklyucheniya pamyati v rossiiskoi provintsii // PolitBook. 2022. №1. S. 6-23.

25. Federal'nyi zakon ot 21.12.2021 №414-FZ (red. ot 14.03.2022) «Ob obshchikh printsipakh organizatsii publichnoi vlasti v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (data obrashcheniya 18.06.2022).

26. Turovskii R.F. Regional'nye politicheskije rezhimy v Rossii: k metodologii analiza // Polis. 2009. №2. S. 77-95.

27. Turovskii R.F., Lyutikova A.P. Modeli munitsipal'nogo upravleniya i kadrovyy vzaimoobmen s regionami: effektivny li realizuemye praktiki? // Sotsial'nye i humanitarnye znaniya. 2021. T. 7. №3 (27). S. 270-285.

28. Turovskii R.F., Sukhova M.S. Kooptatsiya oppozitsii v regional'nykh parlamentakh Rossii: igra s narusheniem pravil // Politika: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki). 2021. №2 (101). S. 121-143.

29. Shumilov A.V. Elektoral'naya geografiya: regional'noe prostranstvo. Cheboksary: Chuvashskii gos. ped. un-t, 2009. 159 s.

К.К. Абдулкеримов

K. Abdulkerimov

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В РЕСПУБЛИКЕ
ДАГЕСТАН:
ОСОБЕННОСТИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ**

**SOCIAL POLICY IN THE
REPUBLIC OF DAGESTAN:
FEATURES AND
PROSPECTS**

Аннотация

На основе экспертного опроса среди специалистов в области социальной политики, а также анкетного опроса жителей Республики Дагестан в мае 2022 года определены особенности в социальной политике на данном этапе развития региона с учетом внутренних и внешних факторов мирового политического процесса. Акцентируется внимание на просчеты со стороны органов государственной власти в разработке социальной поддержке малоимущих семей, что породило рост числа разводов и увеличения доли гражданских браков. Бурный рост информатизации и цифровизации стимулирует активному внедрению в различные производственные отрасли робототехники, что позволяет представителям власти, руководителям предприятий, институтов гражданского общества, общественности, представителям академического и научного сообщества провести дискуссию в области целесообразности корректировки в пенсионном обеспечении граждан. Определена наметившаяся негативная тенденция роста неполных семей. Обоснована целесообразность в формировании эффективной социальной политики на основе учета интересов граждан, ресурсных возможностей республики, а также поддержке со стороны федерального центра. Модернизация в здравоохранении, образовании придаст дополнительные положительные импульсы в социальной сфере. Доказано, что развитие строительства, туристического кластера в Республике Дагестан повысит благосостояние жителей, снизит социальную напряженность. Делается вывод о необходимости усилить меры социальной помощи населению оказавшихся в трудной жизненной ситуации и расширить соответствующие государственные программы. Принимаемые меры социальной поддержки населения в

Abstract

Based on an expert survey among specialists in the field of social policy, as well as a questionnaire survey of residents of the Republic of Dagestan in May 2022, features in social policy at this stage of the region's development were determined taking into account internal and external factors of the world political process. The focus was on miscalculations on the part of state authorities in the development of social support for poor families, which gave rise to an increase in the number of divorces and an increase in the share of civil marriages. The rapid growth of informatization and digitalization stimulates the active introduction of robotics in various production industries, which allows representatives of the authorities, heads of enterprises, civil society institutions, the public, representatives of the academic and scientific community to discuss the feasibility of adjusting the pension provision of citizens. The emerging negative trend in the growth of single-parent families has been identified. The feasibility of forming an effective social policy based on taking into account the interests of citizens, the resource capabilities of the republic, as well as support from the federal center, is justified. Modernization in health care, education will give additional positive impulses in the social sphere. It has been proven that the development of construction, a tourist cluster in the Republic of Dagestan will increase the well-being of residents, reduce social tension. It is concluded that it is necessary to strengthen measures of social assistance to the population in difficult life situations and expand the relevant state programs. The measures taken for social

Республике Дагестан, должны учитываться с региональными особенностями, которые заключаются в специфике социальных проблем, многонациональности, многоконфессиональности, и в целом в уровни развития региона.

support of the population in the Republic of Dagestan should be taken into account with regional features, which include the specifics of social problems, multinational, multi-confessional, and in general, the levels of development of the region.

Ключевые слова:

Россия, Республика Дагестан, гражданское общество, социальная политика, органы государственной власти.

Key words:

Russia, Republic of Dagestan, civil society, social policy, public authorities.

На современном этапе развития Российская Федерация столкнулась с новыми вызовами со стороны основных акторов мирового политического ландшафта, определяющих основные трансформационные преобразования и оказывающих влияние на дальнейший вектор социально-экономического развития общества ввиду обладания огромными экономическими, военно-стратегическими ресурсами и политическим весом [3].

Резюмируя позицию российских ученых А.М. Исамагомедова, Н.И. Лапина, С.М. Касимова, Р.В. Ободец, А.А. Резника, Е.С. Симоненко [10; 11; 12; 13; 17; 18] исследовавших социальную политику в ее многообразии, можно сделать синтезированное определение социальной политики как сложившейся системы мер, направленных на преодоление социальных проблем, прежде всего, по разрешению острых социально-экономических вопросов современной повестки дня и на обеспечение эффективного функционирования общества.

Социальная политика в Российской Федерации реализуется на основе федеральных и региональных программ компетентными органами государственной власти [8]. Экономика отдельно взятого субъекта оказывает первостепенное влияние на объемы социальной помощи нуждающимся людям из числа наиболее уязвимых слоев населения.

Социальная политика Республики Дагестан реализуется воедино с государственной социальной политикой федерального центра России.

Республика Дагестан – субъект Российской Федерации, имеющий свою специфику. Её особенность, во-первых, заключается в многонациональности, многоконфессиональности, культурном плюрализме, традиционном разнообразии. Во-вторых, в выгодном геостратегическом положении на современной политической карте мира. Дагестан является самой крупной из всех республик Северного Кавказа, протяженность которого

составляет 50,3 тыс. кв. км. Республика граничит с пятью государствами: по суше с Азербайджаном и Грузией, по акватории Каспийского моря: Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Туркменистаном. Дагестан имеет прямой выход к международным морским путям, а Махачкалинский морской торговый порт является единственным на Каспии незамерзающим портом России.

Социальные проблемы в Республике Дагестан существовали в разные периоды в его историческом развитии. При их разрешении необходимо учитывать экономический потенциал как рассматриваемого субъекта Российской Федерации, так и ресурсные возможности федерального центра, который может оказать поддержку в реализации региональных программ, в том числе и благодаря инвестиционным проектам как со стороны государственных органов государственной власти, так и при предоставлении гарантий представителям бизнеса [22].

В советском периоде Дагестан считался регионом-донором. Население было включено в экономическое развитие страны и преимущественно было занято в сельском хозяйстве, а также в промышленности, в том числе по выполнению гарантированных объемом работ федеральным центром по выполнению военных заказов. Диспропорций в социальной защите населения между регионами России в советское время не было. При этом не было и интереса среди молодежи и иных социальных групп мигрировать в крупные города и мегаполисы. В настоящее время ситуация иная. Села практически опустошились. Люди переехали на равнины из-за отсутствия условий проживания: качественных дорог, газа, воды, интернета и т.д. Практику в организации и проведения социальной политики в советскую эпоху невозможно перенести в общественно-политические реалии современности, но стремление к установлению максимальной справедливости для большинства населения является ориентиром для правящей элиты.

А.Х. Абдулаев, М.М. Асильдерова, П.И. Магомедов, Н.Г. Сагидова и др. [1; 2; 6; 9] исследуя социально-экономическую реальность Республики Дагестан, предлагают компетентным органам государственной власти обратить внимание на целесообразность в оперативном решении различных современных проблем, накопившихся в социальной сфере, а, следовательно, повысить уровень благосостояния жителей данного субъекта Российской Федерации, что окажет позитивное влияние на поддержание политической системы сложившейся в современной России.

Проведенный анкетный опрос жителей Республики Дагестан (выборка нерепрезентативная, в опросе участвовало 1980 человек, проживающих в городах Дербент, Кизляр, Махачкала, Хасавюрт, Южно-Сухокумск, май 2022 года) позволяет с уверенностью констатировать, что новая коронавирусная инфекция ухудшила социальное положение больше 86% горожан. Обострились социальные проблемы, такие как: безработица, алкоголизм, наркомания, беспризорность, инвалидность, рост заболеваемости на фоне обострения хронических заболеваний.

Низкие заработные платы бюджетников не способствуют росту благосостояния населения. Несмотря на тот факт, что большинство работников государственного сектора экономики имеют дополнительный заработок, это не позволяет им позиционировать себя со средним классом.

В на данном этапе развития Республики Дагестан можно выделить характерные черты в социальной сфере, присущие и иным субъектам Российской Федерации, которые необходимо решать комплексно и с поддержкой федерального центра. Одна из них, это социальные гарантии пенсионерам. Ввиду повышения пенсионного возраста, ряд категорий пенсионеров (например, военные) получили дополнительные льготы, таким образом, есть дифференциация среди пакетов социальной помощи. Общеизвестно, что большинство мужчин не доживает до пенсионного возраста. Есть запрос среди населения в повышении качества здравоохранения. Несмотря на проведение пенсионной реформы, есть потребность в нахождении золотой середины в данном вопросе. Информатизация и цифровизация способствует роботизации, а, следовательно, идет процесс переноса производственной нагрузки с человека на робота. На сколько будет потребность занятости человека в производственных отраслях со среднесрочной и долгосрочной перспективах? Как эффективно задействовать человеческий потенциал в производстве? На данные вопросы можно ответить при проведении научной дискуссии среди представителей власти, руководителей предприятий, общественности, академического и научного сообщества. Вторая черта, это рост неполных семей ввиду объективных жизненных реалий, сложившихся в результате реализации внешнеполитического курса. Есть потребность в усовершенствовании комплексного социального пакета данных семей как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Федеральные и региональные органы власти в сложившейся социально-экономической ситуации предпринимают меры по защите малоиму-

щих и прежде всего по поддержке семей с детьми. Значимыми для малоимущих семей с детьми являются принятые Федеральные законы и Указы Президента Российской Федерации «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и т.д., Указы Главы Республики Дагестан «О ежемесячной денежной выплате на ребенка в возрасте от трёх до семи лет включительно», «Ежемесячное пособие на ребенка, выплачиваемое до 18 лет» и т.д. Принимаемые меры государственной социальной поддержки малообеспеченных семей с детьми является одним из показателей социального государства. Однако, размер социальных выплат и постоянно растущая инфляция требует оперативного проведения соответствующих индексаций. Но, практика в Дагестане иная. Так, к примеру, размер ежемесячных выплат на детей из малообеспеченных семей в Республике Дагестан составляет 235 рублей. Тогда как прожиточный минимум на детей составляет 13066 рублей в месяц [16].

В экономическом и технологическом развивающемся мире, Дагестан, как и Россия в целом, испытывает профессиональный голод [20], очень мало грамотных специалистов в IT-сфере; фрезеровщиков, слесарей, токарей, инженеров-конструкторов, инженеров-технологов в оборонно-промышленном комплексе, но, и конечно же, и в социальной сфере – образовании, здравоохранении и т.д. [7]. Неэффективность производительности труда исходит от низкого уровня оплаты труда. В частности, согласно данным Центра занятости населения Министерства труда и социального развития Республики Дагестан заработная плата учителя в общеобразовательных организациях составляет от 13 890 рублей [15]. Низкие заработные платы бюджетников влияют на мотивацию работать качественно и эффективно. Это проецируется и на доверии к представителям органов власти республики.

Президент Российской Федерации, руководители профильных министерств и ведомств неоднократно обращали внимание на проблемы в сфере образования, которые необходимо разрешить оперативно и на основе учета отечественного опыта. Это придаст дальнейший импульс росту экономического благосостояния на основе достижений в области информатизации и цифровизации. О.А. Нестерчук отмечала, что «рассматривая образовательную политику государства в контексте регионального развития, можно сформулировать три основных критерия эффективности: доступность, каче-

ство и социальность. В данном случае, под доступностью понимается развитие образовательной инфраструктуры в российских регионах на всех уровнях, в том числе и дошкольном. Оценка качества образования также является многоаспектным понятием, базирующимся не только на удовлетворенности от полученной услуги, но и последующем применении полученных знаний, а также соответствия государственным стандартам образования. В свою очередь, критерий социальности реализуемой образовательной политики позволяет принять образование, как общественное благо, направленное в интересах человека, семьи и государства [14, с. 2468-2469].

Современные социальные проблемы требуют принятия новых специальных мер, социальных программ органами власти, с учетом интересов общества и государства [21, с. 7-12].

Для нормального функционирования общества должна быть правильно выстроена семейная идеология, которая должна учитывать общегосударственный тренд. Общеизвестно, что в современной России плюрализм идеологий не способствует консолидации общества. Современная повестка дня однозначно подтверждает необходимость ресурсные вложения в детей как со стороны семей, так и государства, чтобы воспитать грамотных граждан, с высоким чувством патриотизма. Сейчас дагестанские семьи испытывают серьезный кризис, где стираются традиционные стереотипы, а появляются западные идеалы.

Тревогу вызывает негативная тенденция по увеличению числа разводов в Республике Дагестан. Согласно государственной статистике, Дагестан занимает первое место на Северном Кавказе по числу разводов. Проведенный экспертный опрос среди специалистов в области социальной политики подтвердил сформулированную гипотезу, что разводы обусловлены улучшением материального обеспечения дагестанских семей. В большинстве случаев разводятся с целью получения социальных выплат, а брак становится гражданским. Представителями органов государственной власти были допущены просчеты, которые необходимо преодолеть посредством изменения законодательства, нормативно-правовых актов, с учетом объективной действительности и при этом недопущения понижения материального благополучия семей с детьми.

В рамках реализации государственной социальной политики современной России очевидна недооценка роли семьи. Семья и семейные отно-

шения нуждаются в неотложных и решительных мерах по их поддержке со стороны государства, поскольку семья эта первичная ячейка общества.

Г.И. Авцинова, О.Е. Гришин справедливо заметили, что «сегодня объектами гражданской активности становятся не только государственные органы, институты и представители власти разного уровня, но и пространство публичной политики, самого гражданского общества. Помимо усиления социальной составляющей, собственно политической деятельности, происходит активное формирование самоорганизованных гражданских групп в качестве самостоятельных акторов публичной политики, стремительное распространение различных неформальных гражданских инициатив, нацеленных на решение конкретных социальных проблем по обеспечению достойного уровня и качества жизни россиян» [5, с. 454]. При этом необходимо «переходить от вектора расширения предоставления социальных услуг, снижения бюрократических барьеров к обеспечению социальных гарантий и безопасности жизнедеятельности человека в цифровой среде, целенаправленному регулированию и развитию процессов стремительной цифровизации в интересах человека [4, с. 110].

Экономический рост Республики Дагестан будет способствовать и формированию достойного социального пакета всем категориям социально уязвимых слоев населения. Выделим две перспективные отрасли – строительство и развитие туристического кластера.

Строительная сфера в Республике Дагестан развивается волнообразно. Ее торможение отчасти связано с хаотичной застройкой и несоблюдением коммуникационных возможностей, градостроительных норм, правил землепользования, в результате отсутствия должного контроля со стороны компетентных государственных органов. Приостановка строительства влечет за собой рост безработицы, социальной напряженности в обществе.

Есть необходимость в разработке комплексной программы по совершенствованию негативных проявлений в строительной сфере со стороны органов государственной власти с многообразными институтами гражданского общества, а также с участием активистов со стороны ответственности.

В третьем десятилетии XXI века происходят изменения в туристических потоках. Граждане Российской Федерации имеют определенные проблемы с получением шенгенских виз, иных виз европейских стран, а также ввиду разрыва транспортного сообщения между Российской Федерацией и

государствами Европейского Союза переориентируются на внутренний рынок путешествий. Дагестан имеет хороший потенциал, чтобы стать туристическим регионом. Благодаря этому Дагестан смог бы вернуть статус региона-донора, и значительно снизить уровень социальных проблем.

Республика Дагестан богата памятниками древней архитектуры, культуры, красивыми каньонами, песчаными пляжами, мягким климатом, величественными горами, аутентичными горными аулами. Развитию туристической сферы способствует дагестанское гостеприимство, культура и, конечно же, кухня.

Есть все предпосылки для развития туризма, а значит и развития экономики. Увеличение экономического потенциала сопровождается с ростом социально-экономического развития общества.

В последние годы из-за пандемии в России, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19, а также усилением санкционных давлений на Россию, в Дагестане увеличивается приток туристов. Эта одна из важных отраслей экономической сферы. Возможно, именно сейчас нужно создавать все условия, чтобы динамично развивать туристическую отрасль. Однако, для этого нужно создать соответствующую инфраструктуру и хороший сервис. Так, на совещании по вопросу развития туризма в регионе, глава региона С. Меликов обозначил данную проблему: «Дагестан богаче всех других субъектов Северного Кавказа, потому что в нем всё, что есть на Северном Кавказе, и плюс море. Однако, прибрежная зона у нас не развита... несуществующая инфраструктура может нести угрозу туристам. Теоретически мы можем сделать наше побережье не хуже, чем в Турции. Но на практике мы этого сделать сейчас не можем, потому что отдельные лица ставят свои интересы гораздо выше интересов республики» [19]. Процесс нахождения компромиссных решений затрудняется многообразием интересов внутриэлитных групп в Республике Дагестан. Развитие туристического кластера будет способствовать повышению качества жизни самих дагестанцев.

Таким образом, проводимая социальная политика и социально-экономическая обстановка в Российской Федерации и Республике Дагестан, в частности, воздействует на общественное поведение. Формируется новая форма социальной жизни. На современном этапе развития требуется консолидация общества с федеральными и региональными органами государственной власти, многообразными институтами гражданского общества для

нахождения эффективных моделей в реализации социальной политики на основе ресурсных возможностей, потребностей страны, интересов дагестанцев. Есть также потребность в оперативном разрешении острых вопросов в воспитании и образовании молодежи, поддержке семей с детьми и пр. Развитие производства, формирование туристического кластера в регионе окажет позитивное влияние и на социальную сферу Республики Дагестан.

Литература

1. Абдулаев А.Х. Развивающийся Дагестан в контексте государственных реформ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. №1(36). С. 54-59.

2. Абдулаева П.И., Хаджиалиев К.И., Магомедова П.И. Содержание и перспективы развития инновационной деятельности социальных служб муниципальных образований в Республике Дагестан // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3. №6. С. 224-227.

3. Абдулкеримов К.К. Социальная политика в современной России: особенности и перспективы // PolitBook. 2021. №3. С. 137-150.

4. Авцинова Г.И. Государственная политика цифровизации в современной России: понятие, концепции, тренды развития // PolitBook. 2022. №2. С. 101-113.

5. Авцинова Г.И., Гришин О.Е. Современные политические институты: векторы стабильности // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. №3 (43). С. 448-455.

6. Асильдерова М.М. Особенности социально-педагогической защиты многодетных семей в Республике Дагестан // Мир науки, культуры, образования. 2019. №1 (74). С. 270-272.

7. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Повышение качества занятости и привлекаемой жизни в регионах как проблема экономической безопасности Российской Федерации // Труд и социальные отношения. Т. 33. №6. 2022. С. 5-17.

8. Буренко В.И. Диалектика политико-властных и управленческих решений как условие их эффективности // Вестник Национального Института Бизнеса. 2019. №36. С. 17-25.

9. Джабраилова А.О., Сагидова Н.Г. Инвестиционные процессы в малом бизнесе Республики Дагестан // Наука: общество, экономика, право. 2020. №2. С. 314-320.

10. Исамагомедов А.М., Муртазалиев М.М. Социальная политика в контексте социальных прав // Евразийский юридический журнал. 2019. №4 (131). С. 358-360.

11. Касымова С.М. Социальная защита как феномен социальной политики // International Scientific and Practical Conference World science. 2017. Т. 2. №11 (27). С. 17-19.

12. Каширцева А.Ю., Симоненко Е.С. Система социальной поддержки семьи как эффективный механизм реализации государственной социальной политики // Регион: системы, экономика, управление. 2021. №3(54). С. 52-58.

13. Лапин Н.И. От социальной политики – к социальному государству или... вспять? // Философские науки. 2018. №2. С. 50-54.

14. Нестерчук О.А., Галкина Г.М., Беляева В.П. Образование как условие регионального развития человеческого капитала // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. №8 (60). С. 2466-2472.

15. Подбор рабочих мест из Общероссийской базы URL: <http://ir-center.ru/sznregion/analit/infvakans.asp?vk=%F3%F7%E8%F2%E5%EB%FC&rn=%CC%E0%F5%E0%F7%EA%E0%EB%E0&rkod=05> (дата обращения 28.04.2022).

16. Постановление Правительство Республики Дагестан от 13 декабря 2021 № 227 «О внесении изменения в постановление Правительства Республики Дагестан от 8 сентября 2021 г. № 227» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0500202112170009?ysclid=lfn4hobmqo607068722> (дата обращения 03.04.2022).

17. Резник А.А. Социальный менеджмент – актуальное направление социальной политики // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2022. №10 (64). С. 161-163.

18. Резник А.А., Ободец Р.В. Реализация функции социальной защиты в контексте государственной социальной политики // Менеджер. 2021. №1(95). С. 111-116.

19. Сергей Меликов обозначил главные задачи по развитию туризма в Дагестан URL: https://riadagestan.ru/news/president/sergey_melikov_oboznachil_glavnye_zadachi_po_razvitiyu_turizma_v_dagestane/ (дата обращения 05.04.2022).

20. Трудовой голод: дефицит работников достиг максимума за 7 лет URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/trudovoy-golod/> (дата обращения 03.03.2022).

21. Усманов Ш.Р. Социальная политика государства – как одно из важнейших направлений социальной сферы // Format. Социология. 2019. №3 (3). С. 7-12.
22. Усманов Б.Ф. Инновации как социальный процесс: монография. Москва: Издательство Московского гуманитарного университета. 2015. 186 с.

References

1. Abdulaev A.Kh. Razvivayushchiysya Dagestan v kontekste gosudarstvennykh reform // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. 2017. №1(36). С. 54-59.
2. Abdulaeva P.I., Khadzhaliev K.I., Magomedova P.I. Soderzhanie i perspektivy razvitiya innovatsionnoi deyatel'nosti sotsial'nykh sluzhb munitsipal'nykh obrazovaniy v Respublike Dagestan // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3. №6. С. 224-227.
3. Abdulkerimov K.K. Sotsial'naya politika v sovremennoi Rossii: osobennosti i perspektivy // PolitBook. 2021. №3. С. 137-150.
4. Avtsinova G.I. Gosudarstvennaya politika tsifrovizatsii v sovremennoi Rossii: ponyatie, kontseptsii, trendy razvitiya // PolitBook. 2022. №2. С. 101-113.
5. Avtsinova G.I., Grishin O.E. Sovremennye politicheskie instituty: vektory stabil'nosti // Voprosy politologii. 2019. Т. 9. №3 (43). С. 448-455.
6. Asil'derova M.M. Osobennosti sotsial'no-pedagogicheskoi zashchity mnogodetnykh semei v Respublike Dagestan // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2019. №1 (74). С. 270-272.
7. Bobkov V.N., Odintsova E.V. Povyshenie kachestva zanyatosti i privlekaemoi zhizni v regionakh kak problema ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii // Trud i sotsial'nye otnosheniya. Т. 33. №6. 2022. С. 5-17.
8. Burenko V.I. Dialektika politiko-vlastnykh i upravlencheskikh reshenii kak uslovie ikh effektivnosti // Vestnik Natsional'nogo Instituta Biznesa. 2019. №36. С. 17-25.
9. Dzhabrailova A.O., Sagidova N.G. Investitsionnye protsessy v malom biznese Respubliki Dagestan // Nauka: obshchestvo, ekonomika, pravo. 2020. №2. С. 314-320.
10. Isamagomedov A.M., Murtazaliev M.M. Sotsial'naya politika v kontekste sotsial'nykh prav // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2019. №4 (131). С. 358-360.
11. Kasymova S.M. Sotsial'naya zashchita kak fenomen sotsial'noi politiki // International Scientific and Practical Conference World science. 2017. Т. 2. №11 (27). С. 17-19.

12. Kashirtseva A.Yu., Simonenko E.S. Sistema sotsial'noi podderzhki sem'i kak effektivnyi mekhanizm realizatsii gosudarstvennoi sotsial'noi politiki // Region: sistemy, ekonomika, upravlenie. 2021. №3(54). S. 52-58.

13. Lapin N.I. Ot sotsial'noi politiki – k sotsial'nomu gosudarstvu ili... vspyat'? // Filosofskie nauki. 2018. №2. S. 50-54.

14. Nesterchuk O.A., Galkina G.M., Belyaeva V.P. Obrazovanie kak uslovie regional'nogo razvitiya chelovecheskogo kapitala // Voprosy politologii. 2020. T. 10. №8 (60). S. 2466-2472.

15. Podbor rabochikh mest iz Obshcherossiiskoi bazy URL: <http://ir-cen-ter.ru/sznregion/analit/infvakans.asp?vk=%F3%F7%E8%F2%E5%EB%FC&rn=%C%E0%F5%E0%F7%EA%E0%EB%E0&rkod=05> (data obrashcheniya 28.04.2022).

16. Postanovlenie Pravitel'stvo Respubliki Dagestan ot 13 dekabrya 2021 № 227 «O vnesenii izmeneniya v postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Dagestan ot 8 sentyabrya 2021 g. № 227» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0500202112170009?ysclid=lfn4ho6mqo607068722> (data obrashcheniya 03.04.2022).

17. Reznik A.A. Sotsial'nyi menedzhment – aktual'noe napravlenie sotsial'noi politiki // Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya. 2022. №10 (64). S. 161-163.

18. Reznik A.A., Obodets R.V. Realizatsiya funktsii sotsial'noi zashchity v kontekste gosudarstvennoi sotsial'noi politiki // Menedzher. 2021. №1(95). S. 111-116.

19. Sergei Melikov oboznachil glavnye zadachi po razvitiyu turizma v Dagestan URL: https://riadagestan.ru/news/president/sergey_melikov_oboznachil_glavnye_zadachi_po_razvitiyu_turizma_v_dagestane/ (data obrashcheniya 05.04.2022).

20. Trudovoi golod: defitsit rabotnikov dostig maksimuma za 7 let URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/trudovoy-golod/> (data obrashcheniya 03.03.2022).

21. Usmanov Sh.R. Sotsial'naya politika gosudarstva – kak odno iz vazhneishikh napravlenii sotsial'noi sfery // Format. Sotsiologiya. 2019. №3(3). S. 7-12.

22. Usmanov B.F. Innovatsii kak sotsial'nyi protsess: monografiya. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2015. 186 s.

**О.А. Нестерчук,
Т.А. Нгуен**

**O. Nesterchuk,
T. Nguyen**

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ И
ПООЩРЕНИЕ РАВЕНСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ
МЕЖДУ ЭТНИЧЕСКИМИ
ГРУППАМИ ВО ВЬЕТНАМЕ**

**ENSURING AND
PROMOTING EQUALITY
OF POLITICAL RIGHTS
AMONG ETHNIC GROUPS
IN VIETNAM**

Аннотация

В статье рассматривается обеспечение политических прав этнических групп в соответствии с международным правом и вьетнамским законодательством. Показано осуществление политических прав этнических групп в современном Вьетнаме посредством доступа к информации, свободы слова и прессы, права голосовать, быть избранным и участвовать в государственном и общественном управлении, права на свободу собраний, ассоциаций и демонстраций. Выделяются ограничения в обеспечении равенства политических прав этнических групп во Вьетнаме: в период избирательных кампаний проблема использования языков этнических меньшинств, различия в доступе к информации, низкий уровень образования и профессионализма представителей этнических меньшинств. Исходя из этого, предлагается ряд рекомендаций для эффективного продвижения политических прав этнических групп во Вьетнаме, уделяя особое внимание обновлению мышления и способам осуществления национальной политики.

Ключевые слова:

обеспечение равенства, равенство между этническими группами, политические права, этнические меньшинства.

Abstract

The article deals with ensuring the political rights of ethnic groups in accordance with international law and Vietnamese legislation. It shows the exercise of the political rights of ethnic groups in modern Vietnam through access to information, freedom of speech and the press, the right to vote, be elected and participate in state and public administration, the right to freedom of assembly, association and demonstration, the limitations in ensuring equality of political rights of ethnic groups in Vietnam are highlighted: during election campaigns, the problem of the use of languages ethnic minorities, differences in access to information, low level of education and professionalism of representatives of ethnic minorities. Based on this, a number of recommendations are proposed for the effective promotion of the political rights of ethnic groups in Vietnam, paying special attention to the renewal of thinking and ways of implementing national policy.

Key words:

ensuring equality, equality between ethnic groups, political rights, ethnic minorities.

В отчете Государственного департамента США о правах человека в странах мира за 2022 год в отношении обеспечения политических прав и свобод в Социалистической Республике Вьетнам отмечалось о несвободных

выборах в Национальное собрание в 2021 году, отсутствии конкуренции между кандидатами, физическом насилии над политзаключенными и отказе им в медицинской помощи [26]. В свою очередь пресс-секретарь МИД Вьетнама Фам Тху Ханг заявила о необъективности обвинений, прозвучавших в отчете, так как в государстве существует правовая основа и реальная реализация политических прав.

В подтверждение слов пресс-секретаря следует отметить, что исторически содержание политических прав подчеркивалось государством Вьетнам с момента принятия первой Конституции в 1946 году и подтверждалось в каждой поправке к ней. Сегодня усилия по правильному восприятию и эффективному решению вопросов обеспечения равенства политических прав всегда вызывают озабоченность, отраженную в правовых документах Вьетнама, на основе соответствия положениям о политических правах и международному праву, особенно это касается в обеспечении равенства политических прав между 54 этническими группами, которые признаны правительством.

Прежде всего правовая основа политических прав этнических групп во Вьетнаме имеет соответствие с международным правом. Так Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (МКЛРД) 1969 года гласит, что расовые группы и этнические меньшинства должны пользоваться политическими правами, особенно правом участвовать в выборах и выдвигать свою кандидатуру на основе всеобщего избирательного права или по округам, участвовать в правительственной и другой общественной деятельности на всех уровнях и на равной основе в государственной службе [17, с. 425]. Статья 19 Конвенции также четко определяет права и обязанности лиц, пользующихся правом на свободу слова и печати. Однако пользователь этого права должен соблюдать положения закона и принимать определенные ограничения в целях уважения прав или репутации других лиц; защиты государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или общественной морали [5].

Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года (Конвенция МПГПП), к которому Вьетнам присоединился в 1982 году, в статье 3 подчеркиваются права народов: «В странах, где сосуществуют многие этнические группы меньшинств, религии и языки, лица таких национальностей, религий, языков и меньшинств вместе с другими членами их общин не могут быть лишены права пользоваться своей культурой, права выражать и исповедовать свою религию или права использовать

свой язык» [23]. Конвенция также определяет политические права граждан в статье 25, согласно которой каждый гражданин имеет право и возможность: «а) участвовать в управлении общественными делами непосредственно или через представителей, которых они вольны выбирать; б) голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, проводимых на основе всеобщего избирательного права при равном и тайном голосовании, с тем чтобы обеспечить избирателям свободу волеизъявления; с) иметь доступ к государственным услугам в своей стране на равной основе» [23].

В статье 21 Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) 1948 года также говорится, что каждый человек имеет право участвовать в управлении своей страной либо непосредственно, либо через посредство свободно избранных представителей. Каждый человек имеет право на равный доступ к общественным услугам в своей стране (Пункты 1 и 2) [24].

Таким образом, хотя конкретной концепции политических прав не существует, исходя из вышеизложенного, можно понимать, что политические права - это право человека прямо и косвенно участвовать в деятельности государства и общества, а именно: право голосовать, быть избранным, право на доступ к информации, право на участие в государственном и общественном управлении, право на свободу слова и т.д. Политические права предоставляются тем, кто имеет статус гражданина в стране, обеспечивая любому гражданину возможность участвовать в управлении обществом и государством, выражать свое мнение и взгляды в деле защиты и развития страны независимо от этнической принадлежности. Конечно, политические права также часто имеют определенные ограничения по соображениям национальной безопасности, общественного порядка и т.д. Поэтому под политическими правами принято понимать избирательную деятельность по выборам делегатов для обладания и осуществления государственной власти от своего имени и право выдвигать свою кандидатуру на выборах в органы государственной власти путем голосования избирателей.

На основе внутривнутриполитической ситуации и подписанных международных конвенций Вьетнамское государство конкретизировало политические права граждан и реализует их в общественной жизни.

В частности, политические права были закреплены в статье 54 Конституции 1992 года и продолжают признаваться в статьях 27 и 28 Конституции 2013 года. Граждане имеют право участвовать в государственном и общественном управлении, в обсуждении и давать рекомендации государствен-

ным органам по местным, локальным и национальным вопросам. «Государство создает условия для участия граждан в управлении государством и обществом; гласность и прозрачность в получении и реагировании на мнения и петиции граждан» (Статья 28, Конституция 2013 года) [12]. Кроме того, политические права граждан Вьетнама закреплены во многих правовых документах. Законодательство направлено на создание условий для осуществления людьми своих политических прав во многих аспектах.

Во-первых, в отношении доступа к информации, свободы слова и прессы. В настоящее время законы Вьетнама в основном адаптированы к международным законам таким, как «Закон о прессе» 2016 года, «Закон о доступе к информации» 2016 года, «Закон о безопасности, кибербезопасности» 2018 года и др. Законы строго выполняются и соблюдаются. Своевременная разработка, дополнение и изменение законов является одной из эффективных мер управления обществом и государством, активного противодействия бюрократии, коррупции и другим негативным проявлениям в обществе. Кроме того, в Статье 25 Конституции 2013 года, по сравнению со предыдущей Конституцией, есть изменение - фраза «быть информированным» на «доступ к информации». Благодаря праву на доступ к информации все граждане могут получить информацию как о своих законных правах, так и о судебной деятельности, чтобы в полной мере пользоваться и защищать свои права, предусмотренные. Право на доступ к информации в настоящее время является не только пассивным правом, выданным государственными органами для распространения информации в соответствии с их восприятием, но и активным правом, которое требуется от государственных органов и организаций. Конечно, реализация права на свободу слова, свободу печати и доступ к информации также регулируется законом и в рамках закона не должна ущемлять национальные интересы, права и интересы нации [12]. Во Вьетнаме в настоящее время проживает более 14 млн человек этнических меньшинств, которые рассеяны на 75% территории страны, сосредоточены в приграничных районах, отдаленных районах. Поэтому в каждом районе используется множество форм информирования, например, в горных районах - громкоговорители и радио, доски общественных объявлений, деревенские собрания, устная пропаганда через деревенских старейшин, деревенских старост, авторитетных людей в общине, религиозных сановников. Были некоторые другие усилия со стороны вьетнамского правительства в отношении организации предоставления доступа к информации гражданам, например,

предоставление ряда газет и журналов для этнических меньшинств в горных и чрезвычайно трудных районах в период 2019–2021 гг. При этом Комитет по делам этнических меньшинств несет ответственность за размещение заказов на газеты и журналы.

Во-вторых, право голосовать, быть избранным и участвовать в государственном и общественном управлении, указанные в статьях 27, 28, 29 Конституции 2013 года. Статья 27 гласит: «Граждане, достигшие восемнадцатилетнего возраста и старше, имеют право голосовать и которым исполнился двадцать один год и старше, имеют право баллотироваться на выборах в Национальное Собрание или Народный совет. Осуществление этого права предписывается законом». Статья 28 гласит: «Граждане имеют право участвовать в управлении государством и обществом, участвовать в обсуждении и выработке рекомендаций с государственными органами по вопросам местного, локального и национального значения» (Пункт 1); в то же время четко сказано: «Государство создает условия для участия граждан в управлении государством и обществом; гласность и прозрачность в получении и реагировании на мнения и рекомендации граждан» (Пункт 2) ... В то же время Конституция устанавливает, что граждане, достигшие полных восемнадцати лет, имеют право голосовать при проведении организованного государством референдума (Статья 29) [12].

Таким образом, положения Конституции создали прочную правовую основу для того, чтобы граждане могли реально участвовать в управлении государством и обществом. Право голосовать, быть избранным и участвовать в государственном и общественном управлении также определено в таких законах, как «Закон об инспекциях» 2010 года, «Закон о жалобах» 2011 года, «Закон о доносах» 2011 года, «Закон о приеме граждан» 2013 года, «Закон о выборах депутатов Национального собрания и Народного совета» 2015 года, «Закон о референдуме» 2015 года и в других соответствующих правовых документах. В частности, в 2015 году Национальное собрание приняло «Закон о выборах депутатов Национального собрания и Народных советов», создав новую и важную правовую основу в обеспечении права граждан голосовать и быть избранными. В нем четко указано, что выборы должны проводиться в соответствии с принципами всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. По сравнению со старым «Законом о выборах», «Закон о выборах депутатов Национального собрания и депутатов Народного совета» 2015 года расширяет аудиторию избирателей. Уязвимые

группы населения такие, как женщины и пожилые люди, независимо от того, где они проживают, в низине или в горах, на острове, все они имеют гражданские позиции при осуществлении своего права голосовать, выдвигать свою кандидатуру на выборах в Национальное собрание или Народные советы и участвовать в государственном управлении. Кроме того, Постановление о внедрении демократии в коммунах, приходях и поселках (2007) также конкретизирует право на участие в государственном и общественном управлении всех граждан в форме «народ знает, народ обсуждает и народ выполняет». Люди проверяют политическую, экономическую, социальную и культурную деятельность на нижестоящем уровне.

В-третьих, в отношении права на свободу собраний, ассоциаций и демонстраций Статья 25 Конституции Социалистической Республики Вьетнам гласит: «Граждане имеют право на свободу слова, свободу печати, а также свободу общения, доступа к информации, собраний, ассоциаций, демонстраций. Осуществление этих прав предписывается законом». Однако в настоящее время кроме Конституции во Вьетнаме нет документа, прямо устанавливающего или направляющего осуществление права на протест, поэтому в этом вопросе основываются на «Закон о демонстрациях» и «Закон об ассоциациях». Свобода собраний и организация ассоциаций является одним из основных прав граждан, признанных государством Вьетнам в Конституции и законах, но оно должно учитывать интересы народа, ибо деятельность, использующая право на свободу собраний и ассоциаций для противодействия государству и населению, является незаконной.

Вьетнам активно присоединился к международному праву и интернационализировал его в вопросе обеспечения политических прав, включая полные индивидуальные права, а также коллективные права, такие как «полиэтнические права и права на особое представительство» [25]. Основное содержание конвенций, участником которых является Вьетнам, закреплено в Конституции, законах и политике государства. В целом вьетнамское право хорошо совместимо с международным правом в обеспечении политических прав для этнических групп, проживающих на территории. Хотя официальной такой концепции политических прав не существует, положения политических прав во Вьетнаме соответствуют пониманию в рамках международного права – это право, которое имеет каждый гражданин независимо от этнической принадлежности, признается государством Вьетнам. Законодательная база является относительно полной и всегда создает все благоприятные

условия для реализации гражданами всех национальностей и географических районов своих прав, привлекает граждан к участию в политической жизни, способствует развитию политической экономики страны, демократии, прогресса и социальной справедливости.

Работа правительства по обеспечению политических прав этнических групп во Вьетнаме дала следующие результаты: во-первых, обеспечение гражданам права голосовать и быть избранным, отсутствие ограничений на осуществление права голосовать и быть избранным по признаку этнической принадлежности, пола или географического положения. В периоды выборов местные органы власти разрабатывают подробные планы и проводят избирательные мероприятия для каждого человека в районе. Деятельность нижестоящих уровней проверяется и контролируется вышестоящими уровнями. В дополнение к общим вопросам, в планах населенных пунктов есть и конкретные инструкции по выборам и выдвижению кандидатов в отдаленных, изолированных и крайне сложных районах, такие, как использование языков этнических меньшинств в практике, составление списка избирателей, пропаганда и мобилизация в различных формах, чтобы помочь этническим меньшинствам понять и осуществить свои права. Поэтому процент избирателей, относящихся к этническим меньшинствам, которые голосуют за депутатов Народного совета, зачастую высок. В то же время в списке кандидатов всегда есть соответствующий процент представителей этнических меньшинств, что соответствует политике Вьетнама по созданию условий для подготовки, поощрения и трудоустройства кадров этнических меньшинств в системе политики, особенно в районе их проживания. Для того чтобы легко и быстро уловить мысли и чаяния людей и облегчить декларирование политики и распространение законов государства.

По результатам исследования Этнического комитета в 12 провинциях Вьетнама уровня удовлетворенности работой чиновников и в обеспечении права населения голосовать и быть избранным по этническому и географическому признакам, выявлено следующее:

Таблица 1. Степень реализации права голоса и участия в выдвижении кандидатов местных этнических меньшинств [20]

		Количество	Доля, %
Оценка	Хорошо	1433	79,8
	Средне	326	18,2
	Не очень хорошо	37	2,1
	Всего	1796	100,0

Из таблицы видно, что уровень удовлетворенности людей правом голосовать и выдвигать на выборы местных этнических кандидатов достаточно высок. Для достижения этого результата необходимо поощрять политику по обеспечению политических прав. Это демонстрирует эффективность государственной политики, а не удовлетворение в краткосрочной перспективе.

Согласно постановлению 559/NQ-HĐBCQG Национального избирательного совета, объявляющему список 868 кандидатов в депутаты Национального собрания 15-го созыва (2021-2026 гг.) в 184 избирательных округах по всей стране, число кандидатов от этнических меньшинств составляет 187. Населенными пунктами с высокой долей кандидатов от этнических меньшинств являются Лангсон (100%), Лайчау (100%), Каобанг (87,5%), Дьенбьен (87,5%), Хазанг (87,5%), Контум (87,5%), Иенбай (87,5%) [11]. Увеличение доли кандидатов, которые являются представителем этнических меньшинств, свидетельствует о возросшем уровне политических знаний, заинтересованности этносов, гарантированности права голоса любой этнической группы на территории Вьетнама, поощрения и не допуска дискриминации в отношении жителя какого-либо региона страны или этнической принадлежности.

Во-вторых, обеспечение права на участие в политической жизни. Государство Вьетнам всегда создает условия для участия высококвалифицированных специалистов и представителей этнических меньшинств в политической сфере. Фактически доля этнических меньшинств, участвующих в политике, увеличивается, число членов Национального собрания, которые относятся к этническим меньшинствам, составляет высокий процент. В частности, за последние 5 сроков полномочий Национального собрания доля депутатов Национального собрания от этнических мень-

шинств составляла от 15,6% до 17,30%, в то время как этнические меньшинства составляли 14,3% населения страны. По данным Канцелярии Национального собрания, политическое участие этнических меньшинств отражается через конкретное число делегатов от этнических меньшинств следующим образом: VIII сессия (1987-1992), делегаты Национальной Ассамблеи от этнических меньшинств составили 14% (69/496 депутатов). Сессия IX (1992-1997), делегаты Национального собрания от этнических меньшинств составили 16,79% (66/395 делегатов). Сессия X (1997-2002), депутаты Национального собрания от этнических меньшинств составили 17,33% (78/450 делегатов). Сессия XI (2002-2007), депутаты Национального собрания от этнических меньшинств составили 17,27% (86/всего 498 делегатов). Срок XII (2007-2011), депутаты Национального собрания от этнических меньшинств составили 17,6% (87/493 депутата, Срок XIII (2011-2016), делегаты Национального собрания от этнических меньшинств составили 15,6% (78/500 делегатов). Срок полномочий Национального собрания XIV (2016-2021) на долю депутатов от этнических меньшинств приходится 17,3% (86/496) [10]. В настоящее время многие делегаты из числа этнических меньшинств занимают руководящие должности, например, в руководстве Национального собрания и правительстве Вьетнама, процент делегатов из числа этнических меньшинств в Народных советах всех уровней также достаточно высок.

Таблица 2. Данные депутатов Национального собрания и Народного совета на срок 2016-2021 гг., относящихся к этническим меньшинствам [10]

№	Административный уровень	Количество делегатов на всех уровнях
1	Центральный уровень	86/500 депутатов Национального собрания (составляет 17,2%)
2	Провинциальный уровень	688 членов Народного совета (составляет 18%)
3	Районный уровень	4237 членов Народного Совета (составляет 20,1%)
4	Уровень коммуны	63.383 членов Народного Совета (составляет 22.46%)

В горных районах с большим количеством этнических меньшинств процент депутатов Национального собрания и Народных советов этих меньшинств на срок 2016-2021 гг. является гораздо выше, чем в период выборов 2011-2016 гг. Так в делегации Национального собрания провинции Хазанг 06/06 представителей, принадлежащих к этническим группам Таи, Дао, Монг и Лачи. В делегации провинции Лайчау 04/06 представителей этнических меньшинств, включая этнические группы Монг, Ха Нхи, Тай и Си Ла, что составляет 66,6%. В делегации Национального собрания провинции Сонла 04 из 06 представителей этнических меньшинств, включая этнические группы тай, кханг, монг и муонг, что составляет 66,6%. Делегация провинции Лаокай имеет 03/06 представителей этнических меньшинств, в том числе Монг и Заи, что составляет 50%. В делегации Национального собрания провинции Лангсон 04/06 представителей от этнических меньшинств, включая этнические группы Таи, Нунг, что составляет 66,6% [10]. Приведенные результаты показывают, что законы и политика о праве на участие в политической системе этнических групп всегда вызывают озабоченность Государства Вьетнам и обеспечить фактическую реализацию, это не только имеет значимость для этнических меньшинств в участии политической жизни страны, но и способствует обеспечению равенства политических прав людей. Присутствие представителей этнических меньшинств в Национальной ассамблее всегда приветствуется, чтобы способствовать участию их в процессе формирования национальной идеи [14, с. 238].

С помощью статистики и социальных исследований Вьетнамское государство стремится выявить ограничения и преодолеть их, усилить обучение и развитие способных представителей этнических меньшинств к участию в политической сфере.

Так доля кадров и государственных служащих, принадлежащих к этническим меньшинствам, в центральном правительстве составляет 5%, а среди государственных служащих – 1,6%. В некоторых провинциях/городах, где доля населения из этнических меньшинств составляет более 50%, процент государственных служащих и государственных служащих из этнических меньшинств выше. К концу 2017 года 46 человек занимали руководящие должности на уровне провинций и министерств (под руководством Секретариата и Политбюро); 146 человек составляли 4% в департаментах и приравненных к ним в экспресс-министерствах; 170 437 человек составляют 15% в департаментах и приравненных к ним [2]. В ряде министерств и местных

органов власти обязательным является прием на работу государственных служащих из числа этнических меньшинств в качестве руководителей департаментов и управлений таких, как Комитет по делам этнических меньшинств, Министерство финансов. Министерство планирования и инвестиций, Банк Вьетнама, Социальное страхование, Министерство образования и профессиональной подготовки из провинций Нгеан, Бакзанг, Туенкуанг, Тхайнгуен, Контум, Зялай, Куангнинь, Даклак, Футхо, Лайчау, Йенбай [2]. Это свидетельствует о том, что государственные служащие, являющиеся представителями различных этнических групп, играют важную роль в политической стабильности государства, особенно в районах с большим количеством этнических меньшинств. Также эти кадры способствуют успешной реализации направлений национальной политики, эффективному обеспечению политических прав народа.

В-третьих, обеспечение доступа к информации. Согласно сообщениям из населенных пунктов, общее число избирателей по всей стране на выборах депутатов Национального собрания XV созыва (2021-2026 гг.) составляет 69 523 133 избирателя; общее число избирателей, принявших участие в голосовании, составило 69 243 604 избирателя (охват 99,60% избирателей). По сравнению с выборами депутатов XIV Национального собрания (2016-2021 гг.) и Народных советов всех уровней на срок 2016-2021 гг. общее число избирателей на этих выборах на 2 037 651 избирателя больше, а в голосовании приняли участие 2 194 513 избирателей, показатель явки на 0,25% выше, чем в предыдущий срок [10]. Кроме того, согласно отчету «Данные о мужчинах и женщинах из этнических меньшинств Вьетнама за период 2015-2019 гг.», опубликованному 4 августа 2021 года, видно, доступ к информационным технологиям этнических меньшинств значительно увеличился, хотя и неравномерно по регионам и этническим группам [1]. Процент лиц, получающих информацию о местных бюджетах и расходах, выше, чем раньше, согласно выводам социального опроса, а информация о доходах и расходах бюджета на уровне коммуны/района стала более понятной и более надежной [18, с. 13]. Данные о росте числа избирателей доказали эффективность политики государства по доступу к информации, вызывая у людей желание участвовать в политической деятельности и уделять больше внимания политической жизни, способствуя продвижению национального равноправия и демократии во Вьетнаме.

Важно отметить, что законы и политика в отношении права голосовать, быть избранным и права участвовать в государственном управлении этнических меньшинств были одобрены партийными комитетами, органами власти и политическими организациями на всех уровнях. Это активно способствует реализации политики национального единства партии и государства Вьетнама. Политика Вьетнама в отношении обеспечения равенства политических прав между этническими группами отличается от других стран, например, в Великобритании «только 3% самых влиятельных людей принадлежат к этническим меньшинствам» [22]. В Таиланде правительство установило два типа жителей: тайская группа и нетайская группа, отрицая существование разнообразных и самостоятельных этнических меньшинств. Если группа хочет стать «Стандарт Тай», то должна быть признана государством на основе трех факторов: тайского языка, буддизма и этнического самосознания [21].

Хотя правительство вьетнамского государства старается обеспечить и поддерживать политическое равенство в духе учения президента Хо Ши Мина: «Наша страна - демократия, а это значит, что все люди всех этнических групп являются хозяевами страны» [16, с. 567], и добилось многих положительных результатов, но остаются ограничения в обеспечении равных политических прав этнических групп.

В пропаганде в период избирательной кампании при составлении списков избирателей, оформлении бюллетеней для голосования в Национальное собрание и Народные советы всех уровней не уделяется должного внимания использованию языков этнических меньшинств. В некоторых населенных пунктах пропаганда и агитация на языках этнических меньшинств в коммуне сталкивается со многими трудностями, как из-за отсутствия людей, понимающих языки некоторых этнических меньшинств, так и из-за отсутствия юридических книг и политической информации на этнических языках, выделение недостаточного годового бюджета на пропагандистскую работу, поэтому некоторые представители этнических группы не понимают законы, политику партии и государства. В регионах все еще существуют различия в доступе к информации для осуществления политических прав, в частности, в городских районах существуют более благоприятные условия для доступа к информации по сравнению с горными районами. В сельской местности информация поступает медленно или недостаточно конкретна для понимания людьми. Кроме того, информация о кандидатах, а также условия для открытого диалога между этническими меньшинствами и

кандидатами ограничены. Хотя государство приложило большие усилия для обеспечения права доступа к информации для граждан, но вышеуказанные ограничения не были эффективно преодолены, что сильно затруднило информирование граждан в некоторых областях.

Далее для очень немногих этнических групп таких, как Ла Ху, Манг, Рук, О Зу, Чыт и др., население которых составляет менее 10 000 человек, участие в политической жизни очень ограничено, в основном это чиновники коммунального уровня, как работающие полный, так и неполный рабочий день. Кадровый состав на районном и провинциальном уровнях немногочисленный, и в профессиональном плане формируется неравномерно как в количественном, так и в качественном отношении. В частности, в некоторых населенных пунктах с большим количеством этнических меньшинств, например, в коммунах Чунгнай и Намьун провинции Лайчау 30% государственных служащих являются представителями этнической группы Манг. Этническая группа Манг составляет 5276 человек, что составляет 1,8% [9]. Что касается этнической группы Фу Ла, общая численность которой составляет 12 471 человек (2019 год) [8], то в коммуне Гиа Фу только 2 человека из Фу Ла являются государственными служащими коммунального уровня, а в коммуне Суанхоа, район Баоиен нет ни одного государственного служащего, являющегося представителем Фу Ла. Ограничение числа этнических меньшинств, участвующих в политической жизни, связано с: уровнем образования, качеством человеческих ресурсов и низким процентом подготовленных работников. Хотя правительство приняло такие решения, как обнародование Указа №134/2006/ND-CP, определяющего режим набора в высшие учебные заведения, колледжи и средние школы в национальной системе образования, но на практике все еще существует много недостатков и ограничений между приемом и распределением рабочих мест, составом этнических кадров. Понятно, что на общем уровне количество государственных служащих из числа этнических меньшинств увеличивается, но распределяется неравномерно. Это является огромным препятствием для населенных пунктов, где проживает большое количество национальных меньшинств, но отсутствуют государственные служащие этого этноса, что снижает эффективность реализации направлений национальной политики, особенно с обеспечением и поощрением равенства политических прав между гражданами в этих регионах.

Также население в отдаленных районах все еще сталкиваются со многими трудностями при голосовании. Правительства всех уровней во многих

населенных пунктах практически не проводят политику поддержки поездок и мобильности групп этнических меньшинств в отдаленных, изолированных и приграничных районах, расположенных вдали от избирательных участков. Многие жители отдаленных деревень находятся далеко от избирательных участков в период выборов депутатов Национального собрания и Народного совета, например: Муканг Чай (Йенбай), Батсат (Лаокай), Мыонгньен (Дьенбьен), Баче (Куангнинь), Муонглат (Тханьхоа), Дакмил (Дакнонг). Учитывая географические особенности Вьетнама, многие районы имеют пересеченную местность, разделенную местность, поэтому голосование на большом расстоянии и столкновение с многочисленными транспортными трудностями, несомненно, является большим препятствием для реализации гражданских прав и обязанностей в отношении выборов, выдвижения кандидатур и участия в государственном управлении этнических меньшинств.

Согласно исследованиям на политическое участие людей влияет множество факторов, в том числе их уровень благосостояния, место проживания (сельское или городское) и наличие образования. Соответственно, лица из групп с более высоким доходом или более высокого уровня образования, как правило, проявляют больший интерес к политической информации и участию в выборах [13]. Поэтому для эффективного содействия реализации политических прав этнических групп необходимо синхронно осуществлять их во всех социально-экономических сферах: снизить бедность, повышать интеллектуальный уровень людей. Кроме того, населению необходимо предоставлять своевременную и достоверную информацию о политической жизни, поскольку в цифровую эпоху полная, объективная и достоверная информация является мощным инструментом воспитания чувства ответственности и поощрения реализации прав человека [4, с. 385]. В то же время вся принимаемая и осуществляемая политика должна быть «основана на воле народа» [19].

Представители власти всех уровней должны новаторски мыслить, ценить мнение людей и мобилизовывать граждан для участия в контроле на низовом уровне. Учреждением, которое контролирует инвестиции сообщества (статьи 7–11) [3] на уровне коммуны, является Общественный надзор (2005 года). Необходимо поощрять людей принимать участие в местных кампаниях за демократические преобразования, а также в других социальных мероприятиях в своем районе и сообществе. Через Отечественный фронт Вьетнама общественно-политические и массовые группы направлять

и поощрять сообщество к активному осуществлению права надзора в соответствии с правилами, обобщать, анализировать и давать рекомендации компетентным органам по содержанию надзора. Крайне важно гарантировать, что принципы и нормы, касающиеся прав этнических меньшинств, надлежащим образом интегрированы в программы развития национальных меньшинств и горных районов ответственными органами на всех уровнях, от национального до местного. «Этнические конфликты являются следствием не планомерной дискриминации властей, а скорее недостаточного внимания, бюрократизма и элементарного незнания сути дела» [6, с. 28]. Это также позволяет избежать такой ситуации, как в Латвии, когда «все основные политические силы Литвы декларируют цель – создать равные условия гражданам для участия в общественной жизни и сохранения этнической идентичности. Однако в действительности очевиден недостаток четкой и последовательной стратегии достижения этой цели» [7, с. 39]. Важно также активизировать деятельность по укреплению солидарности меньшинства и большинства, «способствующих социальной интеграции общества и недопущению формирования сепаратистских наклонностей, а также способствующих обострению межэтнических споров и поддержанию целостности национального государства» (способствовать социальной интеграции общества и воспрепятствовать развитию сепаратистских тенденций, а также содействовать ослаблению межэтнических конфликтов и сохранению целостности государств) [15, с. 103].

Таким образом, во Вьетнаме создана правовая основа для обеспечения и поощрения политических прав людей всех этнических групп. Коммунистическая партия и государство всегда считают осуществление политических прав этнических групп приоритетным вопросом политики национального развития. Государство всегда определяло, что уважение, гарантия и поощрение прав человека в целом, а права меньшинств в частности, являются мерилем прогресса и развития. Однако вышеупомянутые ограничения показывают, что таких усилий недостаточно, руководителям на всех уровнях необходимо откровенно признать причины, чтобы иметь и реализовывать соответствующие политические решения конкретно для каждого региона, в отношении каждой этнической группы, исключая универсальный подход.

Литература

1. Агентство ООН по гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин. Данные о женщинах и мужчинах всех этнических групп во Вьетнаме за период 2015–2019 гг. Ханой. 2021 г. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/gender-equality> (дата обращения 03.01.2023).

2. Вьетнамское правительство. Отчет об оценке реализации политик поддержки социально-экономического развития этнических меньшинств и горных районов за 3 года в период 2016-2018 гг. URL: <https://vietnam.gov.vn/> (дата обращения 03.01.2023).

3. Вьетнамское правительство. Положение об инвестиционном надзоре сообщества. Решение №80/2005/QD-ТТг. 18 апреля 2005 г. URL: <https://vietnam.gov.vn/> (дата обращения 03.03.2023).

4. Институт исследований прав человека. Ссылки на международное право прав. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml (дата обращения 03.01.2023).

5. Као Дык Тай. Свобода слова, пресса, доступ к информации с обязательствами гражданства // Журнал национальной обороны. 2021. №2. С. 36-46.

6. Лыкошина Л.С. Национальные и этнические меньшинства в современной Польше // Национальные меньшинства в странах центрально-восточной Европы. 2007. №2007. С. 20-43.

7. Марцинкявичюс А. Интеграция этнических меньшинств в контексте современной этнополитики Литвы (2010–2015 гг.) // Этнографическое обозрение. 2017. №2. С. 39-53.

8. Народный комитет коммуны Зяфу, Баотханг, Лаокай, Отчет о социально-экономическом развитии очень немногих этнических меньшинств, 2019 г. URL: <https://vietnam.gov.vn/> (дата обращения 03.01.2023).

9. Народный комитет района Синхо, Лайчау. Доклад о состоянии социально-экономического развития национальных меньшинств. 2019. URL: <https://vietnam.gov.vn/> (дата обращения 03.01.2023).

10. Национальное собрание Вьетнама. Данные об итогах выборов в XVI Национальное Собрание и Народные Советы всех уровней на 2016-2021 годы. URL: <https://vietnam.gov.vn/> (дата обращения 03.01.2023).

11. Национальный избирательный совет. Резолюция Обнародование официального списка кандидатов на выборах в Национальное собрание 15-го созыва по каждому избирательному округу страны. Резолюция 559/NQ-HDBCQG. Ханой. 2021 год. URL: <https://vietnam.gov.vn/> (дата обращения 03.01.2023).

12. Национальное собрание Вьетнама. Конституция Социалистической Республики Вьетнам. Национальное политическое издательство правды, 2013. Республика Вьетнам. Конституция и законодательные акты. Перевод с вьетнамского (lawlibrary.ru). URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie4800.html?ysclid=lfрануqcll866154443ая> (дата обращения 03.01.2023).

13. Научно-исследовательский институт развития Меконга. Отчет об исследовании многомерного неравенства во Вьетнаме. Ханой: Молодежное издательство, 2020. 121 с.

14. Филиппова Н.А. Нация и этнос в современном парламенте: европейские уроки национальной консолидации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т 8. №4. С. 228-240.

15. Фарукшин М.Х. Институциональные основы этнических федераций // Полис. Политические исследования. 2017. №2. С. 103-117.

16. Хо Ши Мин. Полный набор. Ханой: Национальное политическое издательство, 2009. Т. 9. 587 с.

17. Центр исследований прав человека. Основные международные документы по правам человека. Ханой, 2002. 425 с.

18. Центр развития персонала и научных исследований Отечественного фронта Вьетнама, РТА и ПРООН во Вьетнаме. Индекс эффективности провинциального управления и государственного управления во Вьетнаме. Ханой: Издательство Центра, 2018. 13 с.

19. Чан Динь Хюинь. Хо Ши Мин - выдающийся архитектор государственного управления Вьетнама. Ханой: Издательство «Труд и Социальное», 2005. 245 с.

20. Этнический комитет. Тема: Обеспечение прав национальных меньшинств в нашей стране в условиях глобализации и международной интеграции. 2021. 126 с.

21. Keyes Ch.F. Ethnicity and the Nation-states of Thailand and Vietnam. Social Research Institute. Chang Mai University. 2004. 22 p.

22. The Guardian. The Colour of Power: Revealed: Britain's most powerful elite is 97% white. URL: <https://www.theguardian.com/inequality/2017/sep/24/revealed-britains-most-powerful-elite-is-97-white> (дата обращения 03.01.2023).

23. United nations human right. International Covenant on Civil and Political Rights. URL: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CCPR.aspx> (дата обращения 03.01.2023).

24. United Nations Peace. Dignity and equality on a healthy planet. Universal Declaration of Human Rights. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения 03.12.2022).

25. Will Kymlicka. Multicultural Citizenship: A liberal theory of minority rights // Oxford University Press. 1996. 296 p.

26. 2022 Country Reports on Human Rights Practices: Vietnam // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-country-reports-on-human-rights-practices/vietnam/> (дата обращения 03.01.2023).

References

1. Agentstvo OON po gendernomu ravenstvu i rasshireniyu prav i vozmozhnostei zhenshchin. Dannye o zhenshchinakh i muzhchinakh vseh etnicheskikh grupp vo V'etname za period 2015–2019 gg. Khanoi. 2021 g. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/gender-equality> (data obrashcheniya 03.01.2023).

2. V'etnamskoe pravitel'stvo. Otchet ob otsenke realizatsii politik podderzhki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya etnicheskikh men'shinstv i gornykh raionov za 3 goda v period 2016-2018 gg. URL: [https://vietnam.gov.vn/\(data obrashcheniya 03.01.2023\)](https://vietnam.gov.vn/(data obrashcheniya 03.01.2023)).

3. V'etnamskoe pravitel'stvo. Polozhenie ob investitsionnom nadzore soobshchestva. Reshenie №80/2005/QD-TTg. 18 aprelya 2005 g. URL: [https://vietnam.gov.vn/\(data obrashcheniya 03.01.2023\)](https://vietnam.gov.vn/(data obrashcheniya 03.01.2023)).

4. Institut issledovaniy prav cheloveka. Ssylki na mezhdunarodnoe pravo prav. URL: [cheloveka. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml) (data obrashcheniya 03.01.2023).

5. Kao Dyk Tai. Svoboda slova, pressa, dostup k informatsii s obyazatel'stvami grazhdanstva // Zhurnal natsional'noi oborony. 2021. №2. S. 36-46.

6. Lykoshina L.S. Natsional'nye i etnicheskie men'shinstva v sovremennoi Pol'she // Natsional'nye men'shinstva v stranakh tsentral'no-vostochnoi Evropy. 2007. №2007. S. 20-43.

7. Martsinkyavichyus A. Integratsiya etnicheskikh men'shinstv v kontekste sovremennoi etnopolitiki Litvy (2010–2015 gg.) // Etnograficheskoe obozrenie. 2017. №2. S. 39-53.

8. Narodnyi komitet kommuny Zyafu, Baotkhang, Laokai, Otchet o sotsial'no-ekonomicheskom razvitiy ochen' nemnogikh etnicheskikh men'shinstv, 2019 g. URL: <https://vietnam.gov.vn/> (data obrashcheniya 03.01.2023).

9. Narodnyi komitet raiona Sinkho, Laichau. Doklad o sostoyanii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya natsional'nykh men'shinstv. 2019. URL: <https://vietnam.gov.vn/> (data obrashcheniya 03.01.2023).

10. Natsional'noe sobranie V'etnama. Dannye ob itogakh vyborov v XVI Natsional'noe Sobranie i Narodnye Sovety vseh urovnei na 2016-2021 gody. URL: <https://vietnam.gov.vn/> (data obrashcheniya: 03.03.2023).

11. Natsional'nyi izbiratel'nyi sovet. Rezolyutsiya Obnarodovanie ofitsial'nogo spiska kandidatov na vyborakh v Natsional'noe sobranie 15-go sozyva po kazhdomu izbiratel'nomu okrugu strany. Rezolyutsiya 559/NQ-HDBCQG.

Khanoi. 2021 god. URL: <https://vietnam.gov.vn/> (data obra-shcheniya 03.01.2023).

12. Natsional'noe sobranie V'etnama. Konstitutsiya Sotsialisticheskoi Respubliki V'etnam. Natsional'noe politicheskoe izdatel'stvo pravdy, 2013. Respublika V'etnam. Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty. Perevod s v'etnamskogo (lawlibrary.ru). URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie4800.html?ysclid=lfrazyqcll866154443aya> (data obrashcheniya 03.01.2023).

13. Nauchno-issledovatel'skii institut razvitiya Mekonga. Otchet ob issledovanii mnogomernogo neravenstva vo V'etname. Khanoi: Molodezhnoe izdatel'stvo, 2020. 121 s.

14. Filippova N.A. Natsiya i etnos v sovremennom parlamente: evropeiskie uroki natsional'noi konsolidatsii // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2012. T 8. №4. C. 228-240.

15. Farukshin M.Kh. Instituttsional'nye osnovy etnicheskikh federatsii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. №2. C. 103-117.

16. Kho Shi Min. Polnyi nabor. Khanoi: Natsional'noe politicheskoe izdatel'stvo, 2009. T. 9. 587 s.

17. Tsentri issledovanii prav cheloveka. Osnovnye mezhdunarodnye dokumenty po pravam cheloveka. Khanoi, 2002. 425 s.

18. Tsentri razvitiya personala i nauchnykh issledovanii Otechestvennogo fronta V'etnama, RTA i PROON vo V'etname. Indeks effektivnosti provintsial'nogo upravleniya i gosudarstvennogo upravleniya vo V'etname. Khanoi: Izdatel'stvo Tsentra, 2018. 13 s.

19. Chan Din' Khyuin'. Kho Shi Min - vydayushchiysya arkhitektorskiy gosudarstvennogo upravleniya V'etnama. Khanoi: Izdatel'stvo «Trud i Sotsial'noe», 2005. 245 s.

20. Etnicheskii komitet. Tema: Obespechenie prav natsional'nykh men'shinstv v nashei strane v usloviyakh globalizatsii i mezhdunarodnoi integratsii. 2021. 126 s.

21. Keyes Ch.F. Ethnicity and the Nation-states of Thailand and Vietnam. Social Research Institute. Chang Mai University. 2004. 22 p.

22. The Guardian. The Colour of Power: Revealed: Britain's most powerful elite is 97% white. URL: <https://www.theguardian.com/inequality/2017/sep/24/revealed-britains-most-powerful-elite-is-97-white> (data obrashcheniya 03.01.2023).

23. United Nations Human Rights. International Covenant on Civil and Political Rights. URL: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CCPR.aspx> (data obrashcheniya 03.01.2023).

24. United Nations Peace. Dignity and equality on a healthy planet. Universal Declaration of Human Rights. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (data obrashcheniya 03.12.2022).

25. Will Kymlicka. Multicultural Citizenship: A liberal theory of minority rights // Oxford University Press. 1996. 296 p.

26. 2022 Country Reports on Human Rights Practices: Vietnam // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-country-reports-on-human-rights-practices/vietnam/> (data obrashcheniya 03.01.2023).

Е.В. Рябинин

**КРОСС-ТЕМПОРАЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ПРИЧИН
АКТИВИЗАЦИИ ИДЕЙ
ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ
УКРАИНЫ**

Аннотация

Проанализированы этапы и причины активизации идей федерализации Украины на современном этапе развития государства, начиная со времен упадка Советского Союза и обретения Украиной независимости. Проанализированы идеи политиков того времени и доказано, что одним из идеологов идей федерализации был Черновол, который считал, что федерализации нужна государственная унитарность лишь изменит московское давление на киевское давление центрального правительства на регионы.

Отмечено, что идея не была реализована из-за сепаратистских тенденций, охвативших регионы Украины. Делается ударение на том, что унитарная форма территориального устройства была избрана для укрепления государства, но ведущие политики того времени (В. Черновол, Л. Кучма) постоянно отмечали необходимость федерализации Украины, но через некоторое время.

Объяснена популярность идей федерализации во время оранжевой революции и обосновано мнение, что эта идея в основном транслировалась политическими элитами, которых волновали только их бизнес-позиции. Это была первая серьезная кризисная ситуация, когда возник вопрос об изменении территориального устройства государства. Прослежена эволюция этой идеи после оранжевой революции и отмечена постепенная ее популяризации среди политиков и политических экспертов. Проанализирована позиция таких политиков, как В. Литвин, П. Симоненко, Е. Кушнарев, В. Колесниченко, наиболее активно анализировавшие эту тему.

Сделан вывод о том, что отказ от феде-

E. Ryabinin

**CROSS-TEMPORAL
ANALYSIS OF THE
REASONS OF UKRAINE'S
FEDERALIZATION
ACTIVIZATION**

Abstract

The stages and reasons for the intensification of the ideas of federalization of Ukraine at the present stage of development of the state, starting from the time of the collapse of the Soviet Union and Ukraine's independence, are analyzed. The ideas of politicians of that time were analyzed and it was proved that one of the leaders of the ideas of federalization was V. Chernovol, who believed that federalization was necessary for the state because unitarity would only change Moscow's pressure on Kyiv's central government pressure on regions.

It is noted that the idea was not carried out due to separatist tendencies that covered the regions of Ukraine. It was emphasized that the unitary form of territorial organization was chosen to strengthen the state, but the leading politicians of the time (V. Chernovol, L. Kuchma) constantly emphasized the need for federalization of Ukraine, but after some time.

The popularity of the ideas of federalization during the orange revolution is explained and the opinion is substantiated that this idea was mostly broadcast by political elites who cared about their business positions. This was the first serious crisis situation when the question of changing the territorial structure of the state arose. The evolution of this idea after the orange revolution is traced and its gradual popularization among politicians and political experts is emphasized. The position of such politicians as V. Lytvyn, P. Symonenko, E. Kushnaryov, V. Kolesnichenko, who most actively analyzed this topic, was analyzed.

It is concluded that the refusal to federalize the state led not only to a civil war, but also to a serious geopolitical crisis of

рализации государства привел не только к гражданской войне, но и к серьезному геополитическому кризису современности, окончанием которого станет возможная деконструкция Украины.

our time, the end of which will be the possible deconstruction of Ukraine.

Ключевые слова:

государственно-территориальное устройство, федерализация, сепаратизм, Черновол, Украина.

Key words:

state-territorial system, federalization, separatism, Chernovol, Ukraine.

Подавляющее большинство политических кризисов на Украине сопровождалось обсуждением вопросов государственно-территориального устройства государства. Этот вопрос время от времени поднимался и обсуждался политиками, юристами, учеными, но он никогда не получал столь отрицательной окраски, как после государственного переворота 2014 года. По мнению политических сил, пришедших к власти и будучи ставленниками коллективного Запада, федерализация может негативно сказаться на степени единства государства. Хотя следует отметить, что Украина за весь период своего независимого существования никогда не была единой, а избирательные кампании выражались не в конкуренции политических программ, а в столкновении регионов, население которых придерживались диаметрально противоположных взглядов относительно разных аспектов внутренней и особенно внешней политики.

Вопрос федерализации Украины стоял на повестке дня еще до момента обретения ее независимости и сопровождал на всем протяжении ее существования. Таким образом, целью статьи является анализ этапов и причин активизации идей изменения государственно-территориального устройства Украины.

Если говорить об ученых и экспертах, которые интересовались этим вопросом, следует отметить таких специалистов, как А. Колодий, Я. Дашкевич, С. Телешун (подготовивший и защитивший докторскую диссертацию на тему «Государственное устройство Украины: проблемы теории и практики [7] Но эта работа была написана еще в 2000 году, когда Украина не столкнулась с двумя мощными политическими кризисами. Различные аспекты федеративного устройства рассматриваются в работах А. Мальгина «Украина: соборность и регионализм» и «Федерализация Украины: к единству через разнообразие», подготовленная В. Григорьянцом, С. Жильцовым, А. Ишиным, А. Мальгиным. Первая работа вышла в 2005 году именно после оранжевой революции, вторая в 2011, когда этот вопрос обсуждался в узких кругах.

Прежде всего, считаем необходимым дать определение процессу федерализации. Итак, по мнению авторов Энциклопедического словаря-справочника «Новейшая политическая лексика» федерализация – это процесс, в результате которого происходит переход к федеративному государственному территориальному устройству. Цель федерализации – обеспечить в рамках единого государства функционирование его субъектов в условиях определенной политической самостоятельности, разграничение полномочий между федерацией и субъектами федерации, установление двухуровневой системы органов власти, системы законодательства [16, с. 406].

Если говорить об изменении территориального устройства, а именно о трансформации государства в федерацию, этот вопрос поднимался под влиянием именно политических процессов трижды за современную историю Украины.

Первый этап идей федерализации совпал с периодом распада Советского Союза. Активным проводником федерализации выступил Вячеслав Черновол. Именно в этот период В. Черновол включил этот вопрос в свой идейный арсенал в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В этом вопросе он находил единомышленников и последователей, однако сталкивался и с теми, кто не только не воспринимал, но и категорически осуждал идеи федерализма. Под их влиянием несколько изменялось артикулирование В. Черноволем этой инициативы, ведь продолжался поиск методов и средств обеспечения развития общества [6, с. 99].

Черновол обратил внимание на идею федерализма в 1960-х гг., ища пути динамичного развития национального сообщества [6, с. 104]. Он рассматривал федерализм как публичное самоуправление. Понятие федерализма и самоуправления для него были тождественны. Причиной недейственности советского федерализма В. Черновол назвал несоответствие его самой сути понятия «федерализм», ведь советская модель федерализма была не что иное, как сверхцентрализация. В широком самоуправлении В. Черновол видел внедрение экономического самоуправления определенных регионов. Таким образом, его осмысление федерализма (или самоуправления) заключалось в предоставлении гражданам в первую очередь широких прав в сфере экономики и администрирования, обеспечивающих самовыражение народа, местную инициативу.

Уже в новых общественно-политических реалиях в конце 1980-х гг. В. Черновол вынес на общественное обсуждение идею федерализма (или

широкого самоуправления). Первая апробация этой идеи прошла в 1987 году на заседании львовского дискуссионного клуба. По его замыслу, выражение идеи федерализма было одним из звеньев «разноплановой борьбы с советским тоталитаризмом».

В своей избирательной программе он «представлял будущую Украину федеративным государством, союзом земель, которые сложились исторически и несут на себе природно-климатические, культурно-этнографические, языково-диалектические, хозяйственные и другие различия, что проявляется в разнообразии единого народа». В составе Украинской Народной Республики он «видел такие земли, как Киевщина, Подолье, Волинь, Галичина, Буковина, Закарпатье, Гетманщина, Слобожанщина, Донетчина, Таврия, а Крым – как независимого соседа или автономную республику в составе Украины». По его мнению, в условиях неперемennого сохранения политической и этнической консолидации предоставление определенной самостоятельности должно было бы помочь значительному экономическому, политическому и культурному развитию государства в целом и отдельных земель, в частности [6, с. 109].

По его замыслу каждая из земель имела бы свой парламент и свое земельное правительство. Высшим законодательным органом республики должен быть Верховный Совет Украины, одна из палат которой избиралась бы по принципам пропорциональной избирательной системы, а вторая – на основе равного количества избранных от каждой из земель. То есть мы видим в этом проекте прямой намек на федеративное устройство Украины.

По мнению В. Черновола, его вариант децентрализации гарантировал объединение Украины, мог обезопасить от распространения сепаратистских настроений, усилить самовыражение людей на местах, создать условия для обеспечения историко-культурной самобытности регионов, экономической самостоятельности и инициативы [6, с. 111].

На пресс-конференции, состоявшейся в мае 1990 года, В. Черновол подтвердил, что остается сторонником федерализации Украины, хотя его за это и критиковали. В. Черновол считал, что «если мы централизм московский не заменим на централизм киевский, то и русские Донбасса, и Крым не захотят отсоединяться, и Закарпатье забудет о своем русинстве. Главная моя идея – не держать силой, а максимально развивать местное самоуправление» [18].

Историк А. Андрощук утверждает, что переломным годом во взглядах В. Черновола на федерализацию Украины стал 1992 год. В декабре состоя-

лось собрание политической партии «Народный Рух», на котором обсуждали концепцию развития государства. Предложение федерализма повлекло за собой бурную дискуссию в зале. Участники собрания убеждали, что «идея федерализма враждебна идее соборности Украинского государства» [18].

Итак, подводя итоги трансформации взглядов В. Черновола относительно федерализации, следует отметить, что, видимо, он осознавал тот факт, что регионы Украины были довольно разнообразными по многим параметрам, а именно, в ментальном, экономическом, языковом, политическом. Поэтому он считал, что именно федеративный строй может оставить все земли в пределах одного государства. Но те процессы, которые начались после обретения независимости, когда ряд регионов начал дискутировать о создании Донецко-Криворожской республики, Новороссии, Крымской республики, заставили В. Черновола под давлением однопартийцев отказаться от этой идеи и начать обсуждать углубленное местное самоуправление, а вопрос федерализации отложить до лучших времен. Следовательно, «федерализм» В. Черновола развивался в контексте процессов обретения независимости и создания государства. Этот вопрос поднимался не как реакция на проблемы, с которыми столкнулась страна в 2004 и 2014 гг., а как возможная модель развития государства, включавшая успешный опыт других федеративных государств [2].

Другим сторонником федерализации того времени был кандидат в Президенты Украины В. Гринев, который также был заместителем председателя Верховной Рады Украины. В начале 1990-х гг. он отстаивал мнение, что целостность Украины можно сохранить только введя федерально-земельное устройство вроде того, что есть в ФРГ или США. Политик считал, что «нужно дать право Крыму, Одессе, Донбассу, Галиции решать свои, а не глобальные задачи...».

Введение федерально-земельного устройства, по замыслам В. Гринева, должно было создать реальный противовес президентской власти, снять национальные проблемы и помочь развитию экономики, поскольку регионы будут концентрировать свое внимание на локальных проблемах [1].

Следует отметить, что В. Гринев оставался активным пропагандистом идеи федерализации Украины и в последующие годы, являясь лидером избирательного блока, а затем партии «Межрегиональный блок реформ» и одновременно советником Президента Украины. В 1995 году свой взгляд на перспективы осуществления глубоких экономических и политических ре-

форм этот политический и государственный деятель изложил в книге «Новая Украина: какой я ее вижу».

В контексте популяризации идей федерализма отдельные регионы начали активно демонстрировать стремление к автономии или даже независимости. Еще в 1990 году профессор Одесского университета А. Сурилов возглавил организационный комитет Демократического Союза Новороссии и Бессарабии, который должен пропагандировать идею создания Новороссии как автономного образования в пределах федеративной Украины. Новая автономия должна была охватить территорию бывшей Херсонской губернии. Для распространения этих идей была основана газета «Новоросский телеграф». Летом-осенью 1991 года в донецкой печати появился ряд статей, в которых пропагандировалась идея автономии Донбасса и предлагалось с этой целью провести областной референдум. Наиболее действенными в продвижении идеи автономного статуса Донбасского региона стали возглавляемая Д. Корниловым общественная организация Интердвижение Донбасса и Движение «Демократический Донбасс», созданное в Луганской области. Активисты этих организаций призвали к проведению Донецкой ассамблеи (по образцу Галицкой) и провозглашению восстановленной Донецко-Криворожской Республики или «республики Малороссии». В октябре 1991 года на страницах газеты «Вечерний Николаев» местный центр Конституционно-демократической партии Украины призвал к созданию общественно-политической организации «Движение за федерацию на Украине». Обострение политической ситуации на почве активизации автономистских стремлений русинских организаций наблюдалось в то время в Закарпатье.

Такими тенденциями определяется первый этап в истории Украины по вопросу государственного территориального устройства. Также в рамках этого этапа следует отметить кризисную ситуацию в Крыму, после чего полуостров получил автономию, и Украина фактически превратилась в полуунитарную или полужедеративную республику. До этих событий о возможной федерализации в июле 1994 года говорил президент Украины Л. Кучма, ставший президентом государства благодаря обещаниям предоставить больше свободы регионам и больше прав жителям юго-восточных регионов по использованию русского языка. Он отметил, что «пример Крыма свидетельствует о том, что некоторые регионы нуждаются в большей автономии. Украина должна стать федеративным государством, но это задача будущего» [5, с. 203].

В тот же период начинают создаваться политические партии, поддерживающие тесную связь с Россией, а значит, в их политических программах все чаще можно увидеть тезисы не только о федерализации Украины, но и о создании союза государств, в которые, кроме Украины, входили бы еще Россия и Белоруссия. Среди таких партий следует отметить «Русско-Украинский Союз», «Русь единая», «ЗУБР», «За Русь единую» (с 2002 года «Русский блок»). Но на парламентских выборах эти партии получали меньше, чем 1% голосов, а, следовательно, их идеология не получала в то время поддержки среди избирателей, это можно объяснить тем фактом, что Россия сама находилась в состоянии политико-экономического кризиса, сопровождавшегося военными действиями в Чечне, высоким уровнем терроризма, коррупцией и упадком геополитического влияния, а у жителей Украины была надежда на решение всех экономических проблем и превращение государства в крепкого регионального актора международных отношений.

В этот период более серьезное отношение к федерализму и даже самостоятельности ощущается на Западе страны. Эта тенденция наблюдалась до событий 2004 года. Даже в 2003 году федералистские настроения дискутировались среди западноукраинской интеллигенции. Так, в 2003 году Ю. Андрухович в своей статье написал, что «галичане все чаще чувствуют себя пасынками в своем государстве». Эти мысли и тенденции оживляли идеи о самостоятельном пути Галиции обратно в Европу. Львовский журнал «Ї» опубликовал спецвыпуск под названием «Украинская федеративная республика», в котором был показан рост автономистских, а иногда и сепаратистских устремлений в Галиции, которые имели как этнокультурные, так и экономические корни. В его основе лежало разочарование западноукраинской интеллигенции в характере нового украинского государства, которое воспринималось не как национальное, а как «креольское», то есть не «украинское», а даже враждебное по отношению к Галиции [14, с. 167].

Р. Лозинский во главу угла среди всех факторов автономизации Галиции ставил разные аспекты языковой проблемы: «Во-первых, односторонняя и неверная оценка языковой ситуации, недостаточное понимание реальных причин, которые порождали русификацию населения Украины в прошлом и тех, что приводило к снижению роли украинского языка. Во-вторых, это чрезмерная надежда на украинское государство, что было обусловлено непониманием сущности языковых процессов на Украине и надеждой на то, что создание государства автоматически приведет к усилению статуса укра-

инского языка. В-третьих, это отсутствие взвешенной языковой политики на государственном уровне». Некоторые западноукраинские интеллектуалы (О. Друль) в то время говорили об «ассимиляции Галиции пророссийским Востоком, перед угрозой которой обособление Галиции было единственной альтернативой для сохранения украинскости в их понимании».

Не меньшее внимание уделяется экономическому фактору. Р. Лозинский считал, что корни галицкого сепаратизма связаны исключительно с экономическими проблемами Украины. «Вместо выравнивания экономического состояния регионов, Киев проводит политику метрополии по отношению к колониям [14, с. 168].

Третьим фактором было усиление пророссийской ориентации центральноукраинских властей в противовес развитию западного вектора. Эти факторы, по мнению Я. Грицака, порождали разочарование многих галичан в украинском государстве. «Галичане получили украинское государство, но это не то государство, в котором они хотели жить. У многих людей региона возникают опасения за украинское государство и многие недовольны ролью Галиции в Украине. В результате некоторые политические силы в Галиции начинают пропагандирование идей галицкого сепаратизма, чувствуя, что для поддержки этой идеи в массовом сознании уже создана необходимая основа» [14, с. 168].

То, что галичанский автономизм мог получить поддержку, свидетельствовали результаты социологического опроса. Респондентам были заданы следующие вопросы: «боролись бы вы за независимое галицкое государство»: 2000 год - 29,4%, 2002 - 34,3%; добивались бы автономии от Киева: 2000 год - 11,5%, 2002 - 11,1%; ничего не делали, посмотрели бы, что из этого вышло бы: 2000 год - 8,8%, 2002 - 14,3%.

М. Рябчук считал, что в то время существовало два типа галицкого автономизма: радикальный (который вернее было бы назвать сепаратизмом) и умеренный (представленный более широким спектром «федералистских взглядов») [14, с. 170]. Таким образом, не имея возможности навязать всему государству свою модель его развития, Галичина испытывала разочарование относительно того, каким путем развивалось государство.

Итак, первый этап, который можно хронологически очертить с конца 1980-х до начала 2000-х гг., характеризовался поиском лучшей модели для государства. Выбор именно унитарного территориального устройства обусловливался попыткой объединить население в пределах одного государства

и снизить спрос на автономистские устремления, которые при кризисных условиях могли бы превратиться в сецессионистские. Экономический рост государства, наблюдавшийся в первой половине 2000-х гг., свел на нет идею федерализации страны как среди населения государства, так и политической элиты.

Второй этап спроса на федерализацию проявляется после событий оранжевой революции. На этот раз идеи идут от другой политической силы, которая пользовалась популярностью на Востоке и Юге Украины.

Сразу после второго тура президентских выборов 21 ноября 2004 года оппозиция организовала акции гражданского неповиновения, местные власти в западных регионах провозгласили о неподчинении администрации Л. Кучмы. В этих условиях ряд юго-восточных областных и городских советов, а также госадминистрации Харьковской, Донецкой и Луганской областей провозгласили свое намерение получить автономию и призвали к федерализации Украины [14, с. 234].

Так, 26 ноября в Донецке на внеочередной сессии областного государственного совета прозвучали призывы к введению чрезвычайного положения и автономии. Луганский облгоссовет принял постановление «Об укреплении организационной структуры местных властей» и созыве в Северодонецке съезда органов самоуправления юго-восточных регионов страны. Сбор депутатов Одесской области заявил о возможности введения автономии. В конце дня Харьковский облсовет принял решение о возможной автономии области [10, с. 270].

28 ноября 2004 года в г. Северодонецке был проведен всеукраинский съезд депутатов Верховного совета АР Крым, городских советов разных уровней. На этом съезде представитель Партии регионов Б. Колесников заявил, что «следует провести референдум по вопросу создания нового украинского юго-восточного государства в виде федерации, а столицей должен стать Харьков» [19].

То есть, вопрос был даже не о создании автономных республик в составе Украины, а о сецессии с созданием нового государства. Это была первая радикальная позиция юго-восточных регионов. Следует отметить, что эта идея была более свойственна политической элите, чем населению. Население юго-восточных регионов имело радикальное настроение против политической силы, которую возглавлял В. Ющенко и не желало подчиняться его политике, но не было разговоров о сецессии – было только желание создать

федерацию, но в пределах Украины. 28 ноября Донецкий облсовет назначил на 5 декабря референдум по вопросу автономии Донецкой области, который так и не состоялся. Вопрос о создании нового государства транслировала элита, поскольку его представители поняли, что приход другой политической силы может негативно повлиять, прежде всего, на ее финансовые и бизнес позиции. В большей степени этого не произошло, и представители донецкой и днепропетровской бизнес-групп не имели серьезных проблем с представителями новой власти, которая впоследствии из-за неэффективной экономической политики потерпела сокрушительное поражение в виде 5%, которые получил В. Ющенко на президентских выборах в 2010 году.

Следует отметить, что после этих событий федералистские идеи стали чаще обсуждаться политиками и транслироваться политическими силами в своих политических программах. Главным спикером по федерализации выступал Е. Кушнарев, лидер Партии регионов от Харьковской области. Так, на учредительном съезде партии «Новая демократия» 15 января 2005 года ее лидер заявил, что стратегической целью является федеративное устройство Украины, административно-территориальная реформа и выборность губернаторов [4].

Е. Кушнарев считал, что страна, как минимум, проведет административно-территориальную реформу польского образца, а как максимум перейдет на федеративное устройство. В свою очередь, в будущей федерации, по его мнению, все 24 области могли получить один статус, или их должно было стать меньше – 15 или 10. Предлагался и вариант, когда рядом с Автономной республикой Крым должны появиться еще 2-3 автономных республики, а остальные административно-территориальные единицы остались бы в статусе областей. Идею федерализма Украины, которая, по словам ее идеологов, «ничего общего не имеет с сепаратизмом», поддерживала левоцентристская партия «Государство». Ее структуры в феврале 2005 года возглавил экс-генпрокурор Украины Г. Васильев и она опиралась на электорат Востока страны [1].

Другим профедералистским спикером был В. Колесниченко. В интервью газете «Голос Украины» он отметил, что «этнические и социокультурные различия между регионами, часто из-за непродуманной и провокационной политики центральной власти, перерастают в социальные конфликты и центробежные тенденции». Также он заявил, что единственным выходом из

этой ситуации является создание федеративного государства, которое позволит уважать культуру и мнение друг друга [5, с. 222].

В 2009 году в газете «Голос Украины» была опубликована статья В. Колесниченко и Р. Бортника «Федеративная Украина: безальтернативная альтернатива развитию украинского государства», в которой авторы отмечают, что «чрезмерная централизация государственной власти в руках центральных органов, отсутствие финансовой основы и самостоятельности у органов местного самоуправления, крайне низкий уровень вовлеченности региональных элит в процесс принятия государственных решений на фоне культурных, исторических, экономических и политических отличий регионов Украины, остаются одними из главных дестабилизирующих факторов украинского общества». В такой ситуации, по их мнению, возможным вариантом решения этого сонма проблем может стать именно децентрализация власти по европейскому образцу и перестройка Украины на федеративных началах [9].

В этой мысли мы можем увидеть общие взгляды с В. Черноволом, который, как было отмечено выше, видел в федерации возможность остановить центробежные тенденции и желание жителей юго-восточных регионов отделиться от Украины.

По мнению автора, отсутствие реального единства государства было выгодно региональным элитам, поскольку, используя гуманитарный фактор (языковой вопрос, отношение к событиям Великой Отечественной войны, религиозный вопрос), они побеждали на местных выборах и парламентских выборах, но одновременно углубляли раскол между регионами государства.

В 2005 году возникла идея провести административно-территориальную реформу, ответственным за которую был Р. Бессмертный, но эта реформа осталась лишь намерением, поскольку не получила поддержки среди населения Украины, а также среди политических сил разных спектров. В подавляющем большинстве реформа была направлена не на соединение регионов Украины, а на их дробление для дальнейшей победы на местных и парламентских выборах. Подробный анализ этого процесса был изложен в работе «Административно-территориальная реформа: видение местных общин Луганщины» [17].

В 2005 году была создана общественная организация «Донецкая республика», главной целью деятельности которой было создание автономной Донецкой республики и федерализация Украины. Но их деятельность не получила поддержки, и в ноябре 2007 года суд признал деятельность органи-

зации незаконной. В 2009 году они распространили заявление, что «Донецк и Херсон – независимое российское федеративное государство». Против трех членов организации были возбуждены уголовные дела СБУ. Активизировалась организация в 2012 году, когда эта организация провела конференцию «Донбасс в евразийском проекте», в ходе которой обсуждались следующие вопросы: «Анализ преимуществ федеративного устройства», «Неизбежность федерализации Украины», «О национальном достоинстве малороссов», «Воссоединение России и Украины» [3].

После возвращения к власти представителей Партии регионов и победы В. Януковича на президентских выборах в 2010 году тема федерализации не поднималась и не обсуждалась так остро, как это было в период событий «оранжевой» революции. Эта проблема дискутировалась в научных кругах или находила выражение в статьях представителей политических сил, поддерживавших идеологию Партии регионов.

В 2009 году вышла статья спикера украинского парламента В. Литвина в газете «Голос Украины» «Федерализм: идея, политическая практика, применимость в Украине» [12].

В своей статье В. Литвин поддерживает обсуждение вопросов федерализма, говоря о том, что «сторонники воплощения идеи федерализма на украинской почве справедливо подчеркивают преимущества, которые создает двухуровневое разделение полномочий и ответственности для обеспечения условий саморазвития регионов, реализации прав и свобод граждан, приближения сферы услуг для каждого жителя. Вероятно, что таким образом можно добиться существенного снижения уровня межрегиональной конфликтности». Но он справедливо отмечает, что «вряд ли кто-нибудь в стране сегодня имеет реальное представление о сложности перехода на другую систему государственного управления и о рисках, которые в процессе этого перехода будут неизбежно возникать».

Те же вопросы поднимает А. Кривицкая (Украина) в своей монографии «Демаркационные линии в этнополитическом пространстве Украины» (уже после событий 2014 года, но эта работа планировалась задолго до 2014 года), но, несколько, с другой стороны. Она считает, что после событий 2004 года межрегиональный раскол приобрел не только политическую, но и выразительную национальную окраску. Культурно-идеологические границы: языковые и конфессиональные различия, разные признаки прошлого, диаметрально противоположные внешнеполитические ориентации стали деструктивными

факторами в процессе единения страны [11, с. 181]. Она считает, что острым вопросом для общества остаются консолидация, построение гражданского общества и формирование украинской политической нации. Единственным путем цивилизационного развития страны является сохранение ее унитарности и предотвращение дезинтеграционных проявлений [11, с. 186].

И снова, как в 1990-е гг., возникает вопрос о консолидации именно общества. По мнению С. Римаренко, «федеративным строительством можно заниматься только в открытых правовых демократических государствах, где работает разделение властей, существует экономический, политический, идеологический, культурный и этнический плюрализм» [11, с. 195]. То есть украинский ученый намекает на то, что украинское общество еще не готово обсуждать такой вопрос, тем более если негативное отношение даже к обсуждению этого вопроса выражают руководители государства. Негативное отношение к обсуждению федерализации высказывали в свое время президенты В. Ющенко и П. Порошенко. По мнению В. Литвина, «с подачи В. Ющенко федерализм характеризовался как безусловное зло, равнозначное сепаратизму, и даже как «раковая опухоль», не пошло на пользу глубокому осмыслению этого сложного общественного феномена. Мало толку было и от заявлений ряда политиков относительно неоспоримой целесообразности превращения нашего государства в федеративное. Можно сказать и большее: представление идеи федерализма как «мечты лучших» культивировало упрощенный подход к проблеме, которую обязательно следует рассматривать во всей ее сложности, в контексте переплетения геополитических, этнополитических, языково-культурных факторов, с учетом общенациональных и региональных интересов, финансовых возможностей».

Таким образом, следует отметить, что разные вопросы должны быть обсуждены сначала на научном уровне экспертами, а потом уже какие-то выводы представлены во время обсуждений с политиками, которые, в подавляющем большинстве, не являются экспертами в таких вопросах или на их мнение влияет конъюнктура.

Во время этого периода лидер украинским коммунистов П. Симоненко активно поддерживал федерализацию Украины, достаточно детально свое мнение он обосновал в интервью газете «2000» [13].

Следовательно, второй этап, который продолжался с 2005 по 2013 гг., характеризовался умеренным уровнем обсуждения вопроса изменения формы государственно-территориального устройства и не вызывал интереса со

стороны населения разных регионов Украины. Хотя идея получения большего пакета прав на региональном уровне была достаточно популярна среди населения. Так, идею федеративного устройства страны в 2005 году поддерживали около 17% участников опроса, создание Юго-Восточной автономной республик – 13%, присоединение юго-восточных областей к России – 11%. То есть, в целом можем сказать, что 41% стремились к получению больше прав и свобод от центра [11, с. 194]. Такая же примерно ситуация была в 2011 году.

Третий, наиболее радикальный этап в вопросе популяризации идей федерализации, оказался весной 2014 года, когда эти идеи шли не сверху, а в подавляющем большинстве снизу. В разных городах юго-восточной Украины проводились митинги в поддержку федерализации Украины, поскольку это был регион электората В. Януковича и Партии регионов. Идею федерализации озвучивала Российская Федерация в качестве решения острого политического конфликта. Кроме того, подобные заявления звучали и от экс-вице-президента Дж. Байдена во время его визита на Украину [20].

Среди украинских политиков до 24 февраля 2022 года мнение об изменении государственно-территориального устройства высказывал только В. Медведчук. Он считал, что «федеративное устройство – это единственное лекарство от распада государства». Политик настаивал на том, что в 90-е гг. XX века изучал этот вопрос на научном уровне (он подразумевает его кандидатскую и докторскую диссертации: «Конституционный процесс на Украине и организация государственной власти и местного самоуправления» и «Современная украинская национальная идея и вопросы создания государства») и отмечает, что М. Грушевский, М. Драгоманов, И. Франко считали федерацию оптимальным устройством для Украины. Главным аргументом В. Медведчук считает и те же аргументы, которые были положены в мировоззрение В. Черновола и профедералистских сил 2004 года, именно «что Украина состоит из территорий, ранее входивших в состав разных государств и государственных объединений и для них характерных разная ментальность, философия и образ жизни». По мнению политика, эти территории можно объединить только в пределах федеративного государства и таким образом сохранить единство государства. Он считал, что «идею федерализации поддерживает 30% населения, но эта цифра невелика из-за того, что имидж федерации подвергся плотной антипропаганде во времена режима В. Ющенко и рядовые граждане не понимали сущности этого территориального устройства» [15].

Следовательно, следует отметить, что вопрос федерализации находился на повестке дня развития украинского государства трижды – во время его создания и дважды во время серьезных политических кризисов. На первом этапе эта идея не получила поддержки среди политической элиты (хотя была популярна среди населения), поскольку регионы начали разрабатывать свои автономистские проекты, которые могли бы привести к их сецессии из состава Украины. Во время второго и третьего этапов ситуация была настолько критической, что вопрос изменения формы государственно-территориального устройства привел бы к разрушению государства. Если во время первого этапа, когда зарождалась независимая Украина, идея федерализации использовалась в качестве фактора развития государства, то во время кризисных этапов она использовалась как защитный фактор, а значит, воспринималась не в контексте решения государственных проблем, а в качестве потенциального сецессионистского движения. Академические идеи изменения государственно-территориального устройства государства не выносились на обсуждение широкой общественности, а описывались учеными и политическими деятелями в научных и публицистических статьях, которые публиковались в газетах, недостаточно популярных среди рядового гражданина, а, следовательно, авторам невозможно было донести свое мнение обществу. Если говорить о широкой общественности, следует отметить, что эта тематика использовалась некоторыми политическими силами для разъединения, а не сплочения украинского общества, таким образом, получив негативную коннотацию в восприятии рядовым гражданином. Кроме того, свое негативное мнение относительно федерализации выразил после прихода к власти и В. Зеленский, заявив, что «Украина – унитарное государство и федерализация невозможна» [8].

Таким образом, анализ этапов активизации идей федерализации Украины показал, что идея изменения государственно-территориально устройства выносилась на повестку дня во времена серьезнейших политических кризисов на Украине и всегда рассматривалась как рецепт решения внутриполитических проблем. Однако, недалёковидность украинских политиков и нежелание наделять регионы большим пакетом полномочий привели к гражданской войне, которая переросла в серьезный геополитический кризис, а дальнейшее существование самой Украины на сегодняшний день остается под большим вопросом.

Література

1. Адамович С. Ідея соборності в ідеології та діяльності українських політичних партій (1991-2004). URL: <http://194.44.152.155/elib/local/1706.pdf> (дата звернення 15.07.2022).
2. Андросчук О. В. Чорновіл та ідея федералізації України: еволюція поглядів. URL: https://portalus.ru/modules/politics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1409840143&archive=&start_from=&ucat=& (дата звернення 10.08.2022).
3. Віноградов О. «ДНР» задолго до войны: «Донецкую республику» запрещали еще 12 лет назад. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/the-beginnings-of-separatism-in-donetsk/30133800.html> (дата звернення 15.09.2022).
4. В Киеве проходит учредительный съезд партии «Новая демократия». URL: <https://www.mediaport.ua/news/politicum/20675> (дата звернення 07.09.2022).
5. Григорьянц В., Жильцов С., Ишин А., Мальгин А. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. Москва: Восток- Запад, 2011. 228 с.
6. Деревінський В. В'ячеслав Чорновіл. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2017. 252 с.
7. Телешун С.О. Державний устрій України: проблеми теорії і практики: дис... д-ра політ. наук; Київський ін-т внутрішніх справ Національної академії внутрішніх справ України. Київ, 2000. 410 с.
8. Зеленский: федерализация Украины невозможна. URL: <https://112.ua/glavnye-novosti/zelenskiy-federalizaciya-ukrainy-nevozmozhna-518008.html> (дата звернення 11.09.2022).
9. Колесніченко В., Бортник Р. Федеративна Україна: безальтернативна альтернатива розвитку української держави. URL: <http://www.golos.com.ua/article/156813> (дата звернення 05.09.2022).
10. Колесников А. Первый украинский. Записки с передовой. Киев: Вагриус, 2005. 413 с.
11. Кривицька О. Демаркаційні лінії в етнополітичному просторі України. Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАНУ, 2015. 328 с.
12. Литвин В. Федералізм: ідея, політична практика, застосовність в Україні. URL: <http://www.golos.com.ua/article/135488> (дата звернення 11.06.2022).
13. Лозунько С., Симоненко П. Территориальной целостности Украины угрожает не федерализация, а ее отсутствие! URL: https://www.2000.ua/v-pomere/forum/mnenie/petr-simonenko-territorialnoj-tselostnosti-ukrainy-ugrozhayet-ne-federalizatsija-a-ee-otsutstvie_arhiv_art.htm (дата звернення 02.09.2020).
14. Мальгин А. Украина: соборность и регионализм. Симферополь: СОНАТА, 2005. 280 с.
15. Медведчук В: Единственное лекарство от распада Украины — это федеративное устройство. URL: <https://112.ua/politika/viktor-medvedchuk-edinstvennoe-lekarstvo-ot-raspada-ukrainy--eto-federativnoe-ustroystvo-323613.html> (дата звернення 11.09.2022).
16. Новітня політична лексика (неологізми, okazіоналізми та інші новотвори) / [І.Я. Вдовичин, Л.Я. Угрин, Г.В. Шипунов та ін.]; за заг. ред. Н.М. Хоми. Львів: «Новий Світ – 2000», 2015. 492 с.

17. Ращупкіна Ю., Щербаченко В. Адміністративно-територіальна реформа: бачення місцевих громад Луганщини. Луганськ, 2007. 80 с.
18. Семків В. Чорновіл. Ідея федералізму та її трансформації. URL: <https://zbruc.eu/node/30884> (дата обращения 15.07.2022).
19. Стенограма Северодонецкого съезда 28 ноября 2004 года. URL: <https://v-variant.com.ua/articles/81128-stenogramma-severodoneckogo-sezda-28-noyabrya-2004-goda.html> (дата обращения 11.08.2022).
20. Чаленко А. Почему Байден призвал к федерализации Украины? URL: <https://ukraina.ru/opinions/20151209/1015033803.html> (дата обращения 01.09.2022).

References

1. Adamovich S. Ideya sobornosti v ideologii ta diyal'nosti ukraïns'kikh politichnikh partii (1991-2004). URL: <http://194.44.152.155/elib/local/1706.pdf> (data obrashcheniya 15.07.2022).
2. Androshchuk O. V. Chornovil ta ideya federalizatsii Ukraïni: evolyutsiya poglyadiv. URL: https://portalus.ru/modules/politics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1409840143&archive=&start_from=&ucat=& (data obrashcheniya 10.08.2022).
3. Vinogradov O. «DNR» zadolgo do voiny: «Donetskuyu respubliku» zapreshchali eshche 12 let nazad. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/the-beginnings-of-separatism-in-donetsk/30133800.html> (data obrashcheniya 15.09.2022).
4. V Kieve prokhorit uchreditel'nyi s'ezd partii «Novaya demokratiya». URL: <https://www.mediaport.ua/news/politicum/20675> (data obrashcheniya 07.09.2022).
5. Grigor'yants V., Zhil'tsov S., Ishin A., Mal'gin A. Federalizatsiya Ukrainy: k edinstvu cherez raznoobrazie. Moskva: Vostok- Zapad, 2011. 228 s.
6. Derevins'kii V. V'yacheslav Chornovil. Kharkiv: Klub simeinogo dozvil'ya, 2017. 252 s.
7. Teleshun S.O. Derzhavnii ustrii Ukraïni: problemi teorii i praktiki: dis... d-ra polit. nauk; Kiivs'kii in-t vnutrishnikh sprav Natsional'noi akademii vnutrishnikh sprav Ukraïni. Kiev, 2000. 410 s.
8. Zelenskii: federalizatsiya Ukrainy nevozmozhna. URL: <https://112.ua/glavnye-novosti/zelenskiy-federalizatsiya-ukrainy-nevozmozhna-518008.html> (data obrashcheniya 11.09.2022).
9. Kolesnichenko V., Bortnik R. Federativna Ukraïna: bezal'ternativna al'ternativa rozvitku ukraïns'koi derzhavi. URL: <http://www.golos.com.ua/article/156813> (data obrashcheniya 05.09.2022).

10. Kolesnikov A. Pervyi ukrainskii. Zapiski s peredovoi. Kiev: Vagrius, 2005. 413 s.
11. Krivits'ka O. Demarkatsiini linii v etnopolitichnomu prostori Ukraïni. Kiiiv: IPIEND im. I.F. Kurasa NANU, 2015. 328 s.
12. Litvin V. Federalizm: ideya, politichna praktika, zastosovnist' v Ukraïni. URL: <http://www.golos.com.ua/article/135488> (data obrashcheniya 11.06.2022).
13. Lozun'ko S., Simonenko P. Territorial'noi tselostnosti Ukrainy ugrozhaet ne federalizatsiya, a ee otsutstvie! URL: https://www.2000.ua/v-nomere/forum/mnenie/petr-simonenko-territorialnoj-tselostnosti-ukrainy-ugrozhaet-ne-federalizatsiya-a-ee-otsutstvie_arhiv_art.htm (data obrashcheniya 02.09.2020).
14. Mal'gin A. Ukraina: sobornost' i regionalizm. Simferopol': SONATA, 2005. 280 s.
15. Medvedchuk V: Edinstvennoe lekarstvo ot raspada Ukrainy — eto federativnoe ustroistvo. URL: <https://112.ua/politika/viktor-medvedchuk-edinstvennoe-lekarstvo-ot-raspada-ukrainy--eto-federativnoe-ustroystvo-323613.html> (data obrashcheniya 11.09.2022).
16. Novitnyia politichna leksika (neologizmi, okazionalizmi ta inshi novotvori) / [I.Ya. Vdovichin, L.Ya. Ugrin, G.V. Shipunov ta in.]; za zag. red. N.M. Khomi. L'viv: «Novii Svit – 2000», 2015. 492 s.
17. Rashchupkina Yu., Shcherbachenko V. Administrativno-teritorial'na reforma: bachennya mistsevikh gromad Luganshchini. Lugans'k, 2007. 80 s.
18. Semkiv V. Chornovil. Ideya federalizmu ta ii transformatsii. URL: <https://zbruc.eu/node/30884> (data obrashcheniya 15.07.2022).
19. Stenogramma Severodonetskogo s"ezda 28 noyabrya 2004 goda. URL: <https://v-variant.com.ua/articles/81128-stenogramma-severodoneckogo-sezda-28-noyabrya-2004-goda.html> (data obrashcheniya 11.08.2022).
20. Chalenko A. Pochemu Baiden prizval k federalizatsii Ukrainy? URL: <https://ukraina.ru/opinions/20151209/1015033803.html> (data obrashcheniya 01.09.2022).

НАШИ АВТОРЫ

АБДУЛКЕРИМОВ Керим Курбанович – кандидат политических наук, начальник отдела по практической подготовке и трудоустройству выпускников, Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (Махачкала, Россия).

ABDULKERIMOV Kerim – PhD of political sciences, head of the department for practical training and employment of Graduates, North Caucasus Institute (branch) All-Russian state University of justice (Makhachkala, Russia).

e-mail: 1987abdulkerimov@mail.ru

SPIN-код: 9705-6364

АВЦИНОВА Галина Ивановна – доктор философских наук, профессор Гуманитарного факультета, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).

AVTSINOVA Galina - Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Humanities, Russian State Social University (Moscow, Russia).

E-mail: avtsinov@rambler.ru

SPIN-код: 6686-5697

АЛЕКСЕЕВ Николай Валерьевич – научный сотрудник, НИИ общественных и политических наук (Чебоксары, Россия).

ALEXEEV Nikolai – researcher, Research institute of social and political sciences (Cheboksary, Russia).

E-mail: grajdanin1989@bk.ru

SPIN-код: 2818-8325

АЛЕКСЕЕВ Сергей Валерьевич – кандидат политических наук, преподаватель факультета управления, Московский университет им. С.Ю. Витте (Москва, Россия).

ALEXEEV Sergey – PhD of Political Sciences, Lecturer, Moscow Witte University (Moscow, Russia). E-mail: grajdanin1989@bk.ru

SPIN-код: 1029-0819

ВЕРНИЧЕНКО Марат Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления (Москва, Россия).

VERNICHENKO Marat – PhD of historical sciences, associate professor, Department of Public Administration and Political Technologies, State University of Management (Moscow, Russia).

E-mail: vernich@mail.ru

SPIN-код: 7302-3733

ВОРОНИНА Елена Юрьевна – кандидат политических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

VORONINA Elena – PhD of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: politradi@mail.ru

SPIN-код: 3115-4685

ЗАКРЕПИН Павел Владимирович – специалист, Диалог Регионы (Москва, Россия).

ZAKREPIN Pavel – specialis, ANO Dialog Regions (Moscow, Russia).

E-mail: zakrepin2000@yandex.ru

SPIN-код: 8788-1034

КИРКА Артем Викторович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления (Москва, Россия).

Область научных интересов: государственное управление.

KIRKA Artem – PhD of Political sciences, teacher of the Department of public administration and political technologies, State university of management (Moscow, Russia).

E-mail: seloff@gmail.com

SPIN-код: 6359-6085

МИРОНОВА Светлана Владимировна – аспирант факультета социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

MIRONOVA Svetlana – postgraduate student at the Faculty of Social and Political Sciences, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: s.mironova97@mail.ru

SPIN-код: 9722-4117

НЕСТЕРЧУК Ольга Алексеевна – доктор политических наук, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ (Москва, Россия).

NESTERCHUK Olga – doctor of political sciences, Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

E-mail: nesterchuk68@mail.ru

SPIN-код: 9007-5888

ПРЕЖДАРОВА Вероника Георгиевна – кандидат политических наук, преподаватель, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского (Пловдив, Болгария).

PREZAROVA Veronika – PhD of Political Sciences, Lecturer, Plovdiv University "Paisii Hilendarski" (Plovdiv, Bulgaria).

E-mail: veronika_prejdarova@abv.bg

SPIN-код: 6064-6103

ПУСТОШИНСКАЯ Ольга Сергеевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории и мировой политики, Тюменский государственный университет (Москва, Россия).

PUSTOSHINSKAYA Olga – PhD of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History and World Politics, Tyumen State University (Moscow, Russia).

E-mail: pustoshinskayaolga@yandex.ru

SPIN-код: 2959-7327

РЯБИНИН Евгений Вадимович – кандидат политических наук, доцент, Мариупольский государственный университет.

RYABININ Evgeniy – PhD of Political Sciences, Associate Professor, Mariupol State University.

E-mail: ryabinin.yevgeny@gmail.com

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

SKIPERSKIIN Alexander – doctor of political sciences, professor Department of philosophy and social Sciences, Yelets state university (Yelets, Russia).

E-mail: pisatels@mail.ru

SPIN-код: 9734-7461

СКОВИКОВ Алексей Константинович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

SKOVIKOV Alexey – PhD in political science, department of political science and political management, Russian Presidential Academy of National Economy a Public Administration

E-mail: skovikov@yahoo.com

SPIN-код: 3618-9306

СОКОЛОВ Александр Владимирович – доктор политических наук, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова (Ярославль, Россия).

SOKOLOV Alexander – Doctor of Political Sciences, Head, Department of Social and Political Theories, Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: alex8119@gmail.com

SPIN-код: 9573-5606

ШУМИЛОВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова; Председатель Чувашского регионального отделения Российской ассоциации политической науки (Чебоксары, Россия).

SHUMILOV Andrei – PhD of political sciences, associate professor, Department of history and culture of foreign countries, Chuvash state University (Cheboksary, Russia).

E-mail: officio@mail.ru

SPIN-код: 1555-4638

THE CONTENTS

NEW CHALLENGES TO POLITICAL INSTITUTIONS

A. Sokolov, S. Mironova

FEATURES OF BROADCASTING POLITICAL VALUES IN THE YOUTH COMMUNITIES OF THE VKONTAKTE SOCIAL NETWORK

6

G. Avtsinova, E. Voronina

TRANSFORMATION OF VALUES IN THE GLOBAL WORLD IN THE ERA OF DIGITALIZATION

46

A. Skovikov, V. Prezarova, A. Shumilov

STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION, NETWORKING AND DIGITALIZATION

58

E. Kazban, M. Vernichenko, A. Kirka

GEOPOLITICAL MODELS AS TOOLS FOR ANALYZING MODERN WORLD PROCESSES

70

O. Pustoshinskaya

MULTIPLE CITIZENSHIP AS A DERIVATIVE OF POSTMODERNITY

87

A. Skiperskikh

POWER VS MASS: NEW FORMS OF INTERACTION IN MUNICIPAL ELECTION CAMPAIGNS

107

N. Alekseev, S. Alekseev

PARTICIPATION OF CHURCH ORGANIZATIONS IN THE ELECTORAL PROCESS

122

ARTICLES

P. Zakrepin

THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION
AS AN OBJECT OF RESEARCH IN DOMESTIC POLITICAL SCIENCE

133

K. Abdulkerimov

SOCIAL POLICY IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN: FEATURES AND PROSPECTS

147

O. Nesterchuk, T. Nguyen

ENSURING AND PROMOTING EQUALITY OF POLITICAL RIGHTS AMONG ETHNIC
GROUPS IN VIETNAM

159

E. Ryabinin

CROSS-TEMPORAL ANALYSIS OF THE REASONS OF UKRAINE'S
FEDERALIZATION ACTIVIZATION

178

OUR AUTHOR

196

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 25.03.2023
Дата выхода в свет 05.04.2023

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iopn.ru

Свободная цена
Индекс подписки по каталогу
«Пресса России» 15130

© НИИ общественных и политических
наук, 2023.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

© Institute of Social and Political
Sciences, 2023.

